

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Innovative Project

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
Том 1. Выпуск № 2.

САМАРА 2016

Innovative Project: научно-исследовательский архитектурный журнал / СГАСУ. – Самара: 2016. – Т. 1. - №2. – 119 с.

Innovative Project

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный архитектурно-строительный университет» (ФГБОУ ВО СГАСУ)

Главный редактор – Малахов С.А., к. арх., профессор (Самара, СГАСУ)
Менеджер проекта, идея, обложка – Филиппов В.Д., (Самара, СГАСУ)
Дизайн и верстка – Романова Д.Н. (Самара, СГАСУ)
Редактирование русских текстов – Коноплина Г.Ф. (Самара, СГАСУ)
Редактирование английских текстов – Градалева Е.А. (Самара, СГАСУ)

Редакционная коллегия:

Ахмедова Е.А., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН* (Самара, СГАСУ)
Бальзанников М.И., д.т.н., профессор, советник РААСН (Самара, СГАСУ)
Галицков К.С., к.т.н., доцент (Самара, СГАСУ)
Гельфонд А.Л., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН (Нижний Новгород, ННГАСУ)
Ефимов А.В., д. арх., профессор (Москва, МАРХИ)
Кияненко К.В., д. арх., профессор, советник РААСН (Вологда, ВоГУ)
Меерович М.Г., д. ист., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН (Иркутск, ИргТУ)
Репина Е.А., к. арх., профессор (Самара, СГАСУ)
Самогоров В.А., к. арх., профессор, советник РААСН (Самара, СГАСУ)
Семенов С.В., д. арх., профессор, советник РААСН (Санкт-Петербург, СПбГАСУ)
Янковская Ю.С., д. арх., профессор (Екатеринбург, УралГАХУ)

*РААСН - Российская Академия Архитектуры и Строительных Наук

Адрес редакции: 443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, каб. 0607
Кафедра инновационного проектирования СГАСУ

Founder: Samara State University of Civil Engineering (SGASU)
Editor in Chief – Sergey Malakhov, Ph.D. Arch., Professor (Samara, SGASU)
Project manager, concept, cover – Vasily Filippov (Samara, SGASU)
Design and Layout – Darya Romanova (Samara, SGASU)
Editing of Russian texts - Galina Konopleva (Samara, SGASU)
Editing of English texts – Ekaterina Gradaleva (Samara, SGASU)

Editorial team:

Elena Akhmedova, D. Arch., Professor, RAASN* Corresponding Member. (Samara, SGASU)
Mikhail Balzannikov, Doctor of Engineering, Professor, RAASN Advisor, Rector SGASU (Samara)
Konstantin Galitskov, Ph.D. of Engineering, Associate professor (Samara, SGASU)
Anna Gelfond, D. Arch., Professor, RAASN Corresponding Member. (Nizhny Novgorod, NNGASU)
Andrey Efimov, D. Arch., Professor (Moscow Architectural Institute)
Konstantin Kiyanenکو, D. Arch., Professor, RAASN Advisor, (Vologda, Vologda State University)
Mark Meerovitch, Doctor of Historical Sciences, D. Arch., Professor, RAASN Corresponding Member. (Irkutsk, State Technical University)
Eugenia Repina, Ph.D. Arch., Professor (Samara, SGASU)
Vitaly Samogorov, Ph.D. Arch., Professor, RAASN Advisor (Samara, SGASU)
Sergey Sementsov, D. Arch., Professor, RAASN Advisor (St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
Julia Jankowski, D. Arch., Professor (Ekaterinburg, USAAA)

*RAASN - Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

Editorial office: 443001, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya St., 194, office № 0607
Innovative design department SGASU

Научное издание

Подписано в печать 30.08.16 г. Формат 60x90/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 17. Тираж 300 экз. Заказ № 1539 .
Отпечатано в типографии ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»:
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел. (846) 267-36-82

СОДЕРЖАНИЕ

7–22	ИСТОРИИ ГОРОДА .....
8	<i>Мальшиева С. Г.</i> РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РЕГЕНЕРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ГОРОДА
12	<i>Храмова М. Ю. Храмов Д. Ю.</i> ХЛЕБНАЯ ПЛОЩАДЬ – ИСХОДНАЯ ТОЧКА ФОРМИРОВАНИЯ КАРКАСА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА САМАРЫ. ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРКА
17	<i>Басс С. К.</i> ПАМЯТНИКИ ИЛИ ПРОВОКАЦИИ: РОЛЬ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРЫ СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА В ЭВОЛЮЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА САМАРЫ
23–56	ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА .....
24	<i>Репина Е. А., Малахов С. А., Гниломедов А. С., Мальшиева С. Г., Лащенко С. В., Захарченко М. А., Романова Д. Н., Лопатина Л. Е.</i> ЕСТЕСТВЕННЫЙ ГОРОД – ОПЫТ НАУЧНО-ПРОЕКТНЫХ РАЗРАБОТОК
46	<i>Brun A., Maléfant L., Брюн А., Малефан Л.</i> L'EAU DANS LA RÉGÉNÉRATION URBAINE: ENJEUX ET PERSPECTIVES AUTOUR DE QUELQUES GRANDS PROJETS MÉTROPOLITAINS / РОЛЬ ВОДЫ В РЕГЕНЕРАЦИИ ГОРОДОВ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА ПРИМЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ КРУПНЫХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
54	<i>Грязнова Г. Г., Грязнова А. В.</i> СИМБИОЗ ИСКУССТВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВИДЕОЭКОЛОГИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
57–76	ЧЕЛОВЕК И ГОРОД .....
58	<i>Бурлина Е. Я.</i> ФИЛОСОФСКИЕ ВАРИАЦИИ О ГОРОДЕ
64	<i>Рыбакова Д. С.</i> РОЛЬ КОНТЕКСТА В АРХИТЕКТУРЕ МОДЕРНИЗМА XX ВЕКА
70	<i>Репина Е. А., Рыбакова Д. И.</i> ЧЕЛОВЕК И МИКРОРАЙОН: ПРОБЛЕМАТИКА
72	<i>Ахмедова Е. А.</i> РОЛЬ МЕТОДА DESIGN CHARRETTE В СРЕДОВОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ
77–84	ГОРОД В ДВИЖЕНИИ .....
78	<i>Малахов С. А.</i> АСПЕКТЫ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ. ЕСТЕСТВЕННАЯ ФОРМА СРЕДЫ. НЕИЗВЕСТНОЕ КАК ФАКТОР КРАСОТЫ
82	<i>Малахов С. А. Адамова Е. А.</i> ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ И БИНАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЕЕ ФОРМЫ
85–98	ГОРОД ВНЕ ГОРОДА .....
86	<i>Михайлова Е. А.</i> АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОМОВ НА ВОДЕ В НИДЕРЛАНДАХ
92	<i>Репина Е. А., Гайдина В. С.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАССОВОГО ЖИЛЬЯ И РОЛЬ ТРУЩОБ
95	<i>Репина Е. А., Романова Д. Н.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА ПРИМЕРЕ КВАРТАЛОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА САМАРЫ
99–112	МАСТЕРСКАЯ .....

100	<i>Lеду Н. Ledoux N.</i> «REINVENTING PARIS», WHEN URBAN INNOVATION SURVIVES REGULATION
104	<i>Репина Е. А., Лопатина Л. Е.</i> КАМПУС: МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ
109	<i>Репина Е. А., Чубукина О. В.</i> МОДЕЛЬ НЕ РАВНА РЕАЛЬНОСТИ. КАРТА НЕ РАВНА МЕСТНОСТИ
113–118	КОРОТКО .....
114	<i>Соколова Н. С.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА
116	<i>Полянцова Е. Р.</i> ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ
117	<i>Малахов С. А., Репина Е. А.</i> НЕОБХОДИМОЕ УТОЧНЕНИЕ
118	АВТОРЫ ЖУРНАЛА
	CONTENTS
7–42	URBAN STORIES .....
8	<i>Malysheva Svetlana</i> THE ROLE OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN REGENERATION OF THE HISTORICAL ENVIRONMENT OF THE CITY
12	<i>Khratova Maria, Khramov Dmitry</i> KHLEBNAYA SQUARE AS A STARTING POINT OF THE CULTURAL LANDSCAPE FRAMEWORK OF THE CITY OF SAMARA. UNVEILING THE POTENTIAL TO CREATE A HISTORICAL, ARCHITECTURAL AND ARCHAEOLOGICAL PARK
17	<i>Buss Simon</i> MONUMENTS OR PROVOCATIONS: THE ROLE OF OBJECTS OF ARCHITECTURE OF THE SOVIET AVANT-GARDE IN EVOLUTION OF THE POST-SOVIET CITY OF SAMARA
23–56	URBAN SPACE .....
24	<i>Repina Eugenia, Malakhov Sergey, Gniledov Alexander, Malysheva Svetlana, Lashchenko Snezana, Zakharchenko Marina, Romanova Daria, Lopatina Lydia</i> NATURAL CITY – THE EXPERIENCE OF SCIENTIFIC AND PROJECT DEVELOPMENT
46	<i>Brun Alexandre, Maléfant Llewella</i> WATER IN URBAN REGENERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES AROUND SOME MAJOR METROPOLITAN PROJECTS
54	<i>Gryaznova Galina, Gryaznova Anna</i> THE SYMBIOSIS OF ART IN SHAPING THE VISUAL ECOLOGY OF URBAN ENVIRONMENT
57–76	THE CITY & PEOPLE .....
58	<i>Burlina Elena</i> PHILOSOPHICAL VARIATIONS OF THE CITY
64	<i>Rybakova Darya</i> THE ROLE OF CONTEXT IN THE MODERNIST ARCHITECTURE OF THE 20TH CENTURY
70	<i>Repina Evgenia, Rybakova Diana</i> A PERSON AND A RESIDENTIAL DISTRICT: PERSPECTIVE
72	<i>Akhmedova Elena</i> THE ROLE OF THE DESIGN CHARRETTE METHOD IN ENVIRONMENTAL DESIGN
77–84	CITY IN MOTION .....
78	<i>Malakhov Sergey</i> ASPECTS OF SHAPING. NATURAL FORM OF THE ENVIRONMENT. THE UNKNOWN AS A BEAUTY FACTOR

82	<i>Malakhov Sergey, Adamova Ekaterina</i> THE PROBLEMS OF TERRITORY DEVELOPMENT AND THE BINARY ORGANIZATION OF ITS FORM
85-98	CITY WITHOUT THE CITY
86	<i>Mikhailova Ekaterina</i> ARCHITECTURAL PLANNING AND ENGINEERING FEATURES OF WATER HOUSES IN THE NETHERLANDS
92	<i>Repina Eugenia, Gaydina Vasilisa</i> MODERN MASS HOUSING PROBLEMS AND THE ROLE OF SLUMS
95	<i>Repina Eugenia, Romanova Daria</i> INVESTIGATION OF LANGUAGES OF NON-PROFESSIONAL ARCHITECTURE CONSIDERED ON THE EXAMPLE OF QUARTERS IN THE HISTORICAL PART OF SAMARA
99-112	WORKSHOP
100	<i>Ledoux Nicolas</i> «REINVENTING PARIS», WHEN URBAN INNOVATION SURVIVES REGULATION («PRESERVATION OF HERITAGE AND DEVELOPMENT OF THE CITIES», SAMARA, 30.09-01.10.2016)
104	<i>Repina Eugeniya, Lopatina Lidia</i> CAMPUS MANAGEMENT MODELS
109	<i>Repina Eugeniya, Chubukina Olga</i> THE MODEL IS NOT EQUAL TO REALITY. THE MAP IS NOT EQUAL TO THE AREA
113-118	BRIEFLY
114	<i>Sokolova Natalia</i> THEORETHICAL ASPECTS OF THE URBAN SPATIAL STRUCTURE
116	<i>Polyantseva Ekaterina</i> DECRIMINALIZATION OF ARCHITECTURAL ENVIRONMENT
117	<i>Malakhov Sergey, Repina Eugeniya</i> NECESSARY CLARIFICATION
118	JOURNAL AUTHORS

К АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ «IP»

Уважаемые авторы и читатели “Innovative Project”, позвольте приветствовать вас по случаю выхода в свет второго выпуска нашего журнала. В его черно-белом простом дизайне выражается концепция ясного донесения актуальных смыслов, изложенных в публикациях. Журнал прошел все стадии официальной регистрации, благодаря усилиям Учредителя, в роли которого выступает наш университет, и вдохновителя - менеджера проекта – Василия Дмитриевича Филиппова. Наш следующий рубеж – вхождение в список изданий, рекомендованных ВАК. Но для решения этой организационной задачи, которая сделала бы наш журнал еще более привлекательным, мы должны опубликовать еще больше интересных статей в последующих выпусках. Дело, конечно, не столько в количестве, сколько в качестве материалов. Я благодарен участникам международного форума, прошедшего в 2016 г. в СамГТУ, которые не сочли за излишний труд прислать свои научные разработки в журнал. Это относится к Светлане Малышевой, Марии и Дмитрию Храмовым, Александру Брюну и Левеле Малифан, Елене Бурлиной, Николаю Леду. Ключевой контент издания заполнили статьи, инициируемые научными разработками кафедры «Инновационное проектирование». В основном – это исследования в области средового подхода, проводимые под руководством профессора Евгении Репиной. С благодарностью отмечаю активное участие профессоров, преподавателей и аспирантов нашего университета в лице Елены Ахмедовой, Саймона Кристофера Басса, Александра Гниломедова, Дарьи Рыбаковой, Снежаны Лашенко, Дарьи Романовой, Яны Радуловой, Екатерины Михайловой,

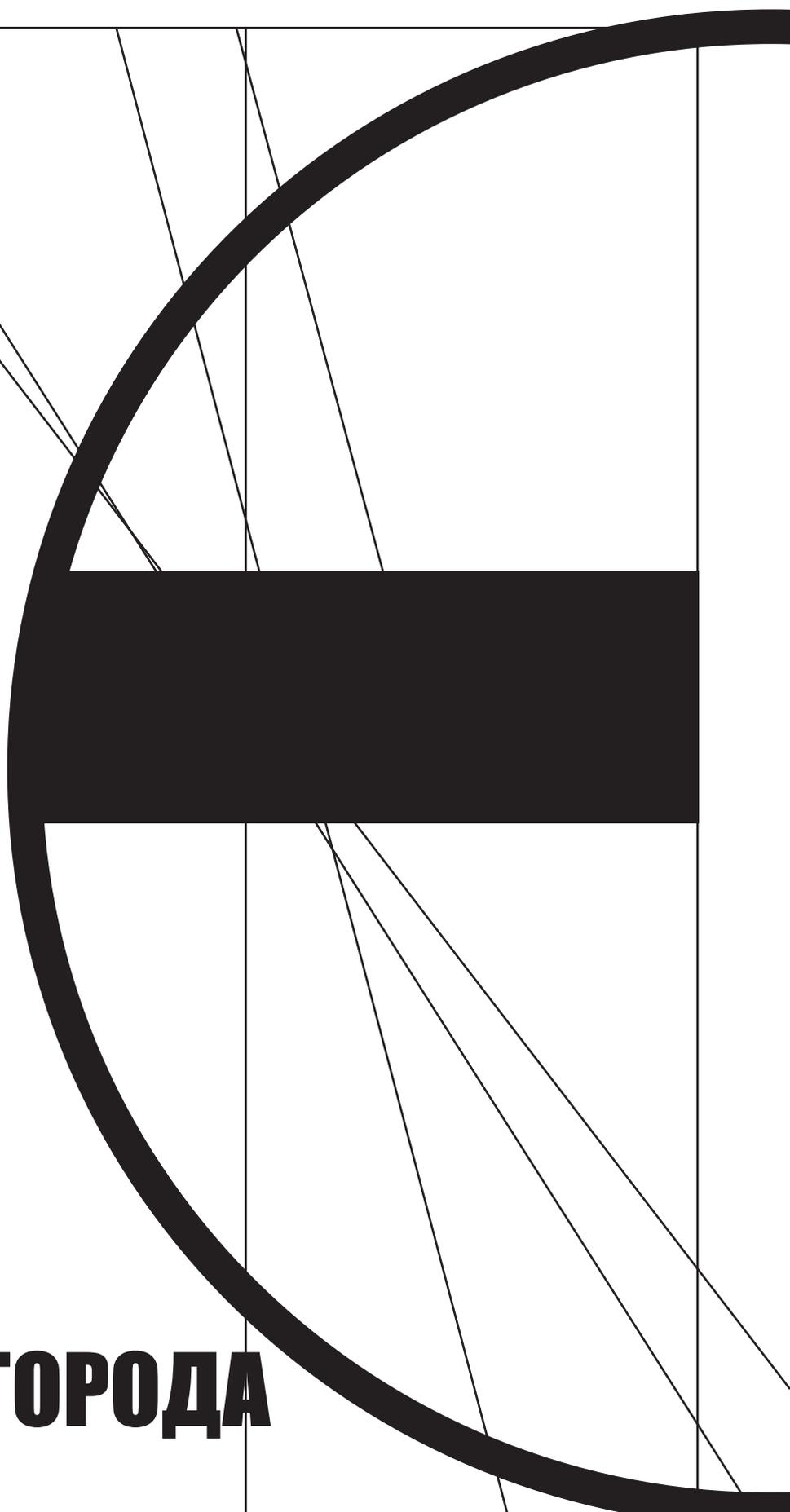
Марины Захарченко, Екатерины Адамовой, Натальи Соколовой, Ольги Чубукиной, Лидии Лопатиной, Василисы Гайдиной, Дианы Рыбаковой. С признательностью называю имена наших уважаемых иногородних авторов – Юлии Девятовой, Галины Грязновой, Марии Джамал, Екатерины Полянцевой, и приглашаю их продолжить сотрудничество с нашим журналом. Рад также отметить, что к составу редакционной коллегии любезно согласились присоединиться уважаемые коллеги – профессор, доктор архитектуры Анна Лазаревна Гельфонд и кандидат технических наук Константин Станиславович Галицков. Отдельную благодарность хотелось бы выразить Дарье Николаевне Романовой за профессиональное и терпеливое отношение к верстке журнала, Екатерине Александровне Градалевой, отредактировавшей английские тексты и Галине Федоровне Коноплиной, согласившейся на работу редактора русских текстов. Желаю всем авторам нашего издания творческих успехов! Приглашаю присылать нам статьи, посвященные архитектуре, дизайну и градостроительству. Надеюсь, что наша редакционная коллегия поддержит публикацию наиболее интересных, актуальных и неформальных исследований в диапазоне от историко-архивных, инновационно-типологических и архитектурно-философских - до проектно-концептуальных, социально-ориентированных и художественно-аналитических текстов.

С уважением,

Сергей Малахов,
профессор архитектуры,
главный редактор «IP»

1

7-22

ИСТОРИИ ГОРОДА
URBAN STORIES

Мальшева С. Г.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Malysheva Svetlana

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РЕГЕНЕРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ГОРОДА
THE ROLE OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN REGENERATION
OF THE HISTORICAL ENVIRONMENT OF THE CITY

Немалую сложность представляют собой поиски правильной структуры музейной экспозиции и принципов пространственной организации всего экспозиционного материала археологического наследия в конкретных условиях каждой уникальной территории. В статье сформулированы стадии развития историко-туристических комплексов на базе археологических памятников. Определены принципы, на которых основаны модели архитектурно-ландшафтной организации территорий с ценным археологическим наследием. В связи с этим ожидаются результаты градостроительных преобразований в повышении значимости городской среды в силу исторического прошлого и новых современных функций.

There is a considerable difficulty in searching a correct structure of a museum exposition and the principles of the spatial organization of the whole exposition material of archaeological heritage in specific conditions of each unique territory. The stages of development of historical and tourist facilities based on archaeological heritage are described in the article. The principles of the architectural and landscape organization of territories with valuable archaeological heritage are defined. Hence, it is reasonable to expect various town-planning transformations increasing the importance of urban environment owing to the historical past and modern functions.

Ключевые слова: градостроительный потенциал, историко-культурное наследие, уникальность, индустрия отдыха, туризм

Keywords: town-planning potential, historical-cultural heritage, uniqueness, recreation industry, tourism

Формирование и накопление материального потенциала территории, как правило, происходит в течение многих веков, а иногда и тысячелетий. К такому потенциалу территорий прежде всего относится историко-культурное наследие: памятники археологии, истории, архитектуры, что во многом определяет уникальность территории.

Наиболее полный и, возможно, наиболее важный архитектурный опыт – это чувство уникального места. Часть этого сильного переживания основана на чувстве сакрального. Может показаться, что дом построен ради практических целей, но на самом деле он может быть метафизическим инструментом, орудием мифа, который может отразить вечное в нашем преходящем существовании [1].

Помногим причинам археологические памятники в исторической среде города не известны к моменту начала нового строительства, в процессе которого их находят. И поскольку проблема их сохранности возникает неожиданно, то и ее решение оказывается весьма трудной и тонкой задачей. Памятники чаще всего доходят до нас в разрушенном виде, что создает дополнительные трудности для градостроителей. Например, в центральной части Софии в Болгарии в 15 местах обнаружены сохранившиеся остатки единичных археологических памятников

и целых ансамблей. В подземном пешеходном переходе открыты для обозрения ворота из белых каменных блоков, они обрамлены двумя кирпичными пятиугольными башнями с каменными цоколями. Проходя через них, попадаешь на древнюю главную улицу, где сохранились каменные плиты мостовой VI в. Здесь же организовано музейное помещение. Ежедневно в определенные часы сюда приходит археолог, сотрудник Музея истории Софии, который показывает посетителям все доступные для обозрения археологические памятники, а также место, где в настоящий момент ведутся раскопки или консервационные работы. У четырех входов в подземный переход установлены щиты с надписями на болгарском и французском языках, сообщающими краткие сведения о памятниках. Вдоль стен подземного перехода расположены стенды с фотографиями, рассказывающими о раскопках, оригинальные каменные и керамические находки, герб города с древними символами [2]. Здесь же разместился магазин сувениров (в этом месте 1,5 тыс. лет назад располагались торговые ряды). Сохранились остатки массивных ворот и башен, а также толстых стен, которые пережили свою эпоху и получили право на вечное существование.

В последнее время успехи в исследовании археологических памятников выдвинули проблему их музеефикации во многих городах или poblности от них. В процессе становления находится чрезвычайно интересный и содержательный археологический и историко-архитектурный музей на Подоле в Киеве. Необходимым становится решение подобных задач в Самарканде, исходя из предстоящего развития города и приближения нового строительства к разрушенному в XII в. Афрасиабу. Схожие проблемы возникли в Керчи с античными руинами на территории современного города. Появилась целая система музеев археологии во Владимире и его районе, в которую вошли уникальные памятники древнейшей культуры Сунгирь, Боголюбово и др. Севастопольский музей-заповедник включает в себя руины античного и средневекового Херсонеса. В Узбекистане получили статус заповедника древние центры городов Самарканда, Бухары, Хивы.

Разработан проект зон охраны для Владимира. Вся трехчастная система его древнего ядра, заключенная в пределах частично сохранившихся древних валов, определена проектом как заповедный район со строгим режимом использования, с ограничением новой застройки по высоте. Вокруг всех памятников определены охранные зоны, в том числе групповые. Зона регулирования застройки широко распространена на территории, окружающей древнюю часть, дифференцирована по режиму использования по высоте застройки в зависимости от возможности и условий сохранения визуальных связей с памятниками центра. Проектом охвачена большая территория, соответствующая предстоящему развитию города, и, благодаря этому, она включает в границы охраны ряд современных поселков и сел, расположенных в пригородах и имеющих ценное культурное наследие. В проекте разработаны зоны культурного слоя с указанием его мощности и археологической ценности [3]. В связи с этим детально дифференцирован и режим использования различных участков зоны.

В пределах старой городской части Самарканда определены зоны, требующие индивидуально-го подхода к их архитектурно-планировочной и объемно-пространственной организации. Среди них выделена зона Афрасиаб, сохраняемая как археологический заповедник. Проектом предусматривается вынос с нее зоны транзитных дорог и сохранение туристических трасс с организацией отдельных видовых площадок, с которых

открывается панорама города. Зона строгого ограничения застройки включает в себя территорию, расположенную между магистралями, образующими кольцо. В этой зоне полностью сохраняются сложившаяся планировочная структура с ее узкими улочками и тупиками, характер застройки и функциональное значение отдельных районов и улиц.

С 1977 г. в Кюстендине (Болгария) старая часть города была объявлена археологическим заповедником. В настоящее время крупнейший ансамбль древних памятников находится в центре города. Это участок терм Пауталии, построенных во II – III вв. Начатые в 1962 г. раскопки позволили раскрыть только остатки большого сложного здания с отопительной установкой – гипокаустом [4]. Они сохраняются сейчас в парковой среде. В этом же парке находится современное здание городских минеральных ванн. Его купол и бассейны для охлаждения горячей воды как нельзя лучше сочетаются с руинами древних терм, их остатки будут раскапываться по мере сноса не представляющих архитектурной ценности жилых домов, под которыми они находятся. Таким образом, ансамбль древних памятников расширяется.

В Пловдиве (Болгария) открыли на современной площади, окруженной зданиями, построенными в начале XX в., античный амфитеатр и часть античного стадиона с горизонтом более 5 м в глубину. Вскрыты кавеа (дугообразная амфитеатральная часть) с несколькими рядами мраморных сидений, лестницами, сводчатым потолком под амфитеатральной частью и пр. [5]. Использовали единственную возможность сохранить этот археологический памятник – закрыли площадь, построили подпорные стены, современные лестницы, открывающие доступ к нему, галереи для наблюдения. А одна из улиц теперь проходит по мосту над стадионом.

В результате изучения зарубежного опыта действующих историко-археологических центров были определены следующие стадии развития историко-туристических комплексов на базе археологических памятников [6]:

- научно- исследовательская работа на памятнике;
- реставрационно-стабилизирующая работа;
- рекультивация земельных сооружений;
- строительство научно-исследовательского корпуса;
- строительство музея и интерпретационного центра;
- строительство смотровых площадок;

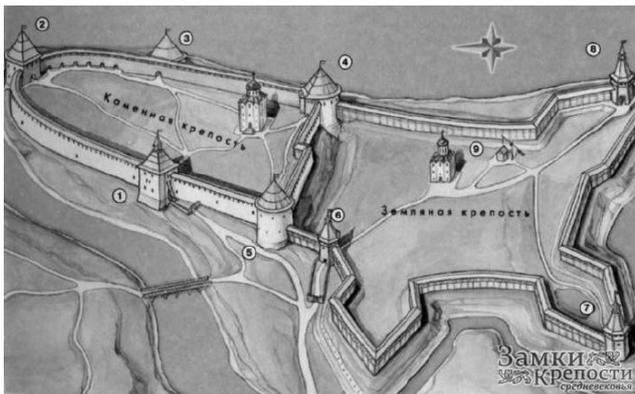

Рис. 1. Ладожская крепость с воссоздаваемыми деревянными укреплениями

- насыщение структуры комплекса дальнейшим расширением сферы обслуживания и культурной программы (организация путешествий по окрестностям и проката оборудования).

В современной отечественной и зарубежной практике создания музеев под открытым небом сложились и утвердились устойчивые принципы их структурного построения. Одним из ведущих принципов музейной экспозиции является сочетание древней архитектуры и археологии.

Разнообразный рельеф, водоемы, архитектурные сооружения и многие другие топографические данные определяют вполне благоприятные условия для того, чтобы путем создания многофункциональных зон организовать процесс включения объектов археологического наследия в современное формообразование. Крупный имиджевый проект на основе уникального археологического наследия в Старой Ладоге получил финансирование и в настоящее время находится в стадии реализации. В 2013-2014 гг. в МАрХИ было проведено научное исследование и разработан экспериментальный проект по созданию туристического кластера на базе Старой Ладоги в Ленинградской области. Основным объектом привлечения посетителей станет ансамбль Ладожской крепости с воссоздаваемыми деревянными укреплениями (рис.1) и сохранением древней планировочной структуры малого города с регенерацией исторических зданий и развитием в них музейной функции, реставрацией культовых сооружений и гармоничным включением в городскую ткань новых деревянных строений [7, 8].

Ядром каждой археологической экспозиции является раскоп. Организация его показа, формирование конструктивных и технологических основ консервации для последующего включения в выставочный сценарий, охранительные аспекты

поддержки раскопа и другие факторы его вовлечения в использование для современных функций широко изучены специалистами (Пруцин О., Рымашевский Б., Борусевич В. и др.). Раскоп и принципы его сохранения являются определяющими в проектировании структуры будущей археологической экспозиции. Так, могут быть использованы различные типы экспонирования: встроенный в существующую среду застройки, тоннельный, подвальный, комбинированный, рассчитанные на непосредственное обозрение пространства раскопа. В случае невозможности непосредственного посещения пространства раскопа (по ряду причин, и, в первую очередь, по соображениям сохранности), могут быть применены различные методы дистанционного обзора: кино, видео, голографические модели, пространственные макеты объекта и др..

При музеефикации археологического раскопа требуется размещение павильона непосредственно над ним. В этом случае важным обстоятельством является историко-архитектурная ценность среды в месте раскопа. Павильон своими размерами и архитектурными формами не должен нарушать характер и единство этой среды, вступать с ней в противоречия.

Для различных элементов градостроительной структуры городской среды (исторический центр города, рекреационные места отдыха, парки, коммуникации) предлагаются соответствующие модели архитектурно-ландшафтной организации территорий с ценным археологическим наследием. Модели основываются на некоторых принципиальных позициях по данному вопросу:

1. Комплексный градоаналитический подход к решению общих проблем территорий, связанных с историко-культурной, экологической, экономической ситуацией.

2. Архитектурно-ландшафтное преобразование территории с целью получения полифункциональных зон на основе организации процесса движения по сценарию демонстрации археологического памятника.

3. Сценарный подход к демонстрации как наиболее живой процесс освоения археологического материала с игровыми элементами.

4. Эстетико-художественное преобразование среды путем стилизации одной или нескольких исторических эпох в виде архетипов, символов, новоделов и моделирования.

Выводы. Ожидаются результаты градостроительных преобразований в повышении значимости

территорий в силу исторического прошлого и новых современных функций. В условиях дефицита места, фрагментации и неясности границ современного города одна вещь становится очевидной: кажется, что невозможно подходить к проблемам городского ландшафта в терминах традиционной идеи о городе. Мы должны разработать новые категории и инструменты для определения городского ландшафта и понять, что же происходит в процессе его быстрого роста [9, 10].

Архитектурно-планировочная организация территорий с объектами археологии решает проблему охраны древних памятников истории при широком использовании ценнейшего материала в современном формообразовании, т.е. в современный жизненный процесс включается градостроительный потенциал объектов археологического наследия. Процесс активизации градостроительного потенциала археологических памятников видится в создании сценария демонстрации древнего материала при проектировании полифункциональных зон (например, для развития туристической деятельности). В сценарии демонстрации археологического материала развивается тематика исторической эпохи, соответствующей объекту показа, средствами символики, созданием копий и новоделов на основе имеющегося материала, а также по существующим легендам.

В зависимости от значимости археологического памятника и сложности организуемого на его основе сценария демонстрации, а также от степени насыщения исторического ландшафта различными современными функциями, объекты археологии могут являться отправной точкой для многостороннего преобразования и регенерации исторической среды города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Juhani Pallasmaa*. The geometry of feeling. A look at the phenomenology of architecture // *Arkkittehti*. № 3. 1986. 451 с.
2. *Станчева М.* Археологические памятники в современных городах Болгарии: Пер. с болгар. София : София Пресс, 1982. 58 с.
3. *Мальшева С. Г.* Методы архитектурно-ландшафтной организации земель археологического наследия (на прим. Самар. обл.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. - Самара, 1997.
4. *Archaeological sites in Europe: conservation, maintenance and enhancement*. Conimbriga, 1990
5. *Станчева М.* Археологические памятники в современных городах Болгарии: пер. с болгар. София : София Пресс, 1982. 58 с.
6. *Colorado, colorful invites you*, США, 1974.
7. *Мальшева С. Г.* Реновация Самарской крепости 1586 года - проект по повышению конкурентоспособности территории региона. // Приволжский научный журнал. Вып. № 3. Нижний Новгород, 2015. С. 20-23.
8. *Малинов А. А., Деев С. В.* Концепция создания в Ленинградской области туристско-рекреационного кластера «Старая Ладога – истоки российской государственности» // Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Наука, образование и экспериментальное проектирование». М., 2014. С. 63-64.
9. *Мальшева С. Г.* Градостроительные показатели, влияющие на инвестиционную привлекательность территорий в сфере туризма и отдыха // Приволжский научный журнал. Вып. № 2. Нижний Новгород, 2015. С. 151-160.
10. *Harm Tilman* The urban landscape. Themes, areas and strategies. Studio '94-'95. Reflexivity. The Berlage cahiers. С. 4-78.

Для ссылок: *Мальшева С. Г.* Роль археологического наследия в регенерации исторической среды города // *Innovative Project*. 2016. Т.1, №2. С.8-11. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.1

For references: *Malysheva S.* A role of archaeological heritage in regeneration of the historical environment of the city. *Innovative Project*. 2016. Vol.1. No.2. P. 8-11. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.1

Храмова М. Ю., Храмов Д. Ю.
 Архитектурное бюро Храмова, Самара, Россия
 Khramova Maria, Khramov, Dmitry
 Architectural Bureau Khramov, Samara, Russia

**ХЛЕБНАЯ ПЛОЩАДЬ – ИСХОДНАЯ ТОЧКА ФОРМИРОВАНИЯ КАРКАСА
 КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА САМАРЫ. ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ СОЗДАНИЯ
 ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРКА**
 («Сохранение наследия и развитие городов», Самара, 30.09-01.10.2016)
**KNLEBNAYA SQUARE AS A STARTING POINT OF THE CULTURAL LANDSCAPE
 FRAMEWORK OF THE CITY OF SAMARA. UNVEILING THE POTENTIAL
 TO CREATE A HISTORICAL, ARCHITECTURAL AND ARCHAEOLOGICAL PARK**
 («Preservation of Heritage and Development of the Cities», Samara, 30.09-01.10.2016)

Концепция развития территории «Хлебная площадь» и создания историко-архитектурного и археологического парка основывается на феномене культурного ландшафта города. Для создания концепции были выявлены потенциал культурного ландшафта этой территории и его каркас из существующих на данный момент общественных пространств. В качестве потенциала, т.е., нереализованного или утерянного многообразия особенностей данной территории, были выявлены точки и границы исторической идентичности – местоположение объектов и пространств, существовавших на разных временных этапах. Идея концепции развития парка опирается на наиболее постоянную и значимую составляющую культурного ландшафта – на уникальную природно-географическую характеристику территории. Цель концепции – снова «впустить» реки в город, преодолев скорлупу заброшенных прибрежных территорий, использовать для нового развития места зарождения города животворящую силу природы. Основной задачей является воссоздание и формирование «зеленых» комфортных общественных пространств.

The concept of developing the territory called «Khlebnaya Square» and creating a historical, architectural and archaeological park is based on the phenomenon of the city cultural landscape. The analysis of existing public spaces helped to reveal the potential of the territorial cultural landscape and its framework. By the potential we mean unrealized or lost diversity of this territory. We identified the points and limits of historical identity chronologically expressed in locations of different objects and spaces. Moreover, the concept is based on the most consistent and significant component of the cultural landscape, which is a unique natural and geographical trait of the territory. The aim is to find new meanings of the rivers in the city overcoming the problems of abandoned waterfront areas, to use the vital resources of nature to develop the citadel in a new way, to recreate green comfortable public spaces.

Ключевые слова: культурный ландшафт города, общественные пространства, историческая идентичность, городская среда, историко-архитектурный и археологический парк

Keywords: cultural landscape of the city, public spaces, historical identity, urban environment, historical, architectural and archaeological park

Хлебная площадь в Самаре – место рождения и возрождения города. Проблема отчуждения и забвения этой части города

«Хлебная площадь» – топоним, который для большинства горожан включает в себя гораздо большую территорию, чем объективные границы, которые она имеет на данный момент. Как правило, это всё, что находится за площадью Революции и улицей Венцека в сторону Стрелки. Такое обобщающее представление о территории сложилось не случайно. Данное городское образование формировалось большую часть истории существования Самары. Все это время оно являлось полноценным городом со своими центральными площадями, скверами, проспектами, административными и образовательными учреждениями,

производственными и коммунально-складскими территориями. Хлебная площадь в современном ассоциируется сознании горожан и в отношении к ней, как к окраине в центре. Это произошло в результате «отступления», ухода города от места своего возникновения. Существует множество исторических причин потери своего центрального значения данным городским образованием. В результате исторических событий последнего столетия радикально изменилось функциональное значение территории Хлебной площади, что значительно повлияло на её архитектурно-пространственную организацию, особенности освоения пространства. Следствием этого стало разрушение полноценной городской среды в указанном месте и потеря им символического значения. Сейчас мы

имеем практически разрушенную городскую среду, неработающие промышленные предприятия, заброшенные природные территории, отсутствие точек притяжения, дающих жизнь любому городскому образованию. В Самаре существуют и другие проблемные территории, но, когда мы имеем зону отчуждения в исходной точке зарождения города, это опасно. Положительным знаком является то, что мы по-прежнему ментально определяем «Хлебную площадь» как пространственное и символическое единое целое. Она пока еще остается Городом в сознании горожан. Это должно стать толчком к внимательному изучению потенциала Хлебной площади с целью возрождения её как центральной, живой части города с помощью механизма историко-архитектурного и археологического парка. (рис. 1)

Исследование каркаса культурного ландшафта территории Хлебной площади

На протяжении всей истории существования Хлебной площади происходили естественные, а порой парадоксальные искусственные изменения её культурного ландшафта. Исследование потенциала культурного ландшафта данной территории легло в основу концепции развития территории «Хлебная площадь» и создания историко-архитектурного и археологического парка. Культурный

ландшафт города это – земное пространство, вмещающее совокупность частей и элементов города, образующих среду для жизнедеятельности населения города. Пространство одновременно цельно и структурированно, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически. Феномен культурного ландшафта города объединяет два таких понятия, как «культурный ландшафт» В.Л. Каганского и «городская среда» И.М. Смоляра. В рамках теоретико-географического подхода В.Л. Каганского культурный ландшафт рассматривается как характеристика «возделанности» природного ландшафта, как неделимая с ним система. Такой взгляд на культурный ландшафт и, в частности, на культурный ландшафт города, очень актуален, поскольку «сплошность», «всюдность», «полимасштабность» и «полиерархичность» способствуют гармоничному «проживанию» его, всеобъемлющему восприятию и использованию ресурсов. Особенно важно это на современном этапе, когда стихийный подход к охране памятников выглядит как искусственное изъятие объектов, расчленение культурного ландшафта. Для создания гармоничной и цельной городской среды необходимо «проживание» и переживание ландшафта как единства пространства, вещей и смыслов.

Рис. 1. Современная Хлебная площадь (фото: taburent.ru)

Культурный ландшафт города представляет собой сплошную и «всюдную» ткань с бесчисленным количеством смысловых слоев и внутренней структурой. Он является местом концентрации слоев глобального культурного ландшафта. Роль каркаса структуры культурного ландшафта в городе играют общественные пространства как территории, концентрирующие процессы жизнедеятельности городского сообщества. Общественные пространства для данной территории – основа возрождения заброшенной городской среды. Формирование сложной многослойной живой структуры общественных пространств (площади, бульвары, переулки, проходные дворы), наращивание своеобразного скелета – это движение к оживлению всей ткани города (жилых дворов и кварталов).

Потенциал территории – историческая идентичность и общественные пространства

Для создания концепции историко-архитектурного и археологического парка «Хлебная площадь» были проведены исследования потенциала культурного ландшафта этой территории и выявлен его каркас из существующих на данный момент общественных пространств.

В качестве потенциала, т.е., нереализованного или утерянного многообразия особенностей данной территории, были выявлены точки и границы исторической идентичности – местоположение объектов и пространств, существовавших на разных временных этапах. Основываясь на историко-архивной справке по истории Хлебной площади, исторических справках по объектам культурного наследия площади, археологической справке по территории площади и на современном градостроительном анализе, хронологическими этапами трансформации выбраны следующие годы – 1782 (1765), 1840, 1887, 1925, 1970.

Анализ формирования исторической идентичности культурного ландшафта проводился по следующим факторам – особенности рельефа, капитальность застройки, трансформация функционального зонирования, улично-транспортная сеть, композиционные особенности, стилистические особенности. Было сделано обоснование фиксации исторических этапов и выбора графических материалов для анализа формирования исторической идентичности культурного ландшафта, учитывая важные исторические события и трансформацию исследуемой территории. Исторический этап 1586 – 1782 гг. важен с точки зрения фиксации местоположения Самарской

деревянной крепости, кремля и первой Хлебной площади, расположение церквей и общественных сооружений; местоположения земляной крепости и оборонительных сооружений первой трети XVIII в.; местоположения комплекса зданий и сооружений Первой Закамской и Оренбургской экспедиций во второй половине 1730-х гг.; появления нескольких общественных центров на исследуемой территории, начала формирования планировочных особенностей (площадей, улиц, пространственных доминант). Исторический этап 1782 – 1840 гг. важен с точки зрения фиксации реализации запланированного функционального зонирования исследуемой территории; конфигурации и характера застройки, сформировавшейся первой Хлебной площади («Верхнего рынка»); формирования общественного центра внутри земляной крепости; регулярной планировочной системы вокруг земляной крепости; конфигурации, расположения и парцелляции регулярных кварталов; формирования типовой застройки кварталов – активного развития системы общественных центров на исследуемой территории, формирования магистралей, связывающих эти центры функционально и в качестве композиционных осей, а также формирования характера фоновой застройки и уникальных зданий как пространственных доминант [1]. Исторический этап 1840 – 1887 гг. важен с точки зрения фиксации сноса земляной крепости; формирования системы площадей на месте земляной крепости (Полицейской и Лишина (Александровского) сквера); корректировки функционального зонирования исследуемой территории в связи с усилением значения центра; появления общественного транспорта – конки, водопровода, элементов городского благоустройства, создания центра общегородского значения, усиления значения улиц как транспортных магистралей, изменения характера фоновой застройки и появления системы уникальных зданий, новых пространственных доминант, формирующих сложившиеся ансамбли улиц (современных) Алексея Толстого, Водников, Степана Разина, Комсомольской. Исторический этап 1887 – 1928 гг. важен с точки зрения фиксации переименования Полицейской площади в Милицейскую; корректировки функционального зонирования исследуемой территории в связи с появлением новых промышленных предприятий, комплекса городской общественной пожарной команды; появления общественного транспорта – трамвая, создания центра общегородского

Рис. 2. Фрагмент плана Самары 1839 г. (утвержден Николаем I в 1840 г.)

значения, усиления значения улиц как транспортных магистралей, изменения характера фоновой застройки и появления системы уникальных зданий, новых пространственных доминант, формирующих сложившиеся ансамбли улиц. Исторический этап 1928 – 1970 гг. важен с точки зрения фиксации строительства заводских корпусов на территории Хлебной площади и уничтожения ее, приспособления зданий церквей под заводские корпуса; переименования Милицейской площади в Хлебную; застройки Александровского сада;

создания сквера Дзержинского; корректировки функционального зонирования исследуемой территории в связи с появлением новых промышленных предприятий; появления системы общественного транспорта: создания на исследуемой территории промышленной зоны, транспортного узла; изменения характера фоновой застройки.

Следующие исторические пространства и объекты формируют историческую идентичность культурного ландшафта Хлебной площади [1]:

- территория кремля и «палисада» «рубленной» крепости 1586 г., места расположения башен, ворот, пространства площади;
- территория Земляной крепости 1706 г., места расположения угловых башен, въездов;
- территория, на которой размещались сооружения Новой Закамской и Оренбургской экспедиций;
- территория Преображенского монастыря;
- места расположения храмов на различных этапах развития территории;
- территория первой городской площади – старой Хлебной площади;
- места расположения хлебных амбаров и мельниц;
- территория Лишина сквера (Александровского, Транспортного сада);
- линии маршрутов первого общественного транспорта – конки и первого трамвая;
- комплекс зданий Первой пожарной охраны;
- здание Хлебной биржи;
- здания Реального училища и женской гимназии;
- усадьбы, дворы и дома середины XIX начала XX в.

Учитывая функциональные, композиционные, стилистические и символические особенности существующих общественных пространств, площадь Дзержинского, современная Хлебная площадь, улицы Алексея Толстого, Комсомольская, Водников, являются наиболее потенциальной частью каркаса культурного ландшафта исследуемой территории. Они предложены в качестве основы структуры историко-архитектурного и археологического парка на первом этапе его развития.

Концентрация потенциала исторической идентичности и наличие сложившихся общественных пространств актуализировали наиболее важные территории для формирования парка и определили его границы.

Границы парка и контекстная территория.

Символическая и пространственная концепции.

К территории историко-архитектурного и археологического парка были отнесены следующие наиболее важные территории всего большого пространства Хлебной площади – территория современной Хлебной площади до ул. Князя Г. Засекина, полностью 1, 2, 3, 8 кварталы, территории 4, 5, 6, 7, 9, 16, 17, 18, 19 кварталов на глубину усадьбы по линиям парцелляции от улиц Кутякова, Ал. Толстого,

С. Разина, Комсомольской. Контекстная территория парка представляет собой пространство в границах улиц Комсомольской, Фрунзе, акваторий рек Самары и Волги.

Идея концепции развития парка опирается на наиболее постоянную и значимую составляющую культурного ландшафта – на уникальную природно-географическую характеристику территории. Две реки, обнимающие город, поддерживают тот удобный кусочек суши, который люди в своё время выбрали как безопасное пристанище. Именно в этом месте очень сильно чувствуется свежее дыхание рек. Цель концепции – снова «впустить» реки в город, преодолев скорлупу заброшенных прибрежных территорий, использовать для нового развития места зарождения города животворящую силу природы. Основной задачей является воссоздание и формирование «зеленых» комфортных общественных пространств, связанных в единую систему с опорными узлами историко-культурных комплексов. Концепция развития территории Хлебной площади г. Самары, как историко-архитектурного и археологического парка, является комплексной и включает в себя несколько этапов и уровней конкретизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дубман Э.Л. Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVII – начале XVIII в. // Самарский край в истории России // Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.В. Алабина, Вып. 5. Самара, 2015. С. 147-161.
2. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в Российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. №1. С. 62-70.
3. Смоляр И.М. Терминологический словарь по градостроительству. М.: РААСН, отделение градостроительства, 2004. 159 с.
4. Храмова М.Ю. Архитектурный ансамбль как основа качественной характеристики культурного ландшафта города: Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2012.
5. Храмова М.Ю. Магнетизм города // «И_Здание». Самара, 2012. №9. С. 42-44.

Для ссылок: Храмова М.Ю., Храмов Д.Ю. Хлебная площадь – исходная точка формирования каркаса культурного ландшафта Самары. Потенциал для создания историко-архитектурного и археологического парка // Innovative Project. 2016. T1, №2. С.12-16. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.2

For references: Khramova M., Khramov D. Khlebnaya square as a starting point of the cultural landscape framework of the city of Samara. Unveiling the potential to create a historical, architectural and archaeological park. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 12-16. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.2

Басс С. К.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Buss Simon

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

**ПАМЯТНИКИ ИЛИ ПРОВОКАЦИИ: РОЛЬ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРЫ
СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА В ЭВОЛЮЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА САМАРЫ
MONUMENTS OR PROVOCATIONS: THE ROLE OF OBJECTS OF ARCHITECTURE
OF THE SOVIET AVANT-GARDE IN EVOLUTION OF THE POST-SOVIET CITY OF SAMARA**

*В 1920-1930-х гг. в городе Самаре в соответствии с требованиями строительства советского государства были возведены новые архитектурные доминанты, такие как: Дом промышленности (инж. В.К. Сухов, арх. В. Клочков, 1929-1933, реконструкция, 1961), Дом связи (арх. Е.С. Сорокина, 1930-1938), Фабрика-кухня завода им. Масленникова (арх. Е.Н. Максимова, 1930-1932). Однако эти объекты Самарского авангарда сегодня в постсоветской реальности либо вообще лишились своего *raison d'être*, либо находятся в таком плохом состоянии, что стали непригодными для использования. Суть данной работы заключается в поиске путей восстановления этих зданий и определении способов их взаимодействия с окружающей городской средой, чтобы они не оставались мертвыми памятниками архитектуры, а были живыми объектами социально-культурного развития.*

*The construction of the early Socialist society found architectural expression in the Russian city of Samara in several new domineering buildings, such as the House of Industry (eng. V.K. Sukhov, arch. V. Klochkov, 1929-33, reconstructed in 1961), the House of Telecommunications (arch. E.S. Sorokina, 1930-38) and the canteen for the Maslennikov factory (arch. E.N. Maksimova, 1930-32). However, these buildings of the Samara avant-garde have lost their *raison d'être* in the post-socialist reality, unfit for modern requirements or simply in terrible condition. This article is concerned with proposals for the revitalisation of these buildings and especially their role in the urban fabric. The aim is not to create dead monuments but rather living organs in the social and cultural life of the city.*

Ключевые слова: советский авангард, архитектура Самары, постсоветский город, памятник архитектуры, приспособление

Keywords: Soviet avant-garde, architecture of Samara, post-Soviet city, historic building, rehabilitation

В ходе реализации задач первой пятилетки в СССР и расцвета советского архитектурного авангарда [1, с.14] панорама города Самары с реки Волги сильно изменилась – появился кластер новых архитектурных доминант в районе площади Куйбышева, таких как Дом промышленности (инж. В.К. Сухов, арх. В. Клочков, 1929 – 1933 гг.), Дом связи (арх. Е.С. Сорокина, 1930 – 1938 гг.), Дом Красной Армии (арх. П.А. Щербачев, 1930 – 1932). Возвышаясь над городом подобно готическим соборам, эти здания в буквальном и философском смыслах являлись храмами нового советского быта – они были частично построены из кирпича разобранного Кафедрального собора Христа Спасителя (арх. Э. Жибер, 1894) [2, с.24]. В других местах города были возведены «социальные конденсаторы», такие как Фабрика-кухня завода имени Масленникова (арх. Е.Н. Максимова, 1930-1932). Если роль таких объектов в формировании раннего советского города была понятной, то социально-экономический климат постсоветского города оказался для них весьма суровым. По прихоти сюжета, сегодня в Самаре бур-

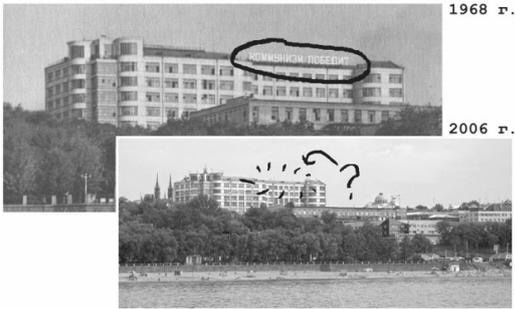
но строятся храмы, а архитектурные «катализаторы» социализма, лишённые своей первоначальной функции, в свою очередь переносят, можно сказать, оскорбления и разрушаются в тени. Ключевые объекты того времени, все без исключения, нуждаются в комплексном капитальном ремонте. В каждом случае потенциальное взаимодействие объекта с окружающей городской средой скрыто.

Зарубежный опыт показывает потенциал объектов модернизма как «катализаторов» социально-культурного развития города: классический пример – приспособления электростанции «Банк-сайд» на берегу Темзы под галерею современного искусства «Тэйт Модерн» (арх. Херцог и Де Мерон, 1995) [3]. Задача заключается в поиске творческой альтернативы либо необдуманной реставрации, которую П.П. Покрышкин назвал «вредной» [4], либо «музеефикации» здания, чтобы объекты стали жить заново.

Данная работа проведена в качестве побуждения к обсуждению возможных решений восстановления трех важных зданий Самарского авангарда: Дома

1. Дом промышленности

Проблема I / изменение назначения

Преобразование I / градостроительный акцент

Проблема II / физический износ

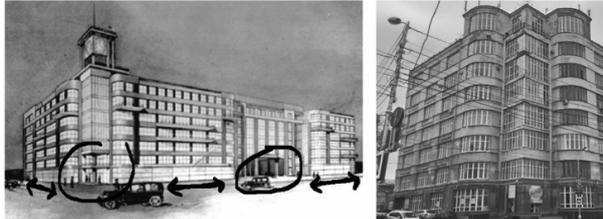
Преобразование II / изменение функционального назначения - например под гостиницу международного класса

Проблема III / взаимодействие с городской средой

Проект здания - более проницаемый объект

Построенный объект - солидность

- i. Угловой вход
- ii. витражи на 1-ом эт.
- iii. арка и главный вход

Неактивное / закрытое отношение к пересечению 2-х главных улиц (ул. Куйбышева с Красноармейская и Струковскому парку напротив)

Преобразование III / обеспечение открытости и доступа

- ii. витражи на 1-ом эт. - под бутики и кафе
- i. Угловой вход для посетителей ресторана с панорамного вида
- iii. вход в гостиницу через арку в атриум

промышленности, Дома связи и Фабрики-кухни завода им. Масленникова. По каждому объекту проводится краткий анализ самых наглядных проблем и представлены эскизные решения или сформированы вопросы к обсуждению.

1. Дом промышленности (арх. В.К. Сухов, В. Ключков, 1929-1933) (рис.1)

Типология «Дом промышленности» – важное явление раннего этапа становления советской архитектуры [5]. Самарский Дом промышленности задумывался как крупный административно-деловой центр управления многими отраслями промышленности Средневолжского края [6, с.108]. С 1991 г. организация промышленных и деловых сфер страны кардинально изменилась, что поставило под вопрос роль дома промышленности вообще.

Английский архитектор Эрик Пэрри замечает, что силуэт города – это некая абстракция сути города, за которым стоит многослойная жизнь [7, с.56]. Первая проблема – понять, как использовать дом промышленности в качестве доминанты в панораме. Вместо надписи «КОММУНИЗМ ПОБЕДИТ» в 1960-х гг. предлагается архитектурное решение – надстрой легкой стеклянной конструкции как бриллиант, который ярко блестит днем и светит ночью. Панорамный ресторан и смотровая площадка дают жителям и гостям города просторные виды.

Вторая проблема – обозначение функции. Судя по внешнему виду (здание пустое), сдавать помещения в аренду под офисы в условиях рынка не удалось. Другая функция, востребованная городом, смогла бы оживить объект – например, гостиница международного класса. Их крайне мало в Самаре, особенно в старом городе. Здание занимает центральное место и находится в пешеходной доступности от культурных достопримечательностей – реки Волги, парков, магазинов и др.

Третья проблема – архитектурное решение здания и взаимодействие с улицей. Первоначальный проект имел вход с угла улиц Красноармейской и Куйбышева, просторные витражи на первом этаже и арку во двор по центру главного фасада (ул. Куйбышева). В 1960-х гг., согласно проекту реконструкции (арх. А.Г. Моргун), арку закрыли и вместо нее построили вестибюль «под классику» [8]. Первый этаж здания получил массивный и закрытый образ. Следующие мероприятия сделали бы объект пронизываемым: восстановление углового входа и строительство лифтов на смотровую площадку и т.д.; реконструкция фасада первого этажа со сплошными витражами и помещениями под

бутики; восстановление арки в качестве входа в гостиницу и реконструкция двора под атриум.

2. Дом связи (Радиодом), арх. Е.С. Сорокина, 1930 - 1938 гг. (рис. 2)

Типология «дом связи» появилась в ответ на быстрое развитие сферы телекоммуникаций и почтовых служб в годы первой пятилетки. Самарский объект сохранился в первоначальном виде, кроме декорации фасадов под классику. Основная характеристика объекта – большие оконные проемы, что обеспечивает обилие естественного освещения залов для операторов. Композиция первоначального проекта была оживлена круглым объемом радиотеатра на 600 мест, который не был реализован из-за нехватки средств [2, с.24, 8, с.108].

Первая проблема: здание со временем было разделено на две части – сегодня Ростелеком размещается в бывшем телеграфе, а Управление по жилищным вопросам – в восточном крыле. Соответственно территория перед зданием разделена на две части, одна из которых теперь закрыта, что портит ансамбль сквера с бассейном и памятником Борцам за Советскую власть. К восстановлению архитектурного целого предложено: объединение двух корпусов в один, новый пристрой на месте нереализованного радиотеатра, благоустройство территории.

Вторая проблема: большой физический износ здания и вопрос функционального назначения. Так как функция «телеграфа» не востребована, возникает вопрос: какие еще функции благополучно разместились бы в таких хорошо освещенных помещениях? Это могли быть мастерские для художников или танцевальные студии, новый пристрой смог бы служить культурной функции.

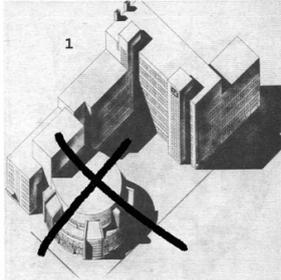
Третья проблема: градостроительная роль объекта пока скрыта. Дом занимает угловое место на пересечении улиц Красноармейской и Чапаевской. Территория сквера в 60 раз меньше площади Куйбышева. Это дает возможность создать более гуманную среду для отдыха человека. Возможное решение – в новом объекте (пристрой) разместить панорамное кафе с летней террасой на крыше.

3. Фабрика-кухня завода им. Масленникова, арх. Е.Н. Максимова, 1930-1932 гг. (рис. 3)

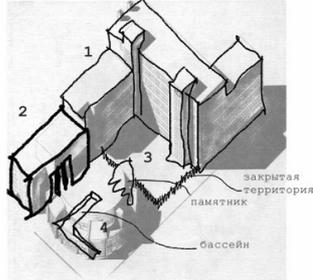
Типология зданий «фабрика-кухня» стала мощным инструментом в достижении цели Ленина к «настоящему освобождению женщины» [9, с.15]. В Самарском примере различные функции эффективно разместились в плане здания на основе формы серпа и молота. Так как завод, к которому

2. Дом связи (Радиодом)

Проблема I / проект реализован частично

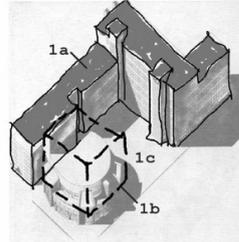

i. Проект Е.С. Сорокина. Дом Связи с радиотеатром, который не был реализован.

ii. Вместо радиотеатра - запроектирован сквер (3/4)

Преобразование I / поиск идеи восстановления объекта как архитектурное целое

- i. Объединение 2-х корпусов (1a)
- ii. Новый пристроенный объект (1b)
- iii. Благоустроенная территория (1c)

Проблема II / большой физический износ

i. Современное крыльцо, сквер не благоустроен

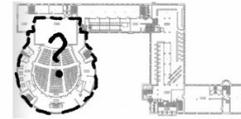

ii. Современные телекоммуникации не требуют такие помещения

iii. Большой физический износ фасадов

Преобразование II / реконструкция здания и уточнение функциональной программы

- 1) Филармония
- 2) Драм-театр
- 3) Консерватория
- 4) Дом офицеров
- 5) Театр оперы и балета
- 6) Дом актера
- 7) Театр Самарская пл.
- 8) СамГАУ

Например - потребность в культурно-просветительной функции

i. Культурный центр Самары в районе пл. Куйбышева

Проблема III / взаимодействие с городской средой

i. Скрытый потенциал: создать гуманное общественное пространство, которое служило бы контрастом пустоты и помпезности пл. Куйбышева

Площадь Куйбышева - 14,21 га
Сквер Дома Связи - 0,24 га

1:60

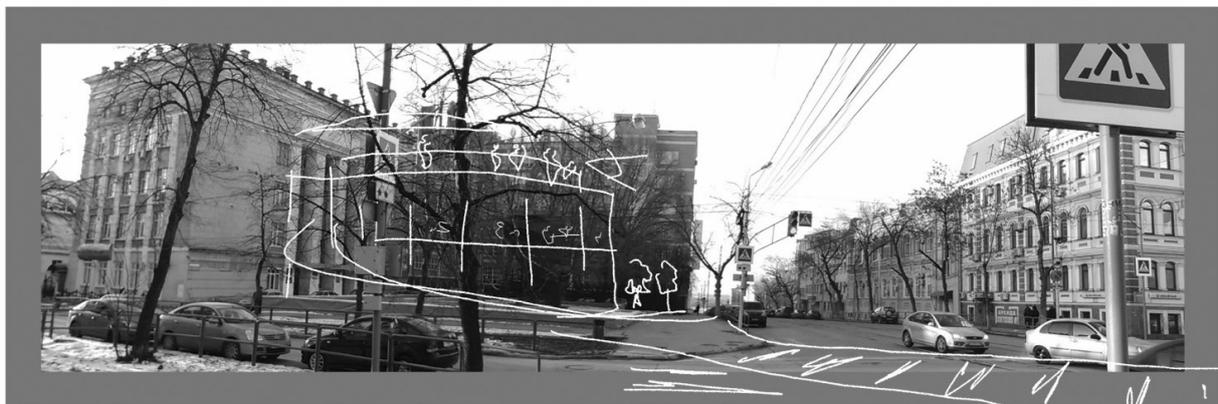

ii. Плохой контакт со средой? почти 50% территории при Дома связи закрыта

Преобразование III / улучшение контакта со средой

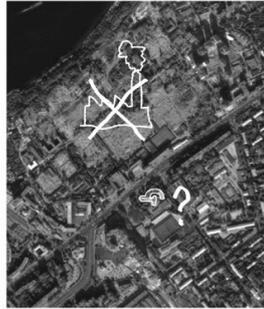
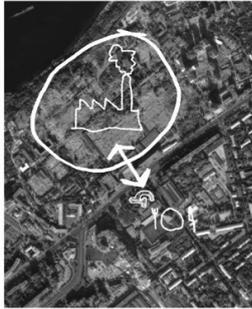

i. Создать помещение, доступное для граждан - откуда видно пл. Куйбышева

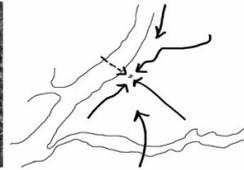

3. Фабрика кухня

Проблема I / изменение назначения

Преобразование I / поиск идеи восстановления

i. На уровне района: например, гражданский центр - арендуемые помещения, столовая, детские и молодежные услуги

ii. На уровне города: например, гражданский культурный центр - арендуемые помещения и аудитории, выставочные залы, ресторан, кафе

iii. На уровне региона: например, отделение центра современного искусства

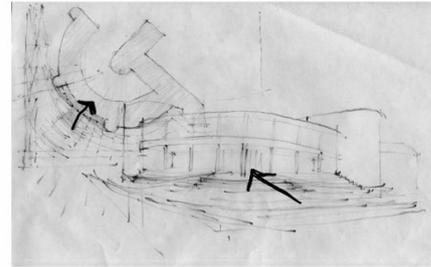
Проблема II / историческая реконструкция и физический износ

i. Здание до реконструкции -- большие витражи, центральный вход

ii. Современный вид: здание при реконструкции в 1944 г. потеряло витражи и центральный вход

Преобразование II / реконструкция здания

i. Проект реставрации и приспособления разработан в Москве

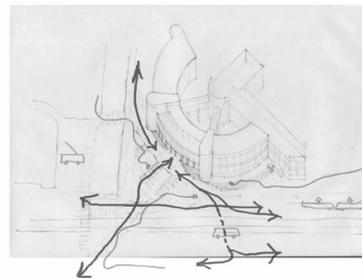
Проблема III / взаимодействие с городской средой

Яркий объект смог бы стать ключевой точкой в городе - но территория вокруг него в плохом состоянии.

Преобразование III / обеспечение доступа для горожан, благоустройство территории

Предлагаем: перестроить потоки пешеходов, включая диагональный переход; создать сквер перед зданием и террасы; создать безбарьерный доступ к зданию

фабрика-кухня принадлежала, закрыт, главная проблема заключается в дальнейшем назначении здания. Во-первых, надо определить радиус обслуживания: несколько кварталов вокруг, город Самара в целом или целый Приволжский регион. Правительством был выбран третий вариант, и идет проект приспособления объекта под региональное отделение центра современных искусств. Вторая проблема – решение архитектурной композиции и большой физической износ. Предусматривается полная реставрация здания, включая восстановление первоначальных ленточных окон и центрального главного входа в здание, расположенного по северному фасаду «серпа» [10]. Третья проблема касается полноценного включения объекта в городскую ткань. Для ее решения предлагается: сохранить и развить пешеходные маршруты, в том числе новый диагональный пешеходный переход к торговому центру «Захар»; ремонт подземного перехода под ул. Ново-Садовой; организовать безбарьерный доступ к главному входу здания в виде пандуса; расширить сквер в виде ступенчатого ландшафта.

В заключение следует отметить, что каждый из вышеприведенных проектов является лишь эскизным предложением. Предлагаем объявить конкурсы для архитекторов и градостроителей на разработку настоящих проектов восстановления и приспособления таких и подобных им ключевых объектов города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: 2 кн.: Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М: Стройиздат, 1996. 709 с.
2. Самогоров В.А., Иванов М.О. Архитектура Александра и Петра Щербачевых в Самаре: 2 кн.: Кн. II: Архитектор Петр Щербачев. Самара: СГАСУ, 2014. 480 с.
3. Moore R. Two decades of Herzog & de Meuron // *The Architectural Review*. 2015. № 18 March 2015.
4. Покрышкин П.П. Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства. Петроград: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1915.
5. Гинзбург М.Я. Новые методы архитектурного мышления // *Современная архитектура*. М.: Госиздат, 1926. № 2. С. 1–4.
6. Синельник А.К., Самогоров В.А. Архитектура и градостроительство Самары 1920-х – начала 1940-х годов. Самара: СГАСУ, 2010. 480 с.
7. Parry E. *Context: Architecture and the Genius of Place*. Chichester: John Wiley and Sons, 2015. 192 с.
8. Стадников В. Самара: путеводитель по современной архитектуре. М.: ЖИРАФ, 2006. 264 с.
9. Кузьмин А.В. Проблема научной организации быта // *Современная архитектура*. М.: Госиздат, 1930. № 3. С. 14–17.
10. Самогоров В.А., Пастушенко В., Исаков А. Фабрика-кухня: Екатерина Максимова. Екатеринбург: Татлин, 2012. 32 с.

Для ссылок: Басс С.К. Памятники или провокации: роль объектов архитектуры советского авангарда в эволюции постсоветского города Самары // *Innovative Project*. 2016. T.1, №2. С.17-22. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.3

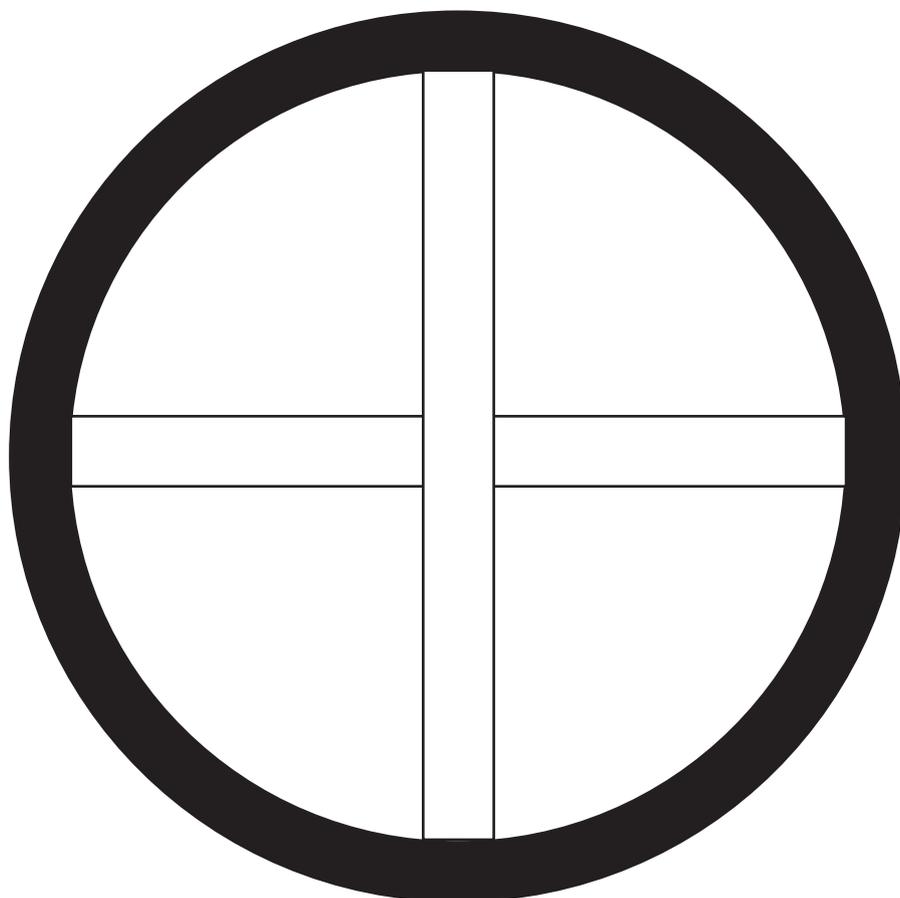
For references: Buss S. Monuments or provocations: the role of objects of architecture of the soviet avant-garde in evolution of the post-soviet city of Samara. *Innovative Project*. 2016. Vol.1. No.2. P. 17-22. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.3

2

23–56

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

URBAN SPACE

Репина Е. А., Малахов С. А., Гниломедов А. С., Малышева С.Г., Лащенко С. В., Захарченко М. А., Романова Д. Н., Лопатина Л. Е.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Repina Eugenia, Malakhov Sergey, Gnilomedov Alexander, Malysheva Svetlana, Lashchenko Snezana, Zakharchenko Marina, Romanova Daria, Lopatina Lydia

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ГОРОД – ОПЫТ НАУЧНО-ПРОЕКТНЫХ РАЗРАБОТОК NATURAL CITY – THE EXPERIENCE OF SCIENTIFIC AND PROJECT DEVELOPMENT

К чему устремлены мечты о настоящем городе? К тому, чтобы город был активным, красивым, удобным, самобытным и выгодным всем субъектам городской жизни. Главная идея предпринятых нами разработок заключалась в том, что только исторический город способен преподнести уроки настоящего города, которые в дальнейшем можно транслировать на территорию псевдогорода (районы массовой типовой застройки). Но, прежде чем мы сумеем осуществить подобную трансляцию, необходимо обеспечить защиту исторической среды от разного рода необдуманных нерациональных вторжений, а также активизировать ее собственные ресурсы.

What are the dreams of a real city connected with? The city should be active, beautiful, comfortable, distinctive and beneficial to all subjects of urban life. The main idea of research undertaken by us was the fact that only a historical city can be used as a good example of a real city, which can then be transferred to the territory of a pseudo-city (districts with mass residential development). But before doing this we need to protect the historical environment from irrational intrusion as well as to strengthen its own resources.

Ключевые слова: *Естественный город, историческая среда, саморазвитие, роль субъекта, мастер-план, архитектор квартала, распределенный кампус*

Keywords: *Natural city, historical environment, self-development, the role of the subject, master plan, quarter architect, distributed campus*

Новая парадигма города

Мечта о настоящем городе – это желание человека жить полноценной жизнью современного горожанина: иметь качественное жилье, близко расположенную «работу», дружественных соседей, свой двор и безопасную улицу, насыщенную культурным обслуживанием и событиями. Для того чтобы настоящий город (НГ) состоялся, обществом должны быть приняты определенные, во многом новые для постсоветской реальности представления по поводу урбанистической парадигмы, в основе которой, как показывают исследования и эксперименты во всем мире, лежат принципы деидеологизированного естественного развития среды, а именно: субъектность горожанина (наличие собственности и права голоса), диалог субъектов, толерантные соседства, самоуправление и особые архитектурно-пространственные свойства самой жилой застройки (рис. 1, 2).

Эти «особые свойства» должны поддерживать принципы естественного развития, что, как выясняется, удается осуществить в полной мере лишь одному единственному типу среды, а именно – исторической. Именно историческая среда (ИС), в силу уникальности культурного наследия, своей

структурной, размерной и смысловой организации в состоянии обеспечить эффективное разрешение проблемы столкновения противоречивых намерений и интересов субъектов регенерации и развития города. Все остальное, что мы причисляем к городу, городом фактически не является, так как не основывается на перечисленных свойствах среды.

Интерес к понятию «естественный город» обусловлен, таким образом, поиском парадигмы «настоящего города», смысл которой вскрывается на уровне противостояния исторической среды (ИС) и т.н. «спальных районов» (в т.ч. – территорий массовой высотной жилой застройки).

Исследования и практика доказывают, что это противостояние и есть оппозиция настоящего города (НГ) и псевдогорода (ПГ), а все остальное – лишь промежуточные паллиативы. Впрочем, при определенной методологической перестройке деятельности и ретрансляции «уроков ИС», неисторические локальности и территории также могут приблизиться к уровню среды настоящего города.

Историческая городская среда – есть настоящий город, в силу того что она неисчерпаема, как неисчерпаем космос: соответственно все ресурсы

обретаются в ней самой, а не приходят извне: это, как если бы она была и в самом деле живой, то есть – субстанцией естественного происхождения, способной к саморазвитию, но именно таковой историческая среда и является. Историческая городская среда – есть настоящий город просто потому, что она суть естественный город [1-5]. Естественность происхождения и происходящего – вот на каких обстоятельствах нам необходимо сосредоточиться: т.е. на том как человек живет, в чем находит ресурсы, в чем обретает счастье.

Сам процесс перехода от привычного всем отношения к городу как к извне планируемому «институту жизни» (town planning, градостроительство, генеральный план, городское бюджетирование, программы «ввода жилья», придумывание моногорода, и т.п. – в целом «классическая градостроительная идеология» [6-12, 59]) – к модели естественной городской среды осуществляется в обстановке взаимонепонимания, постоянной потери смыслов, агрессивного поведения монополистов. Между тем, только естественный (настоящий) город обеспечивает возобновление ресурсов и процветание. Позиция непримиримых сторонников «планирования сверху» могла бы быть проиллюстрирована высказываниями Корбюзье, Гидеона, М. Бархина и многих других, как, например, «Отсутствие общего замысла, хаос, случайность теперь нетерпимы» [13,30]. В этом подходе – тотальном проектировании «сверху-вниз» – проявляется импульс авторитарного управления. Похоже, что Эдмунд Бэкон, как и многие из нас, не могут скрыть восхищения от эстетической целостности проектов, подобных императорскому комплексу («Запретный Город») в Пекине или городу Бразилиа (рис.3, 4), воплощенному по проекту Люсио Кошта (“The plan of Peking is probably the only plan of any city that can be enlarged from scale to scale, whatever its extent, can hold together as a total design” [7, 25].

Мечта о «городах будущего» Мишеля Рагона [14] максимально, в какой-то степени эксцентрично – выражает амбициозные императивы модернистской доктрины «светлого города будущего». Ощущаются также намерения смягчить традиционную парадигму и придать процессу регенерации исторической среды статус особо «осторожной работы» [15] и даже (что уже совсем близко к новой идеологии города) опереться на «средовой подход», где роль архитектора переосмысливается как позиция «посредника» между субъектами реконструкции городской исторической среды [16].

В новом дискурсе, предполагающем «демократизацию городской формы», обусловленную теперь

множественными компромиссами, вопрос о целостной форме города все же не снимается с повестки профессии, но пересматривается лишь процедура и последствия средового подхода, обуславливающего возникновение «естественной формы» [17]. Роль архитектора-автора усложняется: теперь он должен искать основания для проявления своей идентичности в условиях признания этической обоснованности «саморегулирования среды» (естественным, а значит эстетически полноценным, должно быть признано то, что «готово» отреагировать на изменения).

Кафедра инновационного проектирования СГАСУ совместно с «Институтом Города_Самара», инициативной междисциплинарной общественной организацией экспертов, созданной в период разработки «Стратегии развития Самары 2025», представила анализ своих основных научно-проектных разработок, посвященных проблеме естественного («настоящего») города. Доклад был включен в программу Международного урбанистического форума, состоявшегося на университетской площадке 30 сентября – 1 октября 2016 г.

Следующие основные разработки стали базовым материалом анализа:

1. экспериментальный проект квартала №46 и «Метод естественного моделирования и реконструкции среды» (МЕМИРЕКС), 1983-1985 гг. [1];
2. проект бесконфликтной регенерации квартала №79, 2012- 2013 гг. [2];
3. концептуальный проект «Арт-студия «Ливерпуль», 2012 г. ;
4. концепция стратегии пространственного развития исторической среды (СПР ИС), 2014-2015 гг. [2, 18, 19];
5. проект реконструкции исторических кварталов на основе концепции уплотнения и типологии «Дом-Тетрис» [2,15, 20-22], 2013 г.
6. концепция распределенного кампуса «Единого самарского университета» (ЕСУ), 2013-2015 гг. [23];
7. проект туристического кластера «Хлебная площадь», 2013-2014 гг. ;
8. проект регламента исторической среды, 2015-2016 гг. ;
9. пилотный проект регенерации исторического квартала «Квартал №13», 2015-2016 гг. ;
10. концепция «Киоск архитектора», 2014-2016 гг.;
11. проект благоустройства и межевания территории «Красные дома», 2015-2016 гг.; [24-26];
12. концепция трансляции уроков «настоящего города» на территорию «псевдогорода» – саморазвивающееся поселение «Кошелев-2» (рис.5).

Интерес к настоящему (естественному) городу в

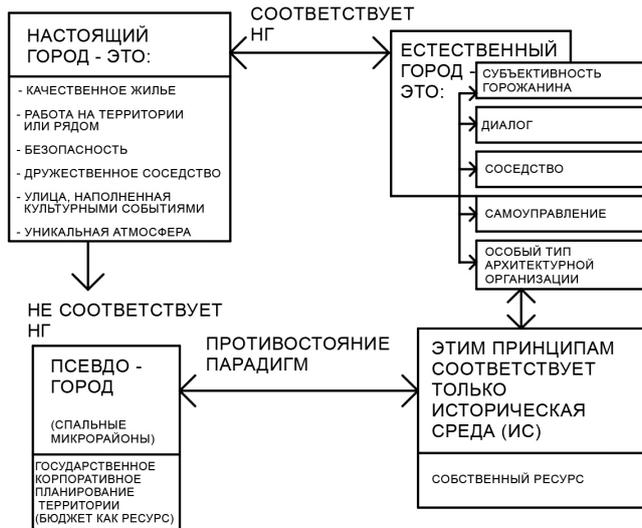

Рис. 1 Естественный город в системе противостояния настоящего и псевдогорода (исторической среды и спальных районов)

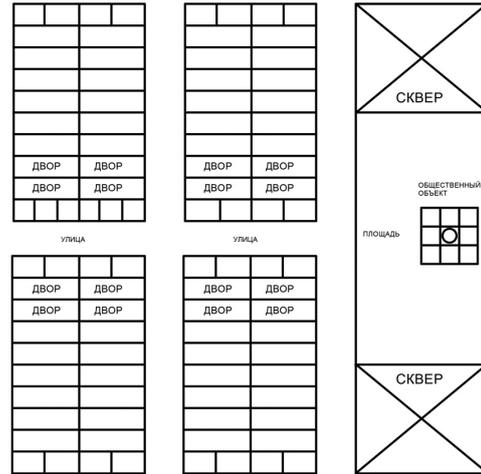

Рис. 2 Структура исторической среды: простая, но эффективная исходная подоснова естественного процесса развития города

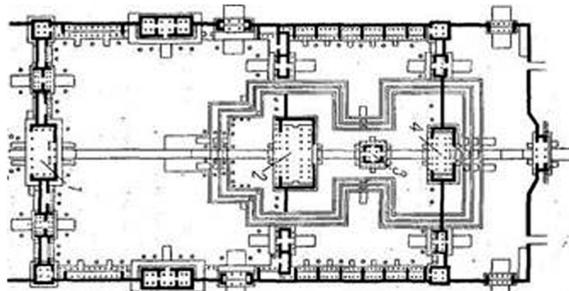

Рис. 3 Пекин. Запретный Город- пример «тотального дизайна»

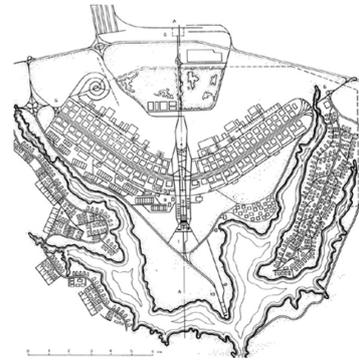

Рис.4 План г. Бразилиа. Арх. Лусио Кошта- проект как «акт воли»

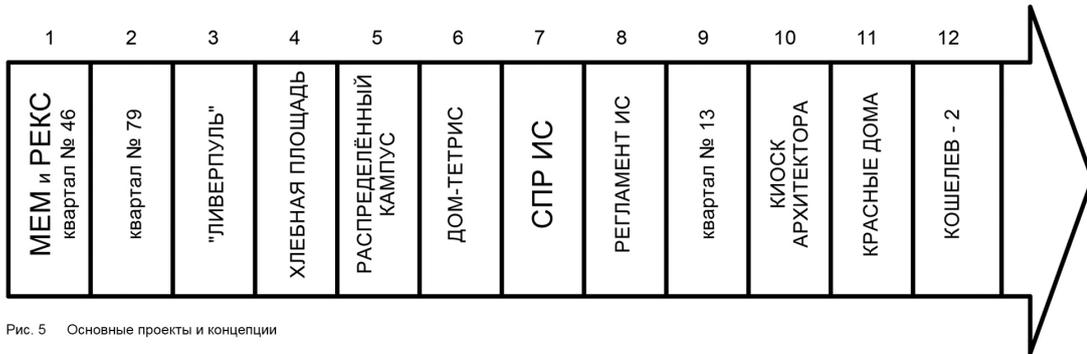

Рис. 5 Основные проекты и концепции

Рис. 6 Роб и Леон Крие- актуализация кодов исторической городской среды

Рис. 7 Род Хэжжи- квартал «Блэк Роуд», продукт эффективного соучастия жителей, архитектора и власти. Повышение капитализации исторической застройки.

России начал проявляться еще в начале 80-х гг. XX в., когда на общем фоне консервативного поведения «государственной архитектуры» могли быть замечены ростки средового подхода и партисипационных инициатив [27-30]. Новые тренды стали результатом возросшего интереса постмодернистской культуры к историческим языкам (Роб и Леон Крие [31], Рикардо Боффил, Джеймс Стирлинг, Алексей Гутнов, Андрей Боков [32]) и «иному взгляду на форму города» теперь более спонтанной, более компромиссной, более анонимной и в этих смыслах – более человеческой, но в итоге – возникающей как продукт самоорганизации территорий (Род Хэккни [28], Чарльз Дженкс [33, 34], Роберт Вентури [35, 36], Льюсен Кроль, Кэвин Линч [37], Нэбил Хамди [28], Роберт Грац, Томас Вули, Линда Шниклос и Роберт Шибли [27], Питер Кац [58]) (Рис. 6, 7).

С этой поры активизировались защитники и ценители исторической среды: именно среды, а не отдельных памятников. И этот момент стал первым пробным камнем, разделившим субъектов «непрерывной реконструкции» города на тех, кто понял, что такое среда и настоящий город, и тех, кому этот императив остается непонятным или ненужным. И это разделение жестко пролонгировано в настоящее. Вплоть до того, что большинству отечественных «специалистов» вновь и вновь приходится объяснять, что памятник без среды – преступление против памятника, а разрушение исторической среды и ее замена на типологию спальных районов – есть уничтожение настоящего города и его замена на псевдогород со всеми вытекающими последствиями для людей. (рис. 8-11).

В новой постиндустриальной парадигме на первый план, таким образом, выходит очарование городом в целом, его целостный образ [17, 37-40], а вслед за очарованием – прозрение в отношении экономических приоритетов исторической среды. Кроме того, все большее значение приобретает погружение в контекст уже сложившейся среды вместо ее замены. «Извлекать уроки из существующего ландшафта, – пишут Вентури и соавторы, – один из путей, делающих архитектора революционером. Не такой очевидный, как путь Ле Корбюзье, призывавшего в 1920-е гг. разрушить Париж и выстроить его заново, а более толерантный, этот путь ставит под сомнение привычный для нас способ смотреть на вещи» [21, 36].

В архитектурной и философской среде во всем мире переход к новой парадигме можно было бы обозначить девизом – «Поиск Общих Оснований» (“common ground”), принятым в качестве темы Архитектурной биеннале в Венеции в 2012 г. О поиске

этих «общих оснований» сообщает нам Паоло Баррата в своем предисловии к каталогу биеннале: «Мы делаем небольшой шаг в сторону обретения «Общих Оснований», темы этого года, но все в том же (актуальном) направлении: возвращаемся к разговору об архитектуре, чтобы помочь архитекторам выйти из кризиса идентичности, в котором они оказались, и в то же время предложить обществу взглянуть на архитектурный процесс изнутри...» [9, 41]. Похожий критический пересмотр профессиональных задач, происходящий из переоценки взаимоотношения архитектурной профессии, социума и территории, был еще раньше проявлен на Роттердамской Биеннале Архитектуры (девиз – “Open City: Designing Coexisting”) в 2009 г. (проекты регенерации фавел в Сан-Паулу – как пример) [42]. Но может быть осознано и вовсе «неархитектурное» происхождение красоты городской среды, а именно деятельностное, экономическое и структурное.

Нам стало ясно еще в середине 80-х гг. прошлого века, что уникальный «естественный» образ Самары – это, прежде всего, специфика небольших саморазвивающихся локальностей, организованных на основе иерархической квартальной планировочной структуры: кварталы (225 x 125 м); разделение на дворы (примерно 20 дворов в квартале); ограниченные размеры (двор 24 x 60 м и улицы шириной 24 м); слияние литеров в единый дом-двор с самостоятельными входами в квартиры и образующееся небольшое дворовое соседство [2, 43] (рис.12).

Следующим основанием должна была стать реальная собственность обитателей, включающая землю, квартиры и дом, т. е., реальный экономический капитал горожанина как субъекта взаимоотношений на территории. В СССР, как мы понимаем, подобная экономическая парадигма (включая концептуальный проект реконструкции 46-го квартала[1]) могла рассматриваться лишь как идея. Самой собственности не существовало, соответственно – бытие горожан как субъектов города не воспринималось всерьез. К сожалению, и сегодня, когда имеется закон, закрепляющий право жителей оформлять в собственности дворовые территории, этим шансом удастся воспользоваться немногим.

К чему устремлены мечты о настоящем городе? К тому, чтобы город был активным, красивым, удобным, самобытным и выгодным всем субъектам городской жизни. Главная идея предпринятых нами разработок заключалась в том, чтобы обосновать, в какой мере и за счет каких качеств историческая среда способна преподнести уроки настоящего города, которые в дальнейшем можно транслировать на

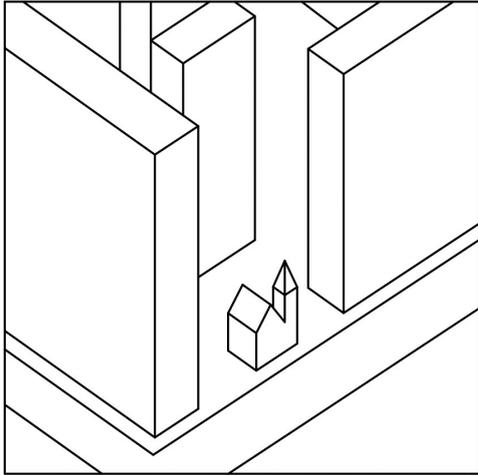

Рис. 8 Существующая практика «сохранения» объектов исторического наследия: замена настоящего города на псевдогород, выродившаяся проекция постулатов «Афинской Хартии»

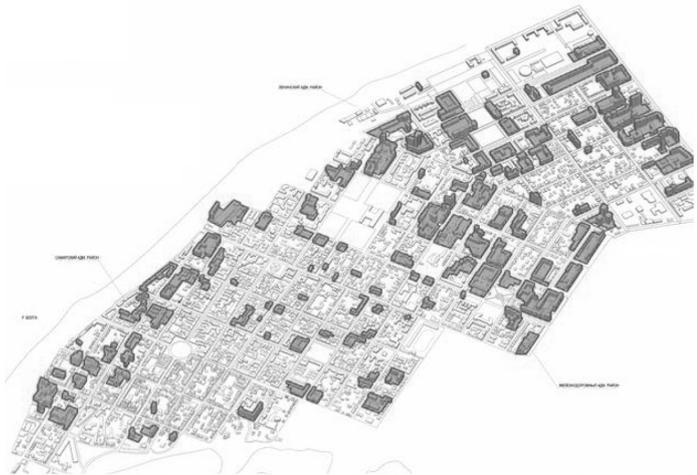

Рис. 9 Карта вторжения высотной застройки в структуру исторической среды Самары (по состоянию на 2013 г.)

Рис. 10 Улицы настоящего города – гармоничное выражение процессов естественного развития внутренней территории исторических кварталов

Рис. 11 Возникновение псевдогорода на территории исторического квартала в Самаре.

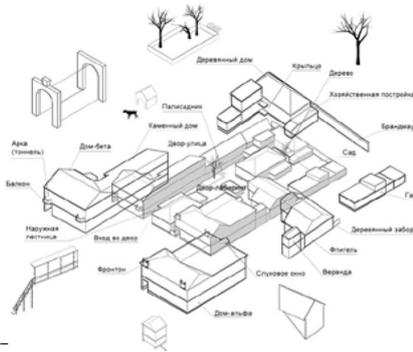

Рис. 12 Самарский двор – уникальная саморазвивающаяся городская локальность «дом-двор», геном естественного города

Рис. 13 Схема трансляции уроков настоящего города на территорию псевдогорода (районы массовой высотной застройки и частного сектора)

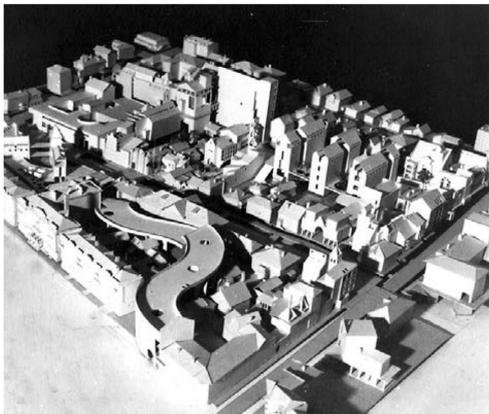

Рис. 14 Квартал №46 (архит. С. Малахов, С. Мишин, Р.Вальшин, А.Хахалин, И. Яковлев, 1983-85), эксперимент естественного моделирования и реконструкции среды (МЕМИРЕКС)

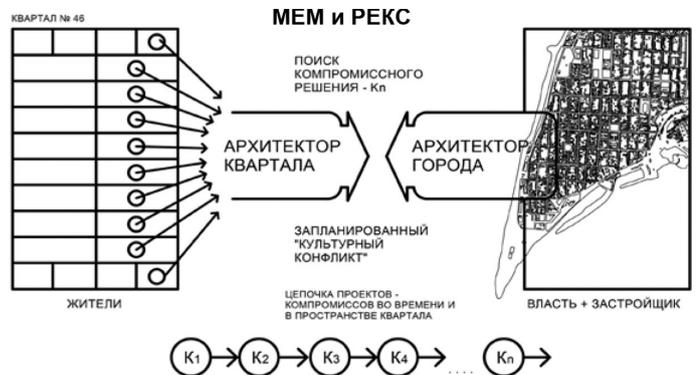

Рис. 15 МЕМИРКС : модель Метода Естественного Моделирования и Реконструкции Среды. Концепция квартального архитектора, диалога и проектного компромисса как основания естественной формы города.

территорию псевдогорода (районы массовой типовой застройки) [2]. Соответственно этой идее должна была быть переосмыслена сама концепция сохранения архитектурного наследия: дело не только в том, чтобы «наследовать» ценности, а в том, чтобы опираться на них как на методологический источник и прототип. Это и означает, что прежде чем мы сумеем изучить этот прототип и осуществить трансляцию «его уроков», нам необходимо обеспечить защиту исторической среды от разного рода необдуманных нерациональных вторжений, а также активизировать ее собственные ресурсы (рис.13).

Таким образом, общий контекст представленных здесь проектов аккумулирует решение основных задач:

- как защитить историческую среду (ИС);
- как активизировать ее собственные ресурсы;
- как и где применить «уроки исторической среды».

МЕМИРЕКС

В проекте «МЕМИРЕКС» (эксперимент в 46-м квартале Самары) историческая среда впервые в отечественной градостроительной теории рассматривалась как саморазвивающаяся система. Этот проект был выполнен совместно с архитекторами И. Яковлевым, А. Хахалиным, Р. Вальшиным, С. Мишиным и др. и был опубликован в журнале «Архитектура СССР» (1985 г.) [1]. МЕМИРЕКС расшифровывался как «Метод естественного моделирования и реконструкции среды». Идея естественности подразумевала методологический выбор в пользу таких проектных и строительных действий, в которых за основу развития (регенерации) локальности (исторического квартала) принималось запланированное столкновение «проектов снизу» и «проектов сверху» с последующим достижением компромисса между жителями квартала (и архитекторами, представляющими их интересы) и городом (городскими архитекторами и застройщиками). Сами проектные модели, представленные в традиционной субстанциональности «классического проекта» (планы, макеты и т.п.), на самом деле, были псевдопроектными, так как архитектурная форма в детальном представлении на стадии принятия конкретных решений могла быть любой – за исключением одного обстоятельства: она непременно несла след естественного происхождения, порожденного культурной репрезентацией естественного конфликта субъектов. В этом плане проект представлял собой тот образ формы среды, который «мог произойти», если бы в культурном смысле роли участников реконструкции «были сыграны» достоверно. В проекте МЕМИРЕКС разрабатывался, таким образом, возможный образ будущей среды квартала

на основе игрового, методологически обоснованного распределения ролей. Это, фактически, был проект деятельности вместо принятых на практике проектов детальной планировки территории. Так как естественные интересы жителей воплощались в застройке, распределенной по историческим подворьям, то, соответственно, большая часть этой среды сохраняла масштаб исторического города, несмотря на отдельные, сценарно обоснованные, интервенции «больших проектов» извне (рис.14, 15).

Квартал № 79

В проекте 79-го квартала, представленном в 2012 г. в Санкт-Петербурге на международном смотре-конкурсе FIABCI, впервые была апробирована практика непосредственного диалога с жителями. В процессе этих контактов была создана архивная база данных, свидетельствующая о существующих возможностях и препятствиях на пути эффективной регенерации исторического квартала. Впервые каждый двор (каждая парцелла) приобрел качество исходного градостроительного модуля, отталкиваясь от которого могла быть выстроена программа регенерации всей ткани квартала. В проекте было важно выявить человеческие, экономические и территориальные ресурсы каждой парцеллы и всей территории в целом. В разработанной версии проекта была сформулирована концепция квартальной реконструкции на основе межвания (рис. 16, 17) в существующих исторических границах подворий и впервые была апробирована модель расчета экономической эффективности реконструкции как для жителей, так и для внешних инвесторов и были выявлены те проблемы, которые все еще представляются нам трудно разрешимыми [2]. Проект продемонстрировал, во-первых, реальную заинтересованность жителей в реконструкции с активным подключением собственных ресурсов; во-вторых, показал, что сама реконструкция квартала, несмотря на необходимость общей планировочной модели, более эффективна при условии независимого («точечного») преобразования отдельных парцелл, не обязательно соседствующих друг с другом (это и есть естественная форма развития); в-третьих, выявилось согласие жителей на возможные варианты уплотнения и включения общественных пространств общегородского значения (рис.18). При этом плотность застройки обеспечивалась в конкурентном диапазоне с высотной, но сама среда при реализации проекта сохраняла бы характеристики настоящего города (рис.19).

Квартал «Ливерпуль»

В концептуальном проекте «Квартал «Ливерпуль», представленном на Московской Международной

биеннале архитектуры, диалог с жителями сопровождался тщательной инвентаризацией ценностей и сюжетов. Три сблокированных подворья, несмотря на сохранение разделяющих их границ, образовали проникающие пространственные связи, что обусловило принятие общей для них стратегии преобразования. Центральными элементами этой совместной стратегии стали предложения по интеграции современных жилых и общественных модулей, играющих вначале роль маневренного жилища («Программа «Ковчег» [44])¹, а затем – микростудий, или добавочной жилой площади для самих жителей локальности. Другим важным звеном программы, общей для трех дворов, стала идея арт-студии, а также серии мелких бизнесов, размещаемых вдоль улицы и с отступом вглубь дворовых пространств. Этот проект продемонстрировал вероятность сценария, когда возникновение небольших соседств [45], интегрированных в небольшие локальности [60], позволяет жителям более эффективно применить свою деловую инициативу и создавать культурно и экономические обоснованные сценарии будущего (рис.20, 21)

Можно сослаться на предшествующий опыт подобного соучастия (партисипации), старт которому был, как отмечает Нэбил Хамди, задан в Англии экспериментом Рода Хэккни в Макклесфилде – в квартале «Блэк Роуд». «Блэк Роуд» был первым завершенным проектом реабилитации в Британии, где местные жители, вдохновленные квартальным архитектором (inspired by a resident architect, Rod Hackney) Родом Хэккни (который позже стал лидером коммунальной архитектуры и президентом Королевского Института Британских Архитекторов), сумели изменить план местных властей по редевелопменту своей территории в пользу своего собственного плана реабилитации» [28, с.71]. Здесь термин «редевелопмент» может рассматриваться как обозначение проектов, «идущих снизу» и препятствующих воплощению масштабных программ крупных девелоперских компаний.

Хлебная площадь

В проекте туристического кластера «Хлебная площадь» была разработана концепция регенерации самой древней части Самары с целью развития более эффективной и выгодной для города программы

реконструкции и регенерации этого исторического фрагмента [45].

Несмотря на то, что этот проект разрабатывался в рамках общих предложений ЛенГИПРОГОРа, направленных в основном на реализацию интересов крупных собственников прилегающих к кластеру территорий, включая береговые кварталы и Самарскую Стрелку, в проекте кластера, напротив, был сделан акцент на активное и сверхпродуктивное архитектурно-функциональное преобразование исторической застройки с сохранением ее уникальных характеристик.

Разработке проектной концепции предшествовал анализ территории, сложившегося культурного наследия, функционального наполнения, архитектурно-пространственного характера застройки, типологии «смысловых подсистем» потенциальной основы будущей возможной программы регенерации.

В проекте кластера общественные функции развивались как приоритетные по отношению к жилой, административной и промышленной. Проект предусматривал создание общегородской пешеходной зоны, преобразование промобъектов в объекты университетского кампуса, создание небольших арт-центров, музеев и гостиниц. Так же, как и в проекте «Квартал «Ливерпуль», в концепции кластера «Хлебная площадь» применен принцип тщательной инвентаризации «обнаруженных ценностей», и идея разграничения всей территории на отдельные сценарные подсистемы, призванные обеспечить повышение туристической, деловой и студенческой активности.

Для детализации проекта впервые для этой территории была выполнена трехмерная модель опорного плана, составлены детальные перечни всех действующих на территории учреждений, разработано предложение по преобразованию территории в виде кластера регенерируемых туристических маршрутов и саморазвивающихся жилых подворий. Проект выявил привлекательные варианты развития участков 4-го квартала (реконструкция подворий, внутреннее общественное пространство в виде продольных и поперечных маршрутов), возможности преобразования электромеханического завода в общественный

¹«Программа «Ковчег» была впервые предложена одним из авторов в серии курсовых и дипломных проектов в начале 80-х гг. Согласно концепции, внутри каждого двора реализовывался непрерывно развивающийся проект реконструкции, осуществляемый малыми порциями. Триггером (стартом) процесса должен был служить комфортабельный жилой модуль «Ковчег», располагающийся на минимальной свободной территории внутри каждого из дворов, подключаемый к существующим городским сетям. Этот модуль использовался сообществом двора как гостиница временного проживания – каждой семьей по очереди и без отрыва от своей территории – в то время как их собственная квартира (часть дома-двора) трансформировалась в современное жилище почти в тех же прежних границах, что существовали и раньше. Программа предполагала гибкость процедур реконструкции, непрерывное инвестирование небольшими порциями, перманентное обсуждение развивающегося проекта всеми жителями подворья, привлечение экспертов по эстетике, истории и инженерным аспектам. Несколько таких модулей на самом деле были построены самими жителями, а один даже оказался не территории квартала №79, но так и не был закончен.

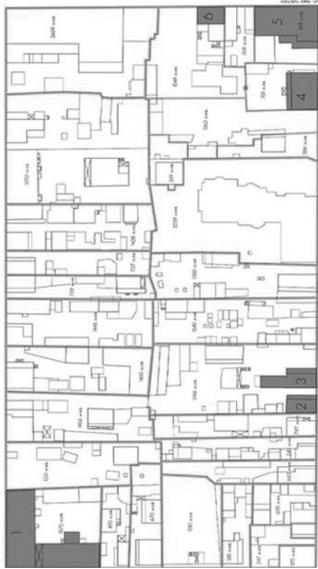

Рис. 16 Квартал №79: схема межевания в исторических границах подворий

Рис. 17 Квартал №79: 3D- модель существующей застройки

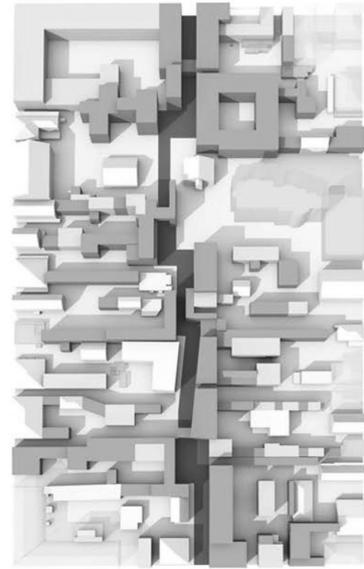

Рис. 18 Квартал №79: предложение по регенерации квартала с созданием внутренней улицы общественного назначения.

Рис. 19 Квартал №79: Перспектива регенерируемой застройки (автор модели – И.Сафиуллина).

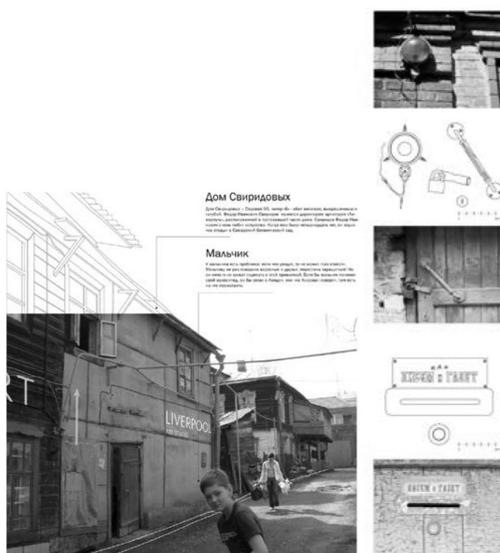

Рис. 20 Квартал и арт-студия «Ливерпуль». Дом Свиридовых – регенерация функции.

Рис. 21 Квартал и арт-студия «Ливерпуль». Контакт четырех подворий в рамках согласованной программы соседства по эффективной реконструкции застройки.

Рис. 22 Интеграция объектов распределенного кампуса в структуру туристического кластера «Хлебная площадь»

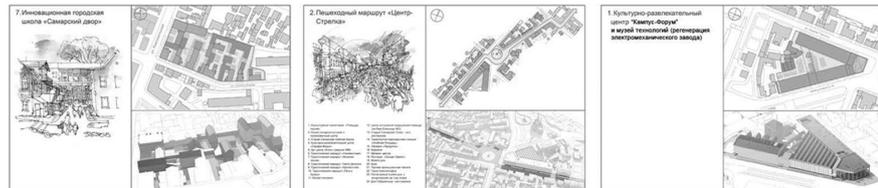

Рис. 23 Сценарные подсистемы туристического кластера «Хлебная площадь»

Рис. 24 Схема генерального плана туристического кластера «Хлебная площадь». Регенерация исторической застройки и артикуляция сценарных подсистем.

форум – постиндустриальную реминисценцию исчезнувшей Самарской крепости XVI в. – в комплексе с бывшим домом губернатора на улице Алексея Толстого; сформировано предложение по созданию арт-центра на основе существующего клинообразного квартала – в точке выхода на стелу со скульптурным изображением Дзержинского и другие элементы кластера (всего – 27 подсистем).

Развитие этого проекта не должно происходить в изоляции от других территорий, окружающих территорию кластера (территория бывшего завода клапанов, Самарская Стрелка, зона элеваторов, кварталы по улице Максима Горького – район провиантских складов, кварталы по улицам Куйбышева и Комсомольской). Важно интегрировать проект кластера в программы параллельно или позже возникших разработок (археологические территории – «Самарская крепость» и др.) (рис.22-24).

Распределенный кампус

Концепция распределенного кампуса [23] ЕСУ (Единого Самарского Университета) явилась ответом на активно обсуждавшиеся планы по переносу университетского кампуса на территорию в районе строящегося футбольного стадиона. В разработке учитывалась информация, предоставленная Высшей школой урбанистики (ВШУ). На примере нескольких университетов, расположенных в таких городах, как Париж, Москва, Тюбинген, Болонья, Магдебург, было показано, что интеграция исторического города и университета благотворно влияет на культурную и экономическую жизнь этих городов.

Одновременно возникает обратная связь: учеба и жизнь в кампусе, расположенном в исторической среде, создает феномен особой университетской жизни и атмосферы и, что особенно важно, служит привлекательным обстоятельством для талантливых студентов, научной и профессорской элиты, уникальным местом, способствующим выбору своего будущего. В своем известном исследовании Ричард Флорида отмечает: «Ключевые факторы нынешней экономики – талант, инновации, креативность – распределены в мире неравномерно. В сегодняшней креативной экономике подлинный источник экономического роста – кластеризация [46] и концентрация талантливых, продуктивных людей... Место остается осью, вокруг которой вращается наша эпоха, сегодня оно более важно для мировой экономики и жизни каждого из нас, чем когда-либо раньше» [16,47].

Исследование и концепция показали, что присутствие университета в историческом центре Самары, обеспечивает взаимное усиление имеющихся экономических, людских и культурных ресурсов.

Например, перекресток улиц Молодогвардейской и Ульяновской является кластером пяти университетов и эпицентром коммерческой активности (50 «малых бизнесов» в прилегающих к перекрестку кварталах). Горожане и студенты смешиваются на улицах, в кафе, коворкингах, театрах и музеях, возникает подлинная городская активность. (рис.25-27)

В концепции выдвигается идея линейной концентрации объектов распределенного кампуса вдоль основных туристических маршрутов и пешеходных зон исторического центра (рис 28). Налицо экономия ресурсов и взаимная выгода от сосуществования – кампуса и университета. В разработанной концепции предлагается осуществить внедрение новых типологических элементов распределенного кампуса, интегрирующих функции исторических кварталов с лабораториями, технопарком, форумными объектами, фудкортами и университетским жильем (рис.29-31).

В концепции предложена модель ЕСУ, организуемого на конфедеративной основе с единым советом всех ректоров и частично консолидированным бюджетом. Подобный единый университет фактически становится историческим городом как таковым, используя выгоды интеграции города и уже существующих на его территории университетов. Важным смысловым продолжением концепции распределенного кампуса является сама идея распределения университетских функциональных элементов в среде настоящего (естественного) города. Дисперсность и перетекание в «жизненные обстоятельства» способны породить «университетские лаборатории», сориентированные на новый предмет – «ценности среды человеческой жизнедеятельности» [48].

Новый предмет, обусловленный практикой интеграции и распределения кампуса в городе, будет содержать гораздо больше «правды», чем практикуемые университетами дисциплины, в общем, очень условно, ориентирующиеся на концепцию счастья [49]. У современного университета, заточенного в пустые стены, куда приходит профессор, чтобы достаточно произвольно определить связь своей дисциплины с реальностью, нет смысловой альтернативы, и она рискует не появиться, если среда и университет будут продолжать существовать отдельно друг от друга. Интеграция лабораторий и города способна произвести новый тип научного знания и, соответственно, – новый тип университета.

То же самое можно сказать и о школе, являющейся непосредственным предшественником университета. В одной из магистерских диссертаций, защищенной на кафедре инновационного проектирова-

Рис. 25 Концепция распределенного кампуса Единого Самарского Университета (ЕСУ) Распределение объектов кампуса на территории исторического центра Самары. Существующая ситуация.

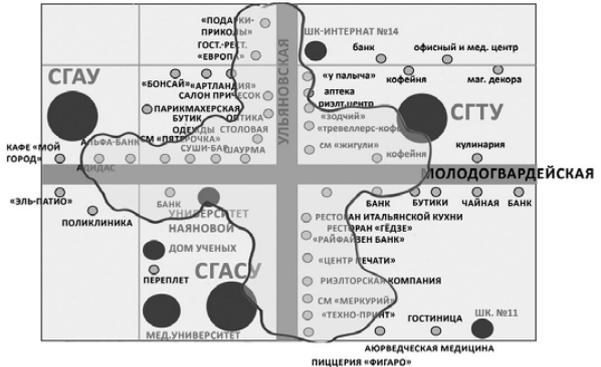

Рис. 26 Эффективность взаимной интеграции ресурсов университета и города. Схема развития объектов малого бизнеса в зоне концентрации самарских университетов.

Рис. 28 Концепция развития распределенного кампуса ЕСУ в границах исторической среды Самары

Рис. 27 Студенты и преподаватели университета – существенная и активная часть сообщества горожан в исторических районах Самары

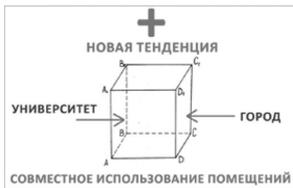
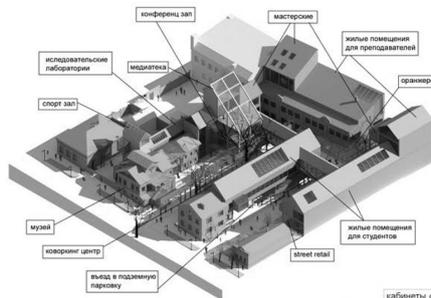

Рис. 29 Концепция взаимовыгодной интеграции объектов исторической среды и университета.

будет

будет

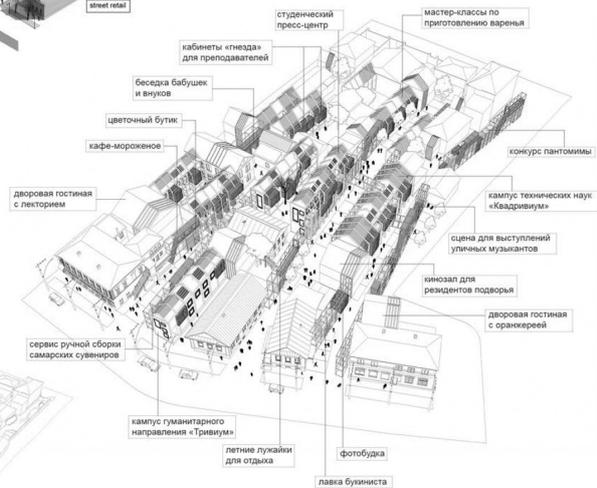
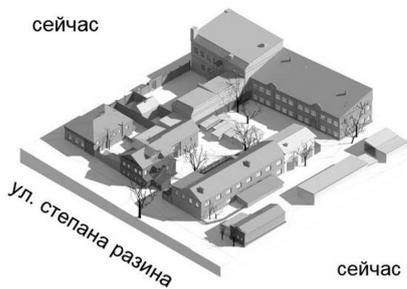

Рис. 31 Регенерация исторической застройки в системе с объектами туристического кластера и распределенного кампуса (Е. Скрынникова).

сейчас

сейчас

Рис. 30 Интеграция объектов распределенного кампуса в исторической застройке на ул. Ст.Разина (К.Акимова).

ния, прямо обосновывался принцип распределения школьных классов внутри исторической Самары с тем, чтобы могли в связке возникать три уникальных феномена: 1) класс-мастерская, сформированный на базе конкретной деятельности в конкретной точке пространства; 2) учитель – мастер устойчивого развития среды («мастер счастья») в своем конкретном (уникальном) виде деятельности; 3) опыт ученика, совмещающий представление о целостном и уникальном [50].

Городские лаборатории распределенного кампуса призваны послужить неким аналогом базовых кафедр для разного уровня бизнес-структур (контрагентов университета). Расположение подобных объектов в структуре исторической застройки оправдывается совпадением интересов бизнеса, города и университета. Только город, его развивающаяся среда, является местом воплощения бизнеса как социориентированной деятельности, и именно город с его огромным разнообразием потребностей способен непрерывно модифицировать инновационные разработки бизнеса и поиск новых производственных алгоритмов и тем. В свою очередь, только в таких «городских лабораториях», находящихся в эпицентре жизни, студенты университета в состоянии осуществить накопление практического опыта и принять участие в становлении нового типа продукта (рис.30,31).

Таким образом, университет, согласно предложенной концепции, не только ищет выгодных вариантов интеграции кампуса и среды, но и отвечает на задачу взаимодействия с контрагентами, используя историческую среду как «площадку встречи бизнеса, адаптации студентов к практической деятельности и поиска новых социориентированных типов продукции и науки. Разумеется, для средней школы подобная интеграция с городом будет означать и более активное взаимодействие с университетом. Девиз проектной концепции распределенного кампуса – «город равен университету, университет равен городу» может быть дополнен ссылкой на школу: «... и равен школе».

Концепция уплотнения и дом-тетрис

На Московской биеннале архитектуры в 2014 г. была представлена разработка реконструкции исторической среды Самары на основе компактной бесконфликтной регенерации кварталов [2].

Концепция была отмечена дипломом «за лучший проект биеннале». Принципиальным инновационным предложением явилось определение роли самарского двора [43], концентрирующего 33 приоритета, обуславливающих формирование среды

настоящего города (рис.32). Средообразующая роль самарского исторического подворья основана, в числе прочих приоритетов, на ограничении исходного размера соседства, что, в свою очередь, обусловлено, небольшими размерами самой территории. Тот факт, что небольшой размер значительно упрощает задачу образования устойчивого соседства, раскрывают в своем исследовании Линда Шниклос и Роберт Шибли на примере проекта саморазвития квартала Рунок: “Another factor was Roanoke’s small size: Direct contact with neighborhoods was easy, and civic leadership in various sectors knew one another” [27, с.134].

В качестве новой архитектурной типологии предлагается концепция «дома-тетриса» [22], позволяющего осуществлять регенерацию внутреннего пространства подворий в виде многочисленных вариантов пространственной «сборки» жилых модулей в неразрывные обитаемые системы «дом-двор». Важно, что при применении этой инновационной типологии у архитекторов, инвесторов и жителей возникали совершенно новые возможности для экономического и конструктивно-функционального маневра в условиях компактной застройки.

Идея «дома-тетриса» развивается на основе выявленных исторических кодов среды (рис.33), обладает высокой степенью адаптации к ограниченным размерам дворов (парцелл), позволяет осуществлять реконструкцию одновременно в разных дворах – на не связанных друг с другом участках квартала. Это соответствует сценарию перманентной реконструкции среды с непрерывным умеренным инвестированием – без остановки происходящих жизненных процессов в квартале и во дворах.

Несмотря на то, что у Дженкса, впервые всерьез обратившего внимание на «идею архитектурных кодов», речь шла о необходимости «двойного кодирования» архитектурного языка («популярного» и «элитарного» – [33, с.132]), в случае с «самарскими кодами» выявление кода не столько адресует процедуры эстетического восприятия, сколько – процессу «естественного построения среды», что представляется более актуальным, чем просто эстетическое удовлетворение. Вместе с тем «Дом-Тетрис» все же не отступает от концепции пространственной метафоры неопластицизма, и стоит только сожалеть, что в свое время Рейнер Бэнем не смог по достоинству оценить действительное «интегральное» значение «неопластической метафоры» Ритвельда, заявив, что лишь, пожалуй, внешняя форма этого дома заслуживает внимания (“Machine aesthetic: rectangular space play; the bare minimum of the modern architecture

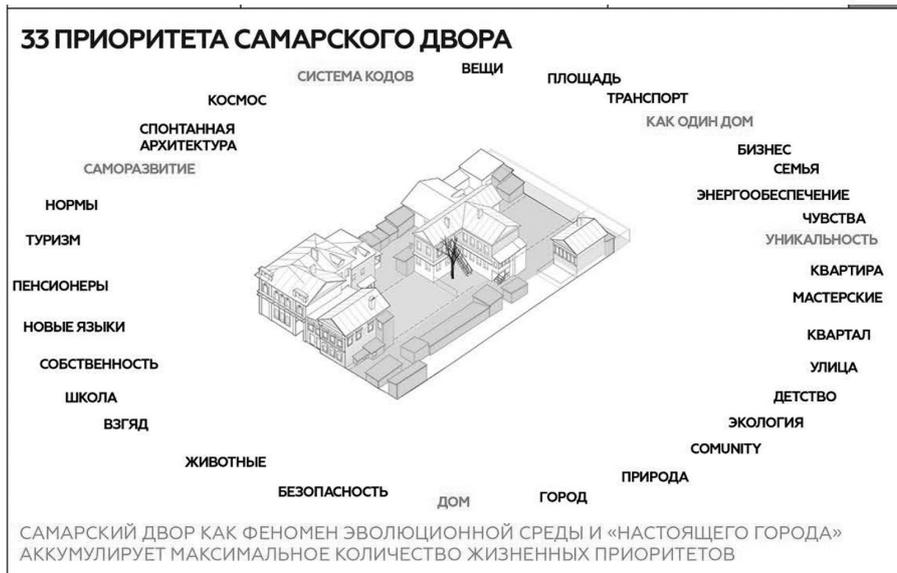
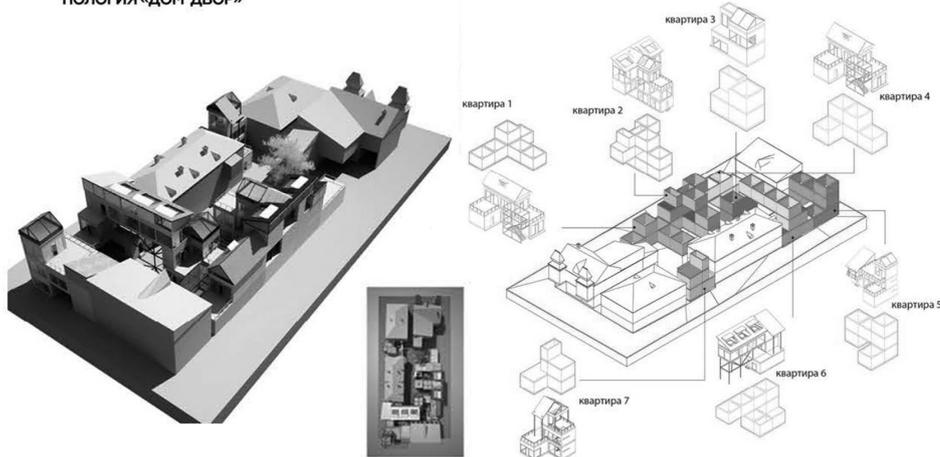

Рис. 32 Схема выявленных приоритетов Самарского двора – исходной структурной, социальной и архитектурно-функциональной единицы (генама) настоящего города

АРХИТЕКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА – САМАРСКИЙ ДВОР, А ТОЧНЕЕ – ЕСТЕСТВЕННО СЛОЖИВШАЯСЯ ТИПОЛОГИЯ «ДОМ-ДВОР»

ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТОЙ ТИПОЛОГИИ, РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ НА ОСНОВЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕЛИ ДВОРА И ЕГО КОДОВ, НЕОБХОДИМА РАЗРАБОТКА НОВЫХ НОРМАТИВОВ, ТАК КАК ВСЕ СУЩЕСТВУЮЩИЕ НОРМАТИВЫ И РЕГЛАМЕНТЫ ПРЕДПОЛАГАЮТ ТОЛЬКО МИКРОРАЙОННЫЙ ТИП СРЕДЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО МНОГОЭТАЖНЫХ ДОМОВ.

Рис. 33 .Модель регенерации исторической застройки на основе концепции уплотнении и создания типологии «дом-тетрис»

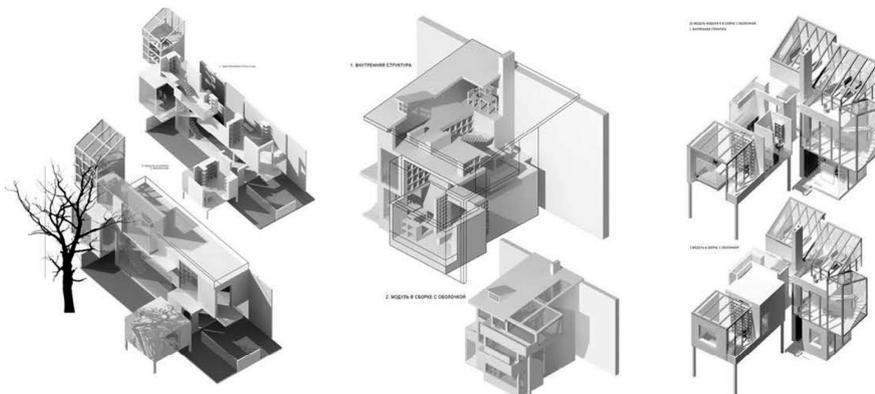
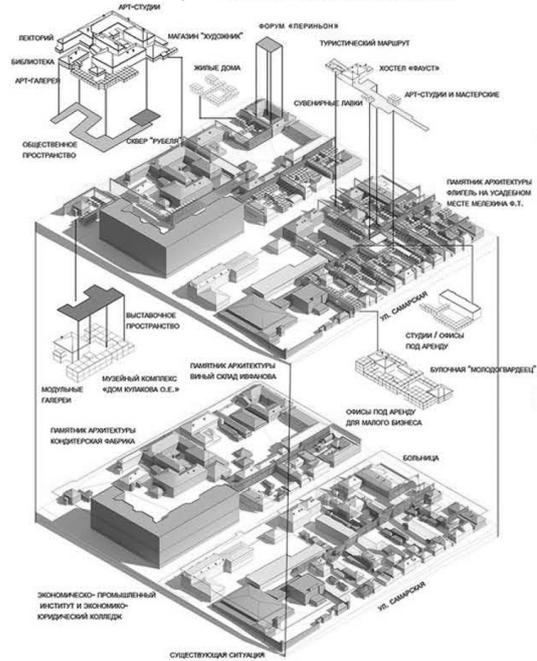

Рис. 34 Разнообразие квартир в типологии «дом-тетрис», обусловленное уникальностью исторической среды, ее пространственных кодов и критериями современного архитектурного пространства в жилье. (С. Боранов, К. Акимова, Е. Скрынникова, Е. Кулеш, Е. Ефимов, М. Войнов)

Рис. 35 Концепция эффективной реконструкции исторической среды самарских кварталов на основе уплотнения застройки с применением межзаваяния в исторических границах подволей и новой архитектурной типологии «дом-тетрис». Обновление функциональной программы уличного стрит-ритейла, создание подцентров и эпицентров обслуживания туристических маршрутов.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕРЕЗ УПЛОТНЕНИЕ

144 КВАРТАЛА

700 ГА - ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР САМАРЫ

(...) КОЛИЧЕСТВО КВ. М. ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ

(...) РАЗНИЦА - ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

Рис. 36 Перспектива внутреннего пространства квартала, реконструируемого на основе типологии «дом-тетрис» (Н.Беляк, Д.Сомов)

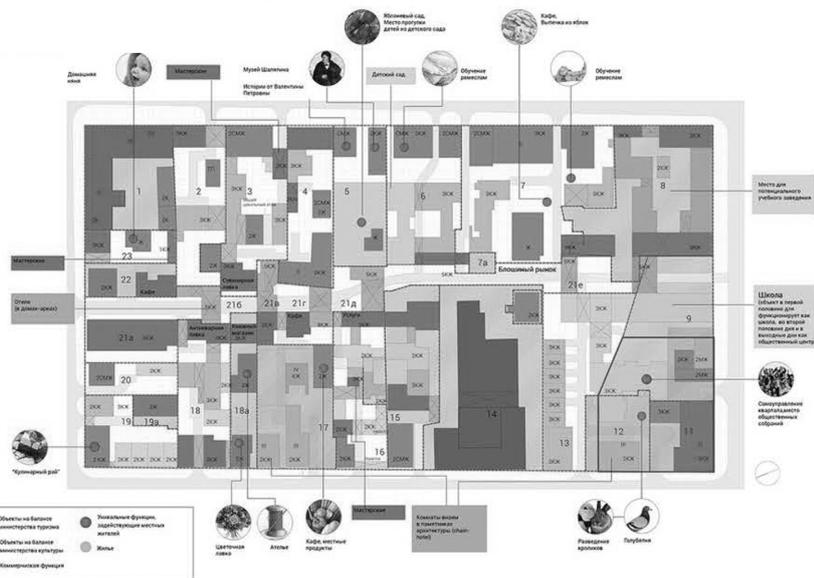

Рис. 37 Концепция развития малого бизнеса, мотивируемого естественными характеристиками исторической среды – на примере квартала №79

that was to be») [51, с. 68]. В нашем случае именно неопластическая формула «Де Стиля» образует пространственно-функциональную основу новой типологии квартир в «Доме-Тетрисе», которые, несмотря на компактность, интригуют новой современной формулой пронизанного светом пространства, новыми соединениями элементов функциональных «блок-схем» и самой приключенческой атмосферой планировочных компонентов формы (рис.34-37).

СПР ИС– концепция пространственного развития исторической среды и Институт города

Концепция Стратегии пространственного развития исторической среды (СПР ИС) была разработана «Институтом Города_Самара», созданным в качестве ключевого инструмента разработки и реализации СПР [18], и студентами профессора Евгении Репиной и представлена в специальной экспозиции в связи с проходившей в Самаре выездной конференцией МОСУРБАНФОРУМа, продолжающей актуальную деятельность в области стратегического мастер-планирования [52].

Концепция сформулировала основные приоритеты исторической среды как «настоящего города» и представила модели последовательной разработки бесконфликтных и эффективных реконструктивных программ. Концепция разрабатывалась как производная и при этом ключевая подсистема всей ранее принятой «Стратегии Самара-2025», охватывающей не только интересы Самары, но и ее природного окружения и агломерации в целом [53]. Саморазвитие, мастер-план и интеграция ресурсов шести основных подсистем – вот основные положения концепции. Историческая среда взаимодействует с периферией (зонами микрорайонов), и весь этот неравнозначный тандем переходит в общей стратегии в бинарную оппозицию Левого и Правого берега реки – как ключевая содержательная формула агломерационной модели [53].

Шесть подсистем: культура, квартальная застройка, общественные пространства, стрит-ритейл, транспорт и гибкие системы управления интегрируют свои внутренние ресурсы, шестикратно усиливая экономический потенциал и эффективность Самары как брэнда. К этим шести подсистемам добавляется распределенный кампус, значение которого выходит за рамки традиционного отношения к университету как к учебному учреждению, так как на основе интеграции с данной подсистемой возникает мощный градообразующий и социокультурный эффект (рис. 38-41).

Регламент ИС

Важнейшим результатом разработки СПР явилась модель регламента исторической среды. Отличительной чертой этой разработки явилось наследование кодов, которые соответствуют характеру и ценностям исторической застройки, включая соединение упорядоченного и спонтанного [54]. Сверхзадачей регламента ИС является усиление активности исторического центра, повышение его культурной привлекательности и экономической отдачи. Важно было перейти от бюрократической оценки «разрешаемого» и «запрещенного» к пониманию среды как более сложной системы, чем набор существующих шаблонных зон и параметров в Генеральном плане и Правилах застройки и землепользования. Новый регламент должен отражать иные методологические парадигмы, в которых есть место инициативе субъекта территории, переходящей затем в достижение консенсуса между интересами города и community. Все это крайне интересное и актуальное направление «постурбанистического дискурса», однако существует оправданное опасение, что общество к этому не готово.

Например, почти не действует юридическая практика согласования спонтанных изменений застройки, столь свойственная русскому менталитету, но совершенно не воспринимаемая официальной доктриной проектно-бюрократического (проектно-нормативного) представления о том, что есть плохо и что есть хорошо.

В результате такой упрощенной модели среда Самары постепенно теряет свое очарование и идентичность, диалог примитивизируется, форма города теряет свою естественность [4, 21, 46].

Соединение «профессиональной застройки» и спонтанных инициатив [55] жителей квартала – уникальное качество самарской исторической среды – есть в то же время тот опыт, который демократизирует архитектуру города, где бы она ни случалась [54]. В качестве примера можно сослаться на исследование Elke Krasny одного из кураторов Венецианской Биеннале (2012), представлявшего экспозицию, посвященную проектам в жанре «bottom-up urban development» (Hands-On-Urbanizm) [41, 98] и свидетельствующего, что подобные спонтанные («самоорганизуемые») микропроекты жителей могут реально «вести к большим переменам» (major changes), способным компенсировать воздействие «шоковой модернизации, сопровождающей индустриализацию поселений и городов во всем мире».

КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ (в рамках Стратегии_2025)

ИНСТРУМЕНТЫ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ

СРЕДОВОЙ ПОДХОД КАК ИНСТРУМЕНТ БЕСКОНФЛИКТНОГО САМОРАЗВИТИЯ

Рис.38 Инвариантные элементы средового подхода

Рис.39 Необходимые методологические и практические инструменты для выявления и запуска собственных ресурсов развития исторической среды.

СТРУКТУРА СПР

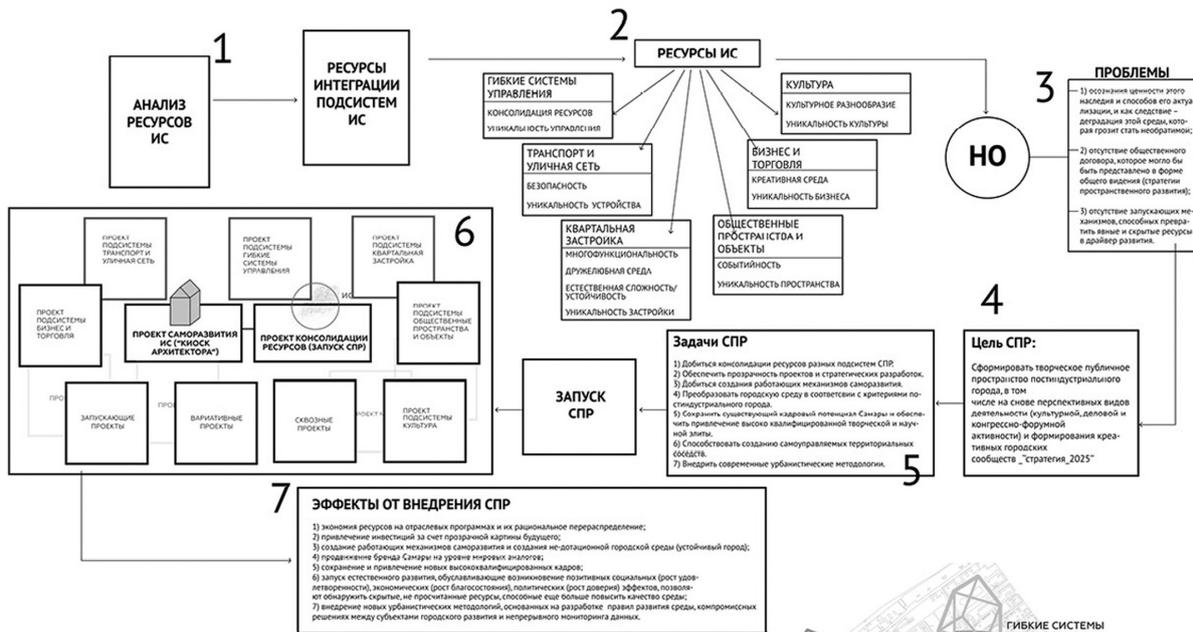

Рис.40 Структура Стратегии Пространственного Развития исторической среды (СПР ИС)

СТРУКТУРА СПР: СКВОЗНОЙ ПРОЕКТ «КОНСОЛИДАЦИЯ РЕСУРСОВ ПОДСИСТЕМ ИС»

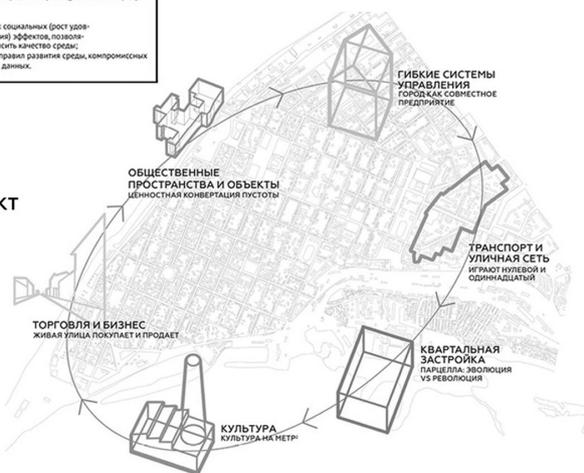

Рис.41 Схема интеграции и консолидации ресурсов подсистем исторической среды.

Квартал №13

В разрабатываемом «Институтом Города Самара» и аспирантами профессора Евгении Репиной совместно с магистром архитектуры Александром Гниломедовым проекте 13-го квартала аккумулируется весь опыт предыдущих проектов, включая диалог с жителями как основание для разработки «проекта снизу» [25,56]. Генри Санофф в предисловии к своей недавно переведенной работе отмечает, что сторонники теорий «общественного участия» теперь включаются в организации и программы ООН, ВОЗ и ЮНИСЕФ [10,29], что, собственно, и произошло с «Институтом Города Самара, общественной экспертной организацией, проект которой, единственным от России, был включен в список общественно полезных программ, представленный в докладе ЮНЕСКО на недавней конференции ООН Habitat III в Кито². «Наш коллективный поиск жизни в гармонии друг с другом, - пишет Санофф, - и с нашим социальным, экономическим и экологическим окружением является путем к устойчивому развитию. Соучастие общества способствует принятию устойчивых решений благодаря тому, что нужды и интересы всех участников, в том числе и самих лиц, принимающих решения, учитываются и транслируются всеми участниками процесса» [29,14].

Особую роль в этом проекте («Бесконфликтная регенерация квартала №13 в Самаре») выполняет установка на осуществление законной приватизации земли, де-юре принадлежащей обитателям квартала, что должно обеспечить изменение субъектного и инвестиционного статуса жителей. Межевание в исторических границах дворов является принципиальной задачей проекта, так как позволит избежать крупномасштабной застройки и сохранить естественный облик и качество исторической среды [26], [50] (рис.42,43).

В структуре СПР реконструкция 13-го квартала рассматривается как пилотный проект, в то время как воплощение концепции распределенного кампуса следует оценивать, как важнейший «сквозной проект» Стратегии «Самара-2025».

Киоск архитектора

Оригинальным предложением в проекте 13-го квартала является идея «Киоска архитектора» –

своеобразного общественного центра локальности и минимального офиса для работы архитекторов, экспертов и community-центра как площадки для сбора жителей с целью принятия и обсуждения программы саморазвития. Проект поддерживается жителями квартала, выступающими его инициаторами.

В принципиальном смысле эта идея следует деятельности прототипу Рода Хэкни (resident architect) и означает процедуру поэтизации и одновременно повышения уровня практической пользы от деятельности архитекторов. В идеале эта процедура заключается в том, чтобы в каждом квартале устроить рабочее место архитектора, полевою проектную студию, назвать его «архитектором квартала», «участковым архитектором» – по аналогии с участковым врачом, сантехником, или полицейским.

Эта идея опирается на стратегию bottom-up, т.е. на глубокое убеждение, что жизнь лучше всего (а иногда, как это часто случается в провинции – исключительно) может быть организована силами самих живущих. Как нам представляется, в очень большом количестве случаев саморазвитие города и поддержание его в надлежащем состоянии осуществляется через инициативу снизу и организацию диалога профессионалов, жителей и власти.

Согласно сценарию, предусмотренному концепцией, архитектор и/или команда живут в квартале или имеют там бюро. В идеале они полностью информированы о состоянии генплана и требованиях ПЗЗ, и отвечают за непрерывно корректируемый «мастер-план квартала», соответствующий в определенных позициях вышеуказанным документам. Согласно концепции, эта небольшая команда профессионалов, находящаяся в диалоге с жителями и властью, естественным образом стремится к реализации мастер-плана, решая – по ходу – локальные «архитектурные» проблемы жителей. Важные услуги оказывает «юридический отдел» проектного офиса («киоска архитектора»), помогая жителям решать вопросы, связанные с собственностью.

В неидеальной ситуации архитекторы квартала просто работают с «реальностью как она есть», т.е. терпеливо погружаются в тот хаос, из которого состоит жизнь, и не избегают решения задач малого масштаба. Малые проекты и диалог с жителями

² С 17 по 20 октября в столице Эквадора Кито проходила конференция ООН Habitat III, посвящённая жилищному строительству и устойчивому развитию городов. ЮНЕСКО представило на ней доклад, в котором рассказывается о практиках из 111 населённых пунктов, расположенных на всех континентах, кроме Антарктиды. Опубликованные кейсы являются удачными с точки зрения организации примерами в области культуры, способствующими устойчивому развитию городов. Россия в докладе представлена только самарским примером. В нём рассказывается о разработке стратегии «Самара-2025, в которой за два года приняло участие более 3500 жителей; концепции устойчивого развития исторического центра, разработанной «Институтом города»; предложении реализации на этой территории распределённого кампуса университетов. «Эта стратегия «мягкого обновления» оказалась особенно эффективной, демонстрируя, что общественность является одним из основных недооценённых ресурсов для восстановления исторической среды. Восстановление практик «органического» развития и новую несубсидированную экономическую модель следует дополнительно изучить в будущем.» — говорится в докладе

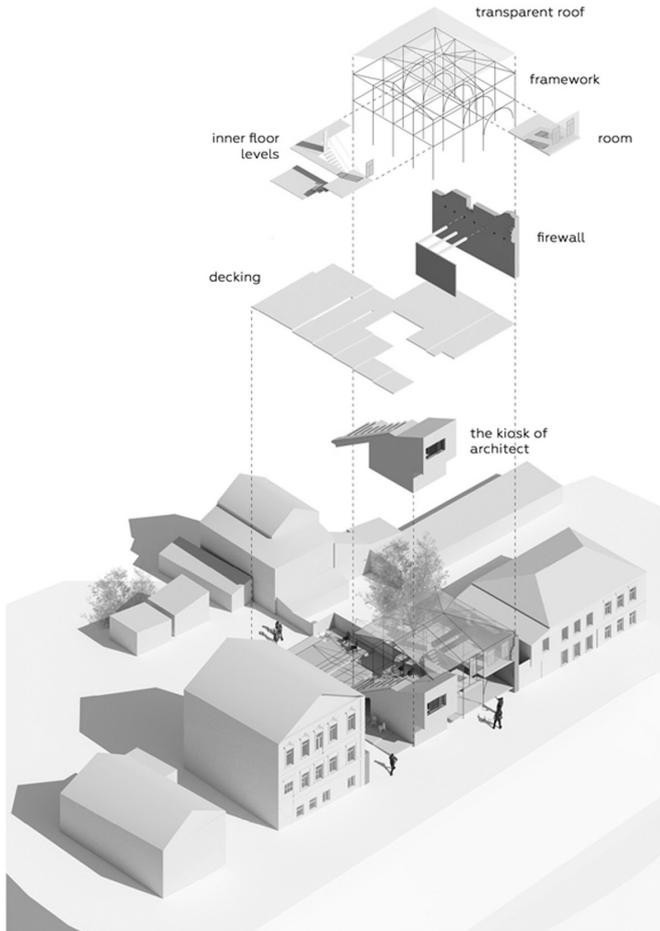

Рис. 42 Проект бесконфликтной регенерации квартала №13. Схема межевания по сложившимся границам подворий.

Рис. 43 Общение с жителями квартала №13. Исследование ситуации, анкетирование.

Рис. 44 Концепция «Киоск архитектора» - создание локального филиала Института Города и центра экспертной поддержки проектных инициатив жителей квартала. Объект одновременно используется как небольшое архитектурное бюро и место неформального общения жителей квартала.

Рис. 45 Архитектурный проект «Киоска архитектора» в квартале №13 (С. Лашенко, К.Горина, Е.Черникова)

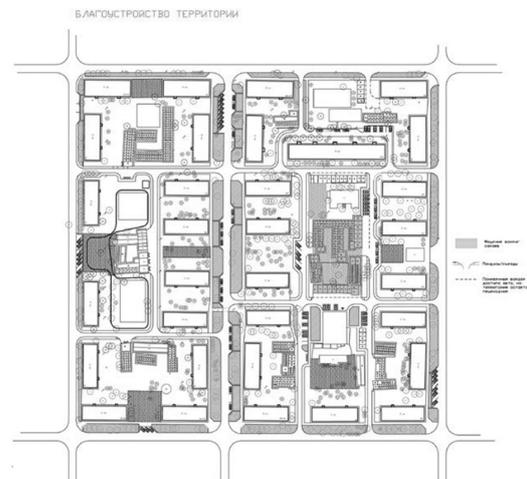

Рис. 46 Проект «Красные дома»: межевание и благоустройство (М. Захарченко, Д.Романова, О.Чубукина,

требуют смены профессиональной парадигмы, означающей теперь, что архитектор покидает Олимп своей исключительности и встречается с потребителем своего продукта лицом к лицу. В Самаре каждый квадратный метр города нуждается в проектном усилии, при этом существует массовая эмиграция молодых специалистов, у которых нет работы. Т.е. вообще нет, потому что капиталистическая логика, понятая односторонне, работает в интересах крупного инвестора, которые часто противоречат интересу обществу, и формулирует такую картину мира, в которой можно реализовывать только большие проекты и только за большие деньги. Этот же капиталистический механизм формирует систему «звезд», т.е. закрытого клуба архитекторов, которым достаются основные заказы.

Совершенно логично, что в существовании квартальных архитекторов должен быть заинтересован муниципалитет. Такой опыт способен противостоять атомизации общества и увеличит количество «архитектурного» в городе. Эта идея не нова. В Роттердаме в 70-е гг. XX в. подобные киоски стояли на многих перекрестках, в них располагались студенты и молодые специалисты, которые на деньги и при поддержке муниципалитета проектировали для жителей реконструируемых кварталов. Когда в течение нескольких лет задачи были решены, киоски исчезли.

Проектирование (и реализация руками самих проектировщиков) для людей невысокого социального уровня реализовала в Америке Rural-studio – команда студентов под руководством профессора Сэмюэля Мокби. Такой же опыт есть в Австрии. А один из европейских архитекторов, оставшийся в результате игр большого рынка без работы, вышел на улицу с подобным киоском и начал проектировать мелочи для любого обратившегося. Как утверждали очевидцы, у него не было отбоя от клиентов.

Квартальный архитектор, на наш взгляд, нужен везде, но особенно в условиях реконструкции провинциальных городов. В проекте киоска архитектора для квартала №13 функция проектного бюро значительно обогащена устройством амфитеатра для жителей, импровизированного «музея квартала» и детской площадки (рис.44, 45).

Красные дома

Два других проекта демонстрируют принцип осуществления трансляции «уроков настоящего города» на территорию периферии и микрорайонов. В проекте «Красные дома» [24,26,56] диалог и межевание территории во взаимодействии с общественным самоуправлением должны привести к созданию «зон заинтересованности» жителей в качестве среды и

застройки. Так же, как и в исторической среде, жители этого периферийного района имеют право на приватизацию домов и квартир. Для осуществления этой цели был разработан проект межевания и благоустройства, находящийся на этапе согласования с жителями. В случае успешного осуществления данных процедур жители этого бывшего соцгорода получают стимул к регенерации запущенной территории и переходу к новому уровню ее капитализации (рис.46).

Кошелёв-2

В концептуальном проекте «Кошелёв-2», представленном на Московской биеннале архитектуры в 2016 г. в кураторском проекте «социальное жильё» (в разделе «саморазвитие» вместе с проектом Аравены), продемонстрирована идея более продуктивного и гуманного освоения района, где сейчас ведется активная застройка на основе относительно дешевых проектов в категории «доступное жильё»

В разработанном концептуальном проекте-альтернативе за основу планировки взята идея квартальной застройки и «горизонтального взаимодействия» проектировщиков и потенциальных покупателей жилья (предполагаемых соседей). В основе дома-двора, собираемого по предварительно согласованному проекту из элементов каталога, размещаемого на специальном сайте, лежит обновленная идея индустриального домостроения. Проект-альтернатива включает позитивные характеристики городского плана [4,43,45,57], присущие настоящему городу, а именно: компактную и разнообразную среду, ясные границы локальности, квартальную застройку, дворовые соседства, общественные пространства и объекты, соединение жилья и стрит-ритейла, интеграцию зеленых ареалов. Можно предположить, что этот опыт мог бы занять достойное место в анализе партисипационных практик, предпринятых в свое время Ричардом Хэтчем [30] (рис.47, 48).

Выводы и принципы

В итоге предпринятых разработок необходимо зафиксировать следующие основные идеи, выводы и принципы.

Естественный город – это среда, развивающаяся на основе реализации принципа субъектности горожанина и порождающая многочисленные совпадения интересов городских резидентов и общественного предназначения городской среды.

Естественный город – это «природное основание» настоящего города, воплощающего идеалы постиндустриальной среды. Единственной субстанциональной основой естественного города является историческая среда, и именно в силу

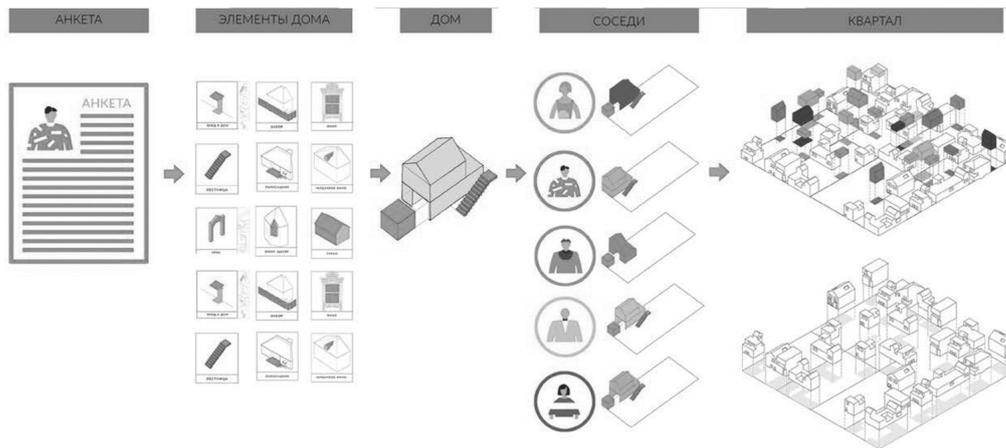

Рис. 47 Трансляция уроков настоящего города на территорию периферии. Концептуальный проект альтернатива «Кошелев - 2». Создание дворовой и квартальной застройки по аналогии с исторической на основе типологии «дом- тетрис», специального каталога элементов дома фабричного производства и диалога потенциальных соседей. (Е. Черникова, Е. Миронова, Е. Князева, Е. Полякова, К. Горина, Э. Мартиросян, К. Павлов, Н. Беляк, Д. Сомов)

Рис. 48 Проект «Кошелев - 2». 3D- модель застройки на основе конструктора элементов «дома- тетриса»

этого обстоятельства ее остатки требуют максимального сбережения.

Чтобы защитить историческую среду, являющуюся бесценным наследием Самары, необходимо не только разрабатывать мероприятия по официальной охране исторического наследия, но и изменить саму парадигму значения исторической среды, понимания ее основных градообразующих смыслов. В первую очередь, это означает возвращение к модели естественного развития среды на основе приватизации жителями земли в пределах исторических границ подворий и диалога субъектов реконструкции; введение регламента, основанного на исторических кодах и концепции эффективной бесконфликтной регенерации; принятия стратегии пространственного развития (СПР ИС).

Важнейшим инструментом разработки и реализации стратегии пространственного развития является Институт Города – организация экспертов, признан-

ная ЮНЕСКО и осуществляющая взаимосвязь всех субъектов и ключевых подсистем мастер-планирования устойчивой городской среды.

Чтобы активизировать жизнь в историческом центре и сделать ее многократно более привлекательной для туристов, жителей, бизнес- и научной элиты, необходимо существенно поддержать исторический масштаб улицы, резко увеличить функционирование общественных объектов и стрит-ритейла за счет поощрения малого бизнеса и обеспечить активную интеграцию застройки, бизнес-структур и кампуса самарского университета.

Вопрос о приоритетах должен решаться на взаимовыгодной основе: если это единый конфедеративный университет, значит вполне вероятно более существенное увеличение интегрированного ресурса. Но даже в пределах программы развития СамГТУ как опорного вуза региона – концепция распределенного кампуса должна создать мощные инновационные,

гуманитарные и экономические перспективы.

Чтобы извлечь уроки из исторической среды («уроки настоящего города»), необходимо продолжить научно-экспериментальное проектирование в рамках пилотных проектов и исследований СПР (квартал №13, концепция распределенного кампуса, туристический кластер «Хлебная площадь» и др.) и довести до официального признания разработку новых типов регламента для других территорий, которые бы позволяли перейти от негуманной типовой застройки к действительно гармоничной среде.

Самарский двор и выявленные его 33 приоритета можно считать основой и квинтэссенцией нашего исторического наследия, аккумулирующего основные ключи, ценности и коды, гарантирующие эффективность уроков настоящего города, понимаемого как «естественный город».

Проблема стратегии развития исторической среды как настоящего города, опирающегося на парадигму естественного развития (естественного города) должна получить решение, основанное на единичных и коллективных квалифицированных экспертных оценках происходящих процессов с учетом мирового опыта и результатов представленных разработок.

Настоящий город – историческая среда – есть естественный город, обеспечивающий реальное культурное и экономическое процветание горожанам, бизнесу и университету. Его «уроки» могут быть транслированы на территории псевдогорода с тем, чтобы постепенно перейти к новому типу гармоничной и недотируемой городской среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малахов С.А., Яковлев И.Н. МЕМ и РЕКС. Квартал - эксперимент естественного моделирования Архитектура СССР . №5» сент-окт 1985. С.83-88.
2. Малахов С.А., Репина Е.А. Стратегия бесконфликтной реконструкции исторической среды на примере города Самара // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 5 (180). С.169-174.
3. Репина Е.А. Признаки города. Апология пустоты // Исследования в области архитектуры, строительства и охраны окружающей среды: материалы 68-й Всероссийской НТК / СГАСУ. Самара, 2011. С. 455-457.
4. Репина Е.А., Малахов С.А. Естественная форма среды: спонтанное как неизвестное. Неизвестное как культурная норма // Проблемы бесконфликтной реконструкции исторической среды в условиях междисциплинарного сотрудничества. [Электронный ресурс]: материалы Международной НПК, 25.12.2015. Самара, 2015. С.
5. Репина Е.А. Катастрофа прогресса и природа инноваций // Инновационные методы и технологии в высшем архитектурном образовании: материалы международной научной конференции/ СГАСУ. Самара, 2008. С. 218-229.
6. Саваренская Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVIII-XIX вв.: Эстетические и теоретические предпосылки. М.: Стройиздат, 1987. 191 с., ил.
7. Bacon Edmund N. Design of cities. Penguin Books, 1976.
8. А. Росси Альдо. Архитектура города. М.: STRELKA PRESS, 2015.
9. Гидеон Зигфрид. Время, пространство, архитектура. М.: Стройиздат, 1984. 456 с.
10. Ле Корбюзье. Тайны творчества. Между живописью и архитектурой. 1887- 1965 Составитель и научный редактор каталога – Жан-Луи Коэн. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2012.
11. Weston Richard. Modernism. New York, Phaidon Press Limited, 1996.
12. Фремpton К. Современная архитектура: Критический взгляд на историю развития / пер. с англ. Е.А. Дубченко ; под ред. В. Л. Хайта. – М. : Стройиздат, 1990. 535 с.
13. Бархин М.Г. Архитектура и человек. Проблемы градостроительства будущего. М.: Изд. Н. 1979. 237 с.
14. Рагон Мишель. Города будущего. М.: Мир, 1969.
15. Ахмедова Е.А. Современные требования к включению уплотнительной застройки в композиционно-планировочную структуру крупнейшего города // Innovative Project. 2016. Т.1, №1. С.44-47.
16. Жоголева А.В. Социальное пространство и методология средовой архитектурной деятельности // Innovative Project. Инновационный проект. Архитектурный журнал.2016. №1, Т. 1. С.54-58.
17. Малахов С.А., Репина Е.А. TATLIN MONO Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной: (монография). Екатеринбург: ООО «Издательство Татлин», 2014. 210 с.
18. Малахов С.А., Репина Е.А. Институт города как необходимость // Проект Волга. 2013. № 32-33. С.50-55.
19. Малахов С.А., Репина Е.А. Идеальный дом и идеальный город: оппозиция методологических парадигм, а не категорий архитектурной историографии (статья) // Научное обозрение. №9. 2015. 409 с.
20. Гнилomedов А.С. Методологический аспект сохранения и обновления архитектурно-исторической среды крупного города (на примере г. Самара) // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2014. №2 (15). С.16-20.
21. Репина Е.А., Гайдина В.С. Самострой как «настоящий город»? // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. [Электронный ресурс]: материалы Международной НТК 25.12.2015. Самара, 2016. С. 151-155.
22. Малахов С.А. Возможность интерпретации композиционной модели как проектной. Опыт эксперимента на тему «Дом-Тетрис» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. №1. Т. 2. Философия. Санкт-Петербург, 2015. 279 с.
23. Малахов С.А. Старый город как креативный кампус // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство: сборник статей / под ред. М.И. Бальзанникова, К.С. Галицкова, Е.А. Ахмедовой; СГАСУ. Самара, 2015. С. 171-177.

24. Чубукина О.В. Эволюция метода натурного наблюдения за городской средой. // «Innovative Project». Инновационный проект. Архитектурный журнал. 2016. №1, Т. 1. С.59-63.
25. Репина Е.А., Захарченко М.А. Актуальная роль процесса соучастия в развитии городских территорий // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: материалы 72-й Всероссийской научно-технической конференции. СГАСУ. Самара. 2015. С. 157-159.
26. Гниломедов А.С., Захарченко М.А., Репина Е.А. Красные дома // А.С.С. Проект Волга. 2015. №36-37. С. 56-57.
27. Schneekloth, Lynda H.; Shibley, Robert G. Placemaking. The Art and Practice of Building Communities. N.Y. John Wiley & Sons, Inc. 1995.
28. Hamdi, Nabeel. Housing without Houses. Participation, flexibility, enablement. Intermediate Technology Publication, SPR, Exter, UK, 1995.
29. СанOFF. Генри. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда. : Проектная группа 8, 2015.
30. The Scope of Social Architector. Edited by C. Richard Hatch. NY. Van Nostrand Reinhold Company, 1984 Architectural Monographs # 30. Rob Krier. Architecture and urban design. Academy Editions, London, 1993
31. Architectural Monographs # 30. Rob Krier. Architecture and urban design. Academy Editions, London, 1993
32. Боков А.В. Категория культурного ландшафта. // Техническая Эстетика. М., 2015.
33. Дженкс, Чарльз. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1977.
34. Дженкс. Ч. Новая парадигма в архитектуре / Ч. Дженкс // ПРОЕКТ International. 2014. № 5. С. 98-112.
35. Вентури, Роберт. Сложность и противоречия в архитектуре. М., 1966.
36. Вентури Роберт; Браун Дениз Скотт; Айзенур, Стивен. Уроки Лас-Вегаса. Strelka Press. М., 2015.
37. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
38. Крашенинников А.В. Градостроительное развитие жилой застройки. Исследование опыта западных стран: учебное пособие. М: Архитектура-С. 2005.
39. Боттон де Аллен. Архитектура счастья: как обустроить жизненное пространство. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2013.
40. Малахов С.А., Романова Д.Н., Мишечкина А.Б. Поэтика городского пространства Самары (монография). Тюмень, 2013. 240 с.
41. Biennale Architettura 2012. Common Ground. 29.08 - 25.11. Venice. Marsilio.
42. 4th International Architecture Biennale Rotterdam (IABR). Open City: Designing Coexisting. Catalog. Rotterdam, 2009.
43. Малахов С.А. Самарский двор – средовой и социокультурный феномен The Samara Courtyard – an Environmental and Socio-Cultural Phenomenon. Самара: Наследие под угрозой/Samara: Endangered City on the Volga. / Самара: ООО «Издательский дом «Агни», 2009. С. 60-66.
44. Малахов С.А. Десять лет спустя: проблемы реализации программы «Ковчег» // Проблемы реконструкции исторических центров крупных городов России». Нижний Новгород, 1994.
45. Малахов С.А., Репина Е.А. Острова идентичности // Проект Волга/ProjectVolga. 2008. № 16/17. С. 120-121.
46. Репина Е.А., Романова Д.Н. Коммуникативные свойства анонимной архитектуры // «Innovative Project». Инновационный проект. Архитектурный журнал. 2016. №1, Т.1, С.104-108.
47. Флорида, Ричард. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. Strelka Press. М., 2014.
48. Norberg-Schulz, Christian. Genius Loci. Towards a Phenomenology of Architecture. - N.Y. : Rizzoli, 1980. - 214 p.
49. Глейзер Эдвард. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Издательство Института Гайдара | Московский урбанистический форум. «Библиотека урбаниста», 2014.
50. Малахов С.А., Репина, Рябченко Т.Я. Школа как город. // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура: №2. 2011. С. 39-41.
51. Vanham Reyner. Age of the masters. A personal View of Modern Architecture. Harper and Row, Publishers, NY: 1975.
52. Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим. М.: Московский Урбан-форум, 2014.
53. Малахов С.А., Репина Е.А., Самарская Лука – как квинтэссенция архитектурного смысла // Проект Волга/ProjectVolga. 2012. № 30-31. С. 62-67.
54. The Spontaneous City. Urhahn Urban Design. BIS PUBLISHERS. Fvsterdam, 2010.
55. Репина Е.А. Значение категории «случайность», «спонтанность» в научно-естественном и постмодернистском дискурсах и в современной архитектуре // Вестник ОГУ. Оренбург, 2015. С. 175-183.
56. Репина Е.А., Захарченко М.А. Применение методики соучаствующего проектирования в планировании городских территорий. Кейс «Красные дома» // Innovative Project. 2016. Т.1, №1. С. 64-67.
57. Малахов С.А., Адамова Е.А. Форма городских локальностей // Innovative Project. 2016. Т.1. №1. С. 70-73.
58. Katz Peter. The New Urbanism. Toward an Architecture of Community. McGrow-Hill, Inc. 1994.
59. Аурелли Пьер Витторио. Возможность абсолютной архитектуры. М., 2014. 304 с.
60. Swaback Vernon D. The Creative Community. Designing for life. FAIA, FAICP. Victoria, Australia, 2003.

Для ссылок: Репина Е.А., Малахов С.А., Гниломедов А.С., Малышева С.Г., Лащенко С.В., Захарченко М.А., Романова Д.Н., Лопатина Л.Е. Естественный город - опыт научно-проектных разработок // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С.24-45. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.4

For references: Repina E., Malakhov S., Gnilomedov A., Malysheva S., Lashchenko S., Zakharchenko M., Romanova D., Lopatina L. Natural city - the experience of scientific and project development. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 24-45. DOI: 10.17673/IP.20-16.1.02.4

Брюн Александр, Малефан Левела
Университет Поль-Валери Монпелье 3, Монпелье, Франция
Brun Alexandre, Maléfant, Llewella
Université Paul-Valéry Montpellier 3, Montpellier, France

**L'EAU DANS LA RÉGÉNÉRATION URBAINE: ENJEUX ET PERSPECTIVES AUTOUR
DE QUELQUES GRANDS PROJETS MÉTROPOLITAINS**

(“Préservation du patrimoine et développement des villes”, Samara, 30.09-01.10.2016)

**РОЛЬ ВОДЫ В РЕГЕНЕРАЦИИ ГОРОДОВ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
НА ПРИМЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ КРУПНЫХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ**

(«Сохранение наследия и развитие городов», Самара, 30.09-01.10.2016)

**WATER IN URBAN REGENERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES
AROUND SOME MAJOR METROPOLITAN PROJECTS**

(«Preservation of Heritage and Development of the Cities», Samara, 30.09-01.10.2016)

Les fleuves, les rivages lacustres, les baies et les fonds d'estuaires sont des sites qui ont été privilégiés par les communautés humaines pour des raisons commerciales, militaires et religieuses. C'est pourquoi la plupart des grandes villes ont des façades fluviales ou maritimes qu'elles souhaitent valoriser dans le cadre de vastes opérations d'urbanisme. De nombreux projets de waterfront se sont ainsi concrétisés, en particulier dans les pays anglo-saxons. Un autre chantier – plus expérimental – est celui de la renaturation des petites rivières urbaines. Ces dernières ont disparu au 19ème siècle car elles étaient vectrices de maladies et d'inondations. À Lyon par exemple, ces petites rivières font désormais l'objet d'opérations qui associent le renouvellement urbain et la reconstitution des continuités écologiques. Comme le suggère cet article relatif au rôle de l'eau dans la régénération urbaine, la situation géographique de la ville de Samara et le site exceptionnel de la confluence de la Volga et de la Samara sont des atouts qu'il conviendrait de valoriser dans le cadre d'un projet de territoire.

Реки, озера, заливы и морские побережья всегда были излюбленным местом поселения людей по различным причинам: коммерческим, военным или религиозным. Именно поэтому большинство крупных городов построены вдоль речных или морских береговых линий. В настоящее время города пытаются переосмыслить и придать новую ценность отношениям с водой в рамках крупных проектов по городскому обновлению. Создается множество набережных, в частности, в англо-саксонских странах. Другой, более экспериментальный вид проектов, которые развиваются на протяжении последних десяти лет, связан с восстановлением небольших городских рек. Речь идет о реках, исчезнувших в XIX веке, так как они считались небезопасными с гигиенической точки зрения, служили распространению болезней и являлись источником наводнений. Например, на данный момент в Лионе работа с такими реками осуществляется при обновлении городских территорий и призвана служить восстановлению утраченного экологического баланса. Как отмечается в данной статье, посвященной роли воды в городском обновлении, географическое положение Самары, исключительный участок слияния рек Волги и Самары являются активами, которые могут позволить придать новую ценность всему городу в рамках территориального проекта.

Rivers, sea fronts, bays and estuaries have always been considered the best places for living (for commercial, military or religious reasons). Therefore, most of the main cities in the world are built around waterfronts. Nowadays, cities are reevaluating their relations with water and tend to enhance their waterfronts through urban renewal. Many embankments are created, in particular in the US and UK. A more experimental type of projects, which has been developing for the last 10 years, concerns rehabilitation of small urban rivers. We mean the rivers that disappeared in the XIXth century as they were considered to be dangerous from the hygienic point of view since they could accelerate the spread of diseases, and they could cause floods as well. Lyon is a good example of this evolution. Its small rivers are subject to urban and ecological renewal. The article states that Samara, which is situated at the confluence of the Volga River and the Samara River, can benefit from its geographic assets which can increase the value of the whole city within the scope of the project at a territorial scale.

Mots clés: Renaturation, écosystème, inondation, métropole, Lyon, urbanisme

Ключевые слова: восстановление, экосистема, наводнение, город, Лион, урбанизм

Keywords: Restoration, ecosystem, flooding, city, Lyon; urbanism

L'eau: un facteur de localisation, d'organisation spatiale et de développement des villes.

Les villes se singularisent sur le plan géographique par leur situation et par leur site. La situation désigne les conditions générales de l'environnement d'une ville. Le site est le lieu précis où s'est faite l'implantation humaine initiale (Beaujeu-Garnier, 2006). L'eau a fortement influencé la localisation et le développement des villes, tant pour leur situation que pour leur site (Gourlot et al., 2009). Par exemple, les villes du Centre-Est des États-Unis ont été favorisées par leur situation portuaire, à la charnière du continent et de l'océan face à l'Europe occidentale, mais elles ont grandi à partir de sites de fonds d'estuaires (Gottmann, 1961). Dans la même logique: la plupart des métropoles mondiales sont situées à proximité des fleuves et de leurs affluents ou

centre du pouvoir royal, la tour Eiffel dont la construction a été décidée pour l'exposition universelle de 1889...). Les lacs, les baies à l'abri des tempêtes maritimes et même le chevelu hydrographique le plus fin ont également une influence sur la localisation des bâtiments, les procédés constructifs employés ou encore l'évolution spatiale de la trame viaire (Milan, Dublin, Amsterdam, Bruges, etc.). Au 19ème siècle, la révolution industrielle – qui est aussi celle du transport fluvial et maritime – a favorisé l'expansion des villes aux dépens des plaines inondables et des littoraux souvent jugés « hostiles ». Les périphéries étaient alors composées de vastes zones industrielles et portuaires. Des quartiers ouvriers se sont également développés près des docks (par exemple dans la basse ville de Québec au Canada). Les quartiers d'habitations plus bourgeois étaient implantés à l'écart des nuisances

Figure 1: Nouveau quartier «confluence» à Lyon (Maléfant, CNRS, 2016)

bien au bord des rivages lacustres et maritimes pour des raisons commerciales, militaires ou encore religieuses. Les établissements humains les plus importants sont en effet situés à des points stratégiques liés à l'eau. Ainsi les villes d'estuaires (Londres et la Tamise, Bordeaux et la Garonne, etc.) représentent le point extrême de la remontée de la marée (Beaujeu-Garnier, 2006). Dans les vallées intérieures se sont les confluent qui sont privilégiés: Lyon, Samara, Saint-Louis, Belgrade ou Manaus en témoignent.

Les fleuves ont aussi fortement contribué à l'organisation spatiale des villes et dicté les conditions de leur développement. Paris, par exemple, est structurée autour de l'axe de la Seine: ses grands équipements publics sont presque tous sur les berges du fleuve (le Louvre, autrefois

des usines et des ports mais à proximité de l'eau (par exemple en rive gauche de la Saône à Lyon).

Au 19ème siècle puis au 20ème siècle, les pouvoirs publics ont décidé de couvrir les rivières polluées, de remblayer les zones humides pour augmenter les surfaces urbanisables et d'endiguer massivement les grands fleuves afin de se prémunir des inondations. Les ingénieurs avaient pour objectif, en Europe comme en Amérique du Nord, de domestiquer la nature en ville, et en particulier les fleuves. Les eaux urbaines ont disparues du paysage pour être remplacée par des réseaux techniques urbains (eau potable, eau usées, eau pluviale). La mémoire du risque d'inondation s'est aussi estompée.

L'enjeu de la régénération urbaine des fronts d'eau suite au déclin des métropoles industrielles

Depuis les années 1960-1970, les crises successives de l'appareil industriel, la concurrence des pays émergents d'Asie et la transformation des économies occidentales (désormais plus tournées vers les services que l'industrie) ont contribué au déclin des zones industrielles et portuaires. Il en résulte d'immenses « friches ». Les métropoles ont longtemps délaissé ces terrains en friche qui contribuèrent pourtant à leur prospérité. Les injonctions du développement durable au tournant des années 1990 ont incité les villes à se tourner à nouveau vers leurs façades maritimes et fluviales, d'où un lent processus de ré-urbanisation de ces dernières.

La ville durable doit être compacte car l'objectif est d'abord de réduire les émissions de gaz à effet de serre en réduisant les distances à parcourir pour les citoyens entre le domicile et le travail. Le deuxième objectif consiste à limiter la consommation d'espace rural en limitant la périurbanisation dans la mesure où il faut conserver les terres agricoles. Autrement dit, il s'agit de reconstruire la ville sur elle-même, tout en augmentant les densités humaines dans les secteurs où le tissu urbain est lâche et les densités faibles jusqu'à présent. Or les gisements fonciers sont rares et les opportunités de mettre la nature en scène peu fréquentes. Par conséquent, les villes ont transformé les docks et densifié d'anciennes friches industrialo-portuaires dans le but de demeurer attractives. Les pouvoirs locaux confortent le statut de « métropoles » de leurs villes en offrant aux habitants et surtout aux entreprises un cadre de vie qui conjugue les espaces publics, les circulations douces, le végétal et le grand paysage des fleuves, des estuaires ou des baies.

Le marché immobilier facilite la reconversion des parcelles riveraines dédiées jadis à l'industrie, au stockage de matériaux ou, plus récemment, au stationnement automobile. Les villes accompagnent les mutations urbaines que la demande de bureaux et de logements avec « vue sur le fleuve » ont amorcées depuis plus de trente ans. Les investissements consentis sont très lourds. Mais les succès populaires des espaces récemment livrés sont encourageants. De Chicago à Buenos Aires, les waterfront font partie de la boîte à outils de la politique de régénération métropolitaine. Reste que les travaux réalisés jusqu'à présent n'ont pas vraiment été évalués: quelles en sont, au-delà de la mise en scène de l'eau dans la ville, les conséquences écologiques? Comment mettre en œuvre des opérations d'urbanisme qui ne prennent pas la nature seulement pour décor? Les cours d'eau irriguent la ville. Mais les efforts ont surtout porté sur le grand paysage des

fleuves et des façades maritimes. Quid par exemple des rivières disparues lors des aménagements à vocation hygiénistes?

La régénération urbaine des waterfront: un processus ancien et international

Les premiers exemples de reconversion de friches industrialo-portuaires et de restructuration spatiale des waterfront datent des années 1960 aux États-Unis et au Canada (Baltimore, La Nouvelle-Orléans, San Francisco, Montréal). Trente ans plus tard, à la fin des années 1990, Boston a débuté la plus grande opération urbaine qu'ait connue cette métropole au 20ème siècle: le Big Dig (ou Central Artery Tunnel Project). Le but était de simplifier les transports routiers et de réinvestir l'espace public sur les quais. Le projet consistait à enterrer l'autoroute et à créer une continuité de parcs et espaces publics en surface pour relier les quais aux quartiers centraux de la ville. Initialement chiffré à 2 milliards de \$, son coût réel est estimé à 14,6 milliards de dollars ce qui fait du Big Dig un des aménagements le plus coûteux pour les États-Unis d'après le Massachusetts Department of Transportation.

Dans les années 2000, Boston a entrepris un programme de rénovation des parcs et rivières. Ainsi, près de 60 millions de dollars sont dépensés pour la restauration des voies vertes et de la Muddy River. Aujourd'hui une partie du projet de rénovation de l'Emerald Necklace, conçu dès 1870, passe par la restauration (renaturation) de la Muddy River qui doit répondre aux enjeux de la gestion du risque inondation, de l'amélioration de la qualité de l'eau, de la réhabilitation du paysage et du patrimoine historique. Cette restauration conserve les principes édictés par Olmstead au 19ème siècle et renoue les liens de la ville avec les fonctions naturelles de la Muddy River.

À la fin des années 1970, le Royaume-Uni, pays à forte vocation maritime, a amorcé un processus de réaménagement de ses ports (Liverpool, Manchester, Glasgow, Bristol). En Europe, l'entreprise la plus importante et la plus médiatique est l'aménagement des bords de la Tamise à Londres, engagée au début des années 1980, avec la reconquête progressive des docklands (2200 hectares) à l'est de la vieille cité. Le gouvernement Thatcher créé établissement public d'aménagement en 1981, le London Docklands Development Corporation. La ville se dote d'un outil afin de relancer le marché immobilier. La planification n'est pas généralisée à toute la zone et favorise largement l'action privée (Michon, 2001). Le résultat fut un réaménagement rapide du site au profit de l'initiative privée. Une des critiques les plus répétées fut le manque de continuité entre les espaces publics et leur manque d'importance par rapport aux espaces privés. Néanmoins l'opération prévoyait la consolidation des

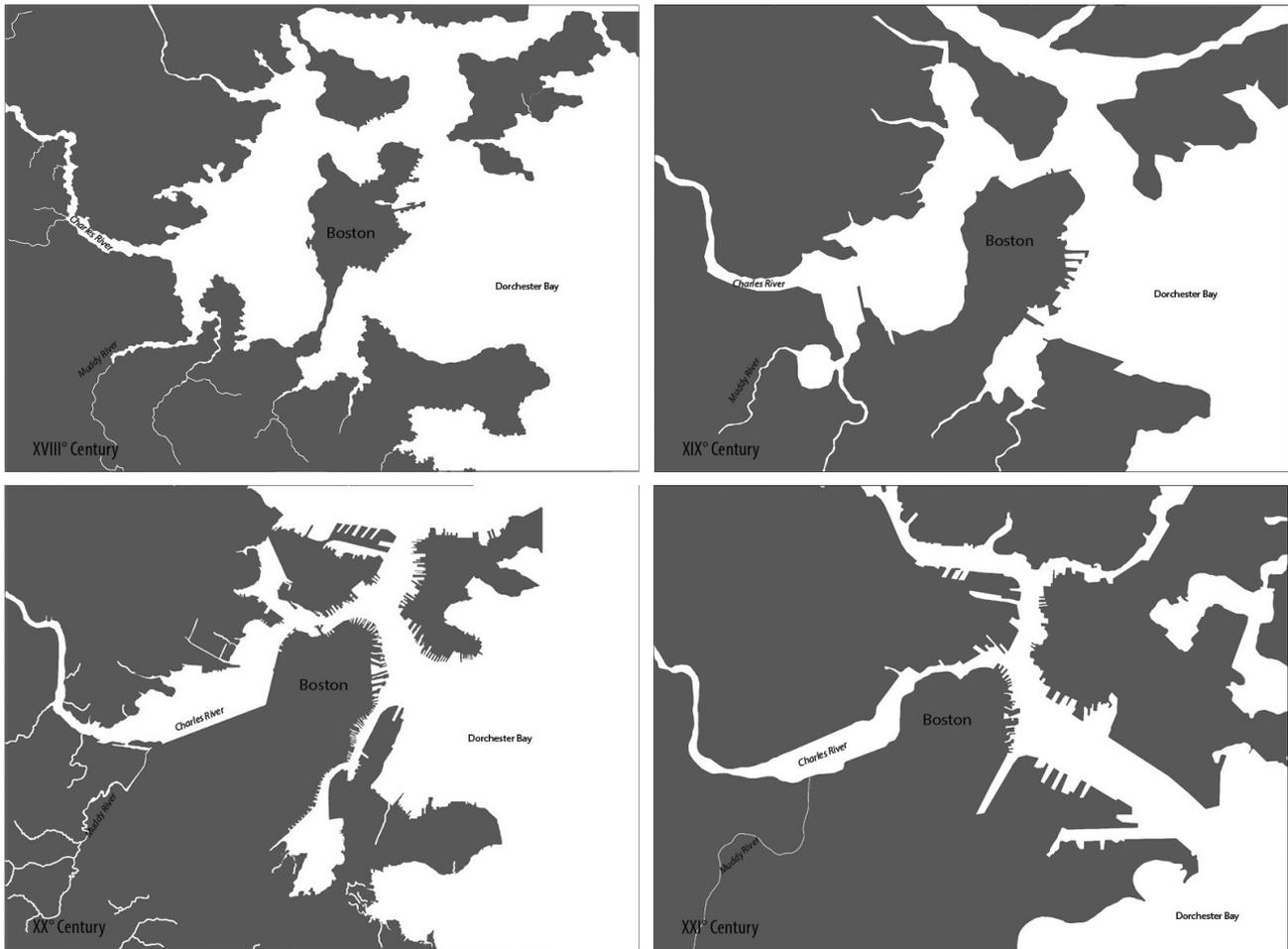

Figure 2 : Évolution du rapport ville-eau à Boston (Maléfant, CNRS, 2016)

berges et la dépollution des bassins adjacents. Dans la même optique la ville de Londres opte aujourd'hui pour des projets ambitieux au profit du retour de la nature en ville. Le London Garden Bridge propose la création un pont végétalisé et entièrement dédié aux cheminements piétons sur 367m de long. Le projet initialement prévu pour 60 millions de pounds est aujourd'hui estimé à 185 millions.

Le cas de l'Espagne mérite également d'être étudié. À Bilbao et à Barcelone, la formation de friches industrielles et portuaires est également liée au déclin ou à la mutation des secteurs d'activités. Cela a provoqué la disparition de nombreux emplois et l'accentuation des phénomènes d'exclusion sociale. Aussi, la reconversion fonctionnelle de ces friches devient le support d'une véritable stratégie de réorientation économique. Il s'agissait alors de saisir « l'opportunité » de la libération de vastes emprises foncières pour relancer la ville dans la compétition interurbaine à l'échelle régionale, nationale et internationale (Rodriguès Malta, 1999). Outre le réaménagement des vides urbains, un ensemble de restructurations de grande ampleur a été entrepris: modernisation des infrastructures de transport, création de zones d'activités modernes pour

attirer les secteurs de pointe, renforcement de l'appareil universitaire, développement d'équipements culturels et de loisir et consolidation des structures d'accueil (hôtel, palais des congrès). Ces projets sont devenus, par les dynamiques qu'ils ont générées et la mobilisation collective qu'ils exercent encore, de véritables moteurs du développement urbain (Rodriguès Malta, 1999).

Les grands événements sportifs et culturels ont souvent eu tendance à accélérer – de façon directe ou indirecte – la reconquête des façades maritimes (à Barcelone pour les jeux olympiques de 1992), des baies (aménagement éphémères de la coupe du monde de football à Rio de Janeiro en 2014), et des îles urbaines (construction de l'île Notre-Dame pour l'exposition de 1967 puis les jeux olympiques de Montréal en 1976). Selon Henry (2005, p.6), « Au-delà de l'évènement sportif international qu'ils représentent, les Jeux olympiques sont aujourd'hui appréhendés comme un véritable catalyseur des mutations urbaines qu'ils provoquent ou accélèrent [...]. Sous couvert des Jeux de 2004, Athènes s'est donc lancée dans un vaste projet urbain : réunification des sites archéologiques dans le centre historique [et le] réaménagement de la baie du Phalère ». En France,

plusieurs métropoles sont parvenues à reconquérir leurs fleuves (Bordeaux ou Rouen par exemples) et leurs façades maritimes (Marseille). Il ne s'agit pas d'exclure l'industrie et les ports de commerce mais plutôt d'accompagner les mutations urbaines en redistribuant ces activités dans des sites jugés plus adaptés.

Cette logique accompagne la prise de conscience environnementale des années 1990 et l'essor des mesures de protection des milieux aquatiques (Contrats de rivière: 1981 et mesures de la Seine propre 1984). Le but n'est plus seulement de rentabiliser waterfront mais de réintégrer la nature dans la ville. L'exemple de la transformation de l'île de Nantes suivant le processus du « plan-guide » a influencé de nombreux projets européens. L'aire métropolitaine de Nantes Saint Nazaire borde l'estuaire de la Loire³. Elle est située sur la façade Atlantique et compte 609 198 habitants (2013). Elle connaît depuis une vingtaine d'années d'importants changements. Des centaines de milliers de m² de logements et de bureaux sortent de terre, en réponse à un fort dynamisme démographique. Le projet de régénération de l'île de Nantes incarne un urbanisme basé sur l'histoire et la géographie du site (Devisme, 2009). La mémoire industrielle et portuaire a trouvé un écho dans le projet urbain puisqu'il s'agissait «à la fois de trouver un moyen, une manière vivante de cultiver la mémoire des activités passées qui ont marqué l'histoire des relations entre le fleuve et la ville, et en même temps de faire en sorte que l'agglomération toute entière développe en son centre géographique le paysage d'une ville ouverte sur le fleuve. » (Chemetoff et Berthomieu, L'île de Nantes, le Plan guide en projet, 1999, éd. Memo).

Le retraitement des paysages et des espaces publics ont forgé la nouvelle identité de l'île de Nantes. Le territoire offre désormais un cadre de vie attractif, avec pour fil directeur la restauration du lien avec le fleuve, clairement exprimée dans le Plan-guide conçu par la paysagiste Alexandre Chemetoff.

La renaturation des rivières disparues: une voie nouvelle à explorer dans le cadre des projets urbains?

Le cas de la métropole de Lyon est particulièrement instructif car cette ville cherche désormais à renaturer des petites rivières urbaines après avoir mis ses fleuves en scène. Depuis l'adoption du Plan Bleu en 1991, le Grand Lyon a en effet réalisé d'importants travaux (Gérardot, 2007 ; Bethemont et Bravard, 2016). La Cité internationale (2006) et le réaménagement des berges du

Rhône (2007) ont amorcé le processus de « reconquête » de la Saône et du Rhône. Ce chantier s'est prolongé avec succès avec la construction de « Lyon Confluence » (Damez et Nouhaud, 2008). Cet éco-quartier compte parmi les réalisations les plus populaires et les plus médiatisées en région lyonnaise (Comby, 2013). D'autres chantiers ont été livrés plus récemment (musée des confluences en 2014) ou le seront prochainement (projet « Rives de Saône »). Ainsi, Lyon valorise l'environnement fluvial en développant une stratégie de renouvellement urbain propre aux friches industrialo-portuaires et aux quais, tour à tour dévolus au commerce et au stockage de matériaux (sables, charbon...), à la circulation et au stationnement automobile, et, désormais, aux sports, aux loisirs et à la culture (Bethemont et Pelletier, 1990 ; Bethemont et Vincent, 1998).

Dès 1987, le géographe Jean Labasse soulignait que « de toutes les fonctions remplies par le fleuve dans la ville, celle qui touche à l'animation sociale est la plus stable à travers les âges, alors que la fonction proprement économique est soumise à des fluctuations assez amples (...). Du coup, les missions utilitaires reculent devant celles qui concernent les loisirs et la convivialité ». Le « fleuve sacrifié » s'est ainsi mué en un « fleuve convoité » sous l'impulsion des nouvelles valeurs que la société accorde au domaine fluvial (Beauchêne, 2007, p. 4). Les chantiers menés jusqu'à présent en ville se limitent cependant aux seuls fronts d'eau et ont principalement pour objet de paysager les berges, comme ce fut par exemple le cas des quais en rive gauche de la Garonne à Bordeaux (2009). C'est en termes d'espaces publics, de continuités urbaines et de « grand paysage » qu'ont raisonné les maîtres d'ouvrages et les différents concepteurs appelés à mettre en valeur l'eau en ville. « La nature de l'urbaniste, ou même des sciences humaines n'est pas celle de l'écologue » résume Bonin (2007). À Lyon, comme dans d'autres métropoles au passé industriel, les efforts consentis jusqu'ici n'ont pas consisté à restaurer les fonctions écologiques et hydrauliques des « fleuves » – et moins encore celles de leurs affluents.

Les nombreux affluents de la Saône et du Rhône ont été canalisés ou enterrés du début du 19ème siècle jusqu'au milieu du 20ème siècle. Les épidémies ont incité les autorités à s'en protéger en drainant certains quartiers en construction dans des zones humides (les Brotteaux par exemple). La vision hygiéniste des pouvoirs publics et les intérêts des aménageurs ont contribué à la disparition

³ Un plan-guide – mode opératoire apparenté au projet urbain – représente une réponse originale permettant d'intégrer le risque inondation lors du renouvellement urbain, sans toutefois remettre fondamentalement en cause les stratégies de développement des collectivités locales (Brun et Adisson, 2010). Il offre un cadre général d'action qui repose sur l'histoire et la géographie du site, mais il relève d'un processus itératif. Il est donc plus « souple » qu'un plan et beaucoup plus ouvert aux habitants et aux enjeux qui se découvrent durant tout le processus d'études et de production. Il ne s'agit pas d'un document d'urbanisme.

des petites rivières, tandis que l'endiguement du Rhône s'est accéléré durant la deuxième moitié du 19ème siècle dans un paysage urbain alors en pleine transformation (Villien, 1937; Pelletier et Delfante, 2004). Au total, les petites rivières urbaines à Lyon n'ont fait l'objet que de restaurations très ponctuelles, à quelques exceptions près comme l'Yzeron à Oullins. Leur statut juridique ou bien encore leur rôle d'égout les rendent en effet peu commodes à aménager (Brun et al., 2014). Reste que leur renaturation peut favoriser des opérations d'aménagement durable à condition toutefois d'aborder « le couple rivière-ville, non pas côte à côte ou bout à bout, mais l'un dans l'autre » (Castonguay et Fougère, 2007, p. 3). C'est-à-dire en étudiant notamment « les modalités d'inscription de la rivière dans les systèmes techniques dont une ville se dote pour répondre aux enjeux sociaux, économiques et écologiques » (Frioux, 2010, p. 188).

Dans le cadre du programme de recherche porté conjointement par le centre national de la recherche scientifique, le bureau d'études Artelia et le Grand Lyon, deux rivières ont fait l'objet de projets de renaturation. Le concept de renaturation ne désigne pas un retour à un état considéré comme « naturel » du cours d'eau – qui suppose a priori la définition d'un état de référence. Il s'agit plutôt d'amorcer un processus de restauration des fonctions naturelles du cours (Adam et al., 2006 cité par Bonnefond et Fournier, 2013). C'est une action volontaire et planifiée, le plus souvent menée sous la maîtrise d'ouvrage d'un organisme public (Brun, 2015). « L'idée qui sous-tend le terme est que les êtres humains peuvent reconstituer des écosystèmes naturels » (Ejderyan, 2009, p. 21). Sont présentés ci-dessous les résultats provisoires relatifs au Ruisseau des Planches.

Le ruisseau des Planches est un affluent de la Saône. Il prend sa source dans les monts d'Or, au nord de Lyon. Il parcourt 11 km et draine un bassin versant de 28 km². Il est d'abord corseté par des murets anti-crue sur 300 mètres avant d'être enterré sous la voirie jusqu'au quai Jaÿr, où il se jette dans la Saône. Son débit, qui pourrait atteindre 65,9 mètres cubes par seconde à l'exutoire (en cas de forte crue), explique son enfouissement dans un secteur déjà exposé aux inondations de la Saône. Mais ce n'est pas tant le risque d'inondation ou la médiocre qualité des eaux du ruisseau que son tracé qui suscite l'intérêt du géographe. Le ruisseau relie le plateau de la Duchère (un secteur d'habitations populaire) à la rive droite de la Saône (bourgeoise). Il agrafe aussi les secteurs industriels et d'habitation respectivement localisés à l'ouest et à l'est d'une voie de chemin de fer qui fracture le quartier en deux parties distinctes depuis 1854. Les acteurs locaux interrogés lors du diagnostic territorial ont identifié l'aménagement du ruisseau comme un

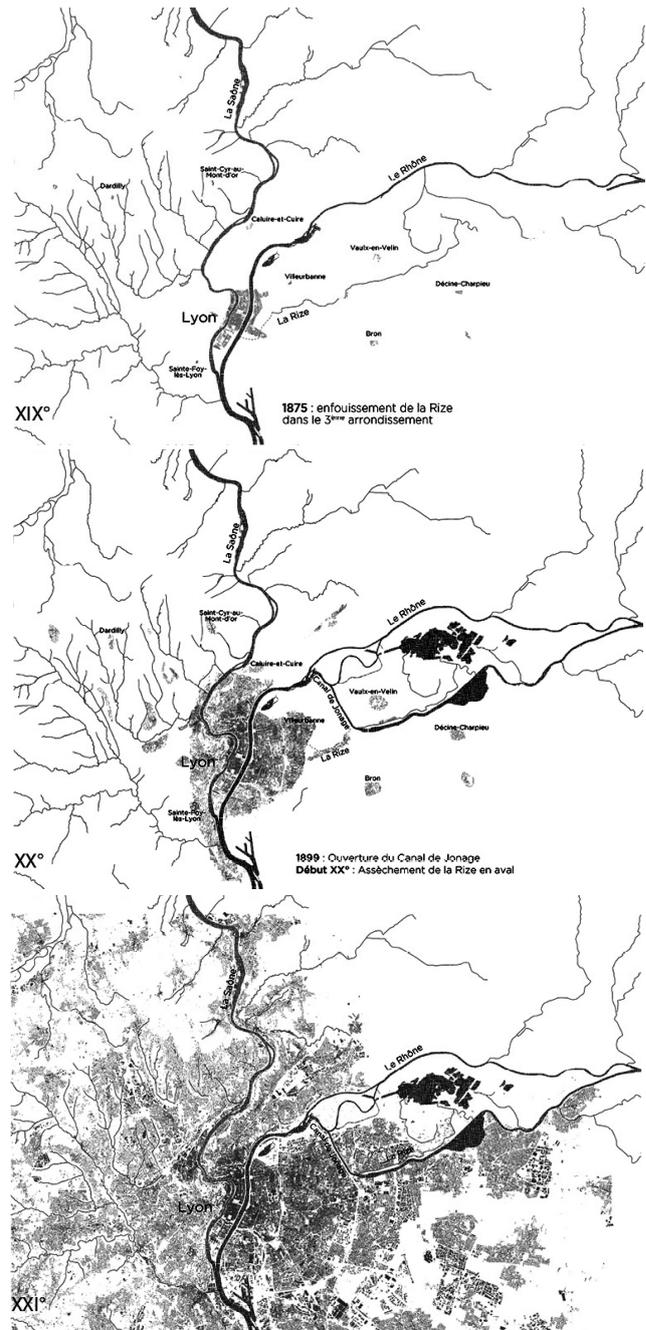

Figure 3 : Évolution de l'occupation des sols à Lyon (Rivatton, Maléfant, CNRS, 2015)

moyen de créer une liaison urbaine doublée d'une continuité écologique entre le plateau boisé et les rives de la Saône. La renaturation du ruisseau ouvre, de surcroît, des perspectives aux aménageurs car plusieurs parcelles riveraines pourraient devenir constructibles alors qu'à moyen terme les disponibilités foncières se raréfient à Lyon. La métropole de Lyon réfléchit au devenir de l'îlot « Maurin » (2,5 hectares), du nom d'une usine encore implantée dans le quartier et sous laquelle le ruisseau des Planches coule sur 170 mètres dans une canalisation.

Le projet conjugue trois principes d'aménagement. Premièrement, développer une programmation en

Figure 4: Carte de localisation des deux projets de renaturation de rivière à Lyon (Garcias, Brun, Maléfant, CNRS, 2016)

adéquation avec l'histoire industrielle et commerciale de Lyon. Par exemple, les concessionnaires automobile localisés dans le périmètre d'étude intégreront les rez-de-chaussée des nouveaux bâtiments. Ensuite, renaturer le ruisseau sur 630 mètres afin de relier, grâce à des circulations douces, les espaces verts de l'amont et de

l'aval. Les travaux portent sur la démolition des murets anti-crues, le retalutage des berges et leur végétalisation, ainsi que la déminéralisation des terrains alentours. Enfin, réduire la vulnérabilité au risque d'inondation des futures constructions en les plaçant à l'écart du cours d'eau. Une fois libérés de la plupart des constructions existantes (démolies), les terrains seraient remodelés en « paliers » suivant la logique d'aménagement imaginée à Vitry-sur-Seine en amont de Paris (Brun et Adisson, 2011). Les abords du ruisseau seraient plantés (palier bas, inondations fréquentes), les ouvrages inondables seraient situés sur un palier intermédiaire (inondations rares) et les nouveaux bâtiments seraient implantés hors d'eau en périphérie du site. Ainsi localisés, les bâtiments accentueraient l'ambiance urbaine côté rue et isoleraient le parc des nuisances sonores.

Le programme comprend la construction de 40 000 m² de logements, 20 000 m² de bureaux, 5 000 m² de locaux d'activités, la création d'un parc arboré inondable de deux hectares ainsi que la renaturation du ruisseau. Le coût de l'opération oscille entre 80 et 120 millions d'euros selon les variantes. Les coûts de renaturation cumulés représentent moins de 5 % du montant des travaux. Les aménageurs peuvent les internaliser sans les répercuter sur l'acheteur final, grâce à des subventions

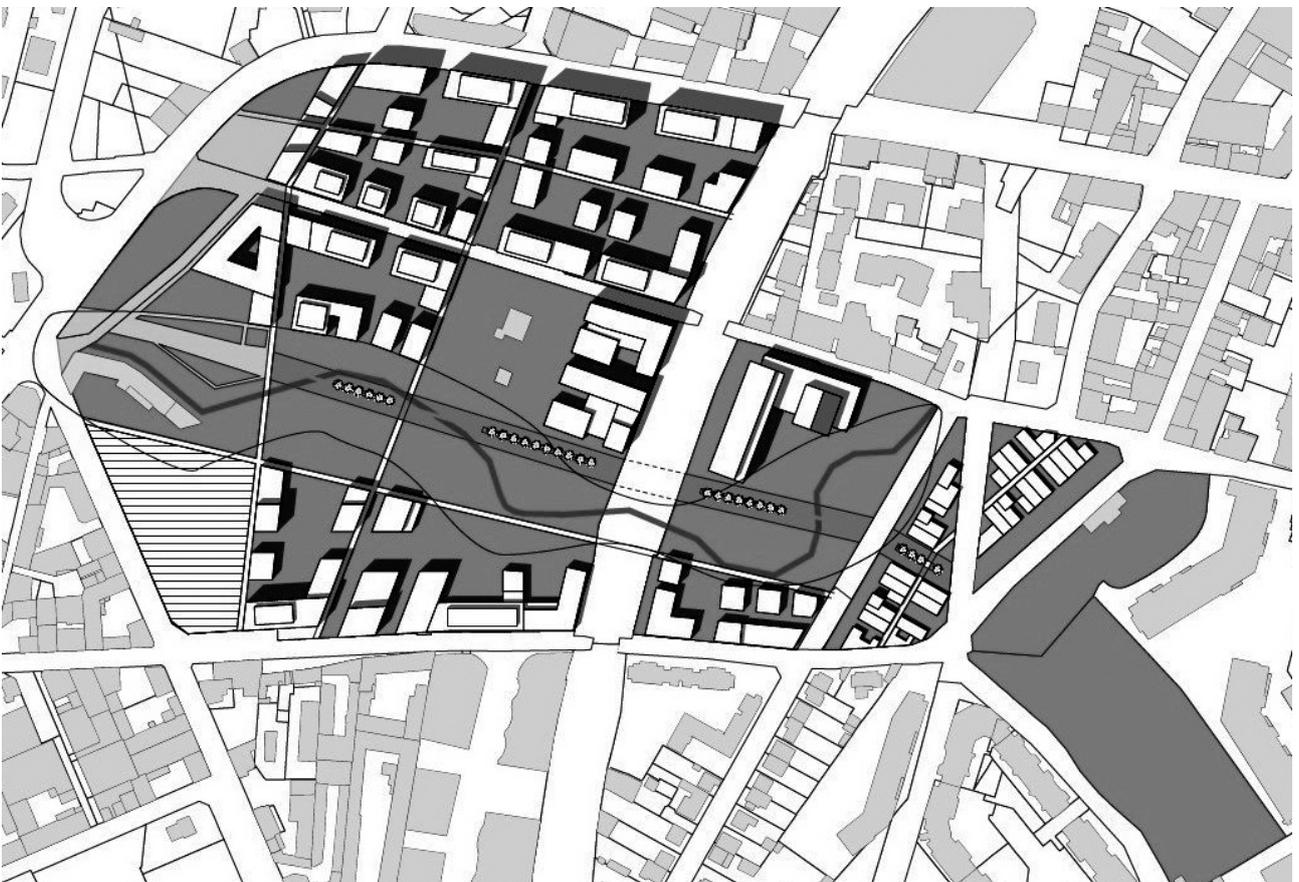

Figure 5: Plan de masse du projet du Ruisseau des Planches à Lyon (Garcias, Brun, Maléfant, CNRS, 2015)

susceptibles d'être accordées par l'agence de l'eau à un chantier expérimental de ce type au titre de son dixième programme. Eu égard à la valeur immobilière des biens atteints au cours des dix dernières années à Vaise, l'opération peut être équilibrée tout en contribuant à améliorer la qualité environnementale du quartier.

Conclusion

Comme le résume l'architecte-urbaniste Philippe Panerai au sujet du Grand Paris, « le fil de l'eau [...] est un moyen de requalifier de vastes territoires tout en mettant au point des techniques et des connaissances qui répondent aux défis de demain » (2008, p.93). La reconquête écologique des petites rivières urbaines peut en effet donner un peu d'épaisseur au concept souvent creux de « ville durable ». Une telle démarche toutefois doit s'inscrire dans un « plan-guide » comparable à celui de l'île de Nantes, de façon à ce que le plan ne l'emporte pas sur le projet. Samara constitue, par son site et sa situation, un formidable laboratoire d'expérimentations urbaines pour élaborer et faire vivre un « plan-guide » tourné vers l'eau et le grand paysage.

BIBLIOGRAPHIE

1. Adam P., Malavoi J.-R., Debiais N., 2006, Retour d'expérience d'opérations de restauration de cours d'eau et de leurs annexes, menées sur le bassin RMC, Rapport et Annexes, Agence de l'eau Rhône Méditerranée et Corse, 133 p.
2. Beauchêne S., 2007, Les fleuves dans le processus de métropolisation de l'agglomération lyonnaise, ministère de la Culture et de la Communication, direction de l'Architecture et du Patrimoine, Maison du Fleuve, 31p.
3. Beaujeu-Garnier J., 2006, Géographie urbaine, 4ème édition, Armand Colin, collection « Géographie », paris, 349p.
4. Bethemont J., Bravard J.-P., 2016, Pour saluer le Rhône, Libel, Lyon, 400p.
5. Bethemont J., Pelletier J., 1990, « Lyon et ses fleuves : des berges perdues aux quais retrouvés », Revue de Géographie de Lyon, Vol. 65/4, 300-307.
6. Bethemont J., Vincent A., 1998, « La revitalisation des fronts d'eau urbains dans la vallée du Rhône », Revue de Géographie de Lyon, Vol. 73/4, 331-335.
7. Bonin S., 2007, « Fleuves en ville : enjeux écologiques et projets urbains », Strates [En ligne], 13 | 2007, mis en ligne le 22 octobre 2008. URL : <http://strates.revues.org/5963>
8. Bonnefond M., Fournier M., 2013, « Maîtrise foncière dans les espaces ruraux. Un défi pour les projets de renaturation des cours d'eau », Économie rurale, 334, 55-68.
9. Brun A., 2015, « The restoration of urban rivers : the example of Saint-Charles River in Quebec » in Quentin Grafton R., B. Ward M., Daniell K., Nauges C., Rinaudo J.-D.,

Wah Chan W., Understanding and Managing Urban Water in Transition, Springer, 527-548.

10. Brun A., Adisson F., 2010, « Renouvellement urbain et risque inondation » (le plan-guide «Seine Ardoines»), Cybergeog : European Journal of Geography [En ligne], Aménagement, Urbanisme, 2011, document 561, mis en ligne le 29 octobre 2011.

11. Castonguay S., Fougère D., 2007, « Les rapports riverains de la ville : Sherbrooke et ses usages des rivières Magog et Saint-François, XIXe-XXe siècles », Revue d'histoire urbaine, vol. XXXVI, n°1, 3-15.

12. Chemetoff A., Berthomieu J.-L., 1999, L'île de Nantes, le Plan guide en projet, Memo, Nantes, 95p.

13. Comby E., 2013, « Les discours de presse sur les reconquêtes du Rhône lyonnais (Le Progrès, 2003-2010) », Géocarrefour, Vol. 88/1, 31-43.

14. Devisme L. (Sous la direction de), 2009, Nantes. Petite et grande fabrique urbaine, Marseille, collection « La ville en train de se faire », Ed.Parenthèses, 272p.

15. Ejderyan O., 2009, Une renaturation en béton. Comprendre la participation et la nature dans les renaturations de cours d'eau suisses au regard d'une théorie de la pratique, Schiftenreihe Humangeographie, Zürich, 303p.

16. Frioux S., 2010, « Fléau, ressource, exutoire : visions et usages des rivières urbaines (XVIIIe-XXIe s.) », Géocarrefour, Vol. 85/3, 188-192.

17. Gérardot C., 2007, Fleuves et action urbaine : de l'objet à l'argument géographique. Le Rhône et la Saône à Lyon, retour sur près de trente ans de « reconquête » des fronts d'eau urbains, Thèse de géographie et aménagement, Université Lyon 2.

18. Goulot N., Grissot C., Papin J., Puthod S., 2009, L'eau en ville : approche environnementale, ouverture territoriale et gestion durable, Institut d'Urbanisme de Paris, working paper, 19p.

19. Gottmann J., Megalopolis. The Urbanized seaboard of Northeastern of United States, Cambridge (Mass.), MIT Press, 1968.

20. Jégouzo Y., 2008 « L'évolution des instruments du droit de l'environnement », Pouvoirs (n°127) p.23-33

21. Labasse J., 1987, « Réflexion d'un géographe sur le couple ville-fleuve », La ville et le fleuve, colloque tenu dans le cadre du 112e Congrès national des Sociétés savantes, Lyon, 21-25 avril 1987

22. Michon, P., 2001 « L'espace public des Docklands : quand le privé fait la ville » Géocarrefour, 76, pp.31-38.

23. Panerai P., 2008, Paris métropole. Formes et échelles du Grand Paris, éditions de La Villette, Paris, 246p.

24. Pelletier J., Delfante C., 2004, Atlas historique du Grand Lyon. Formes urbaines et paysages au fil du temps, éditions Xavier Lejeune-Libris, Paris, 223p.

25. Rodrigues-Malta R., 1999, « Villes d'Espagne en régénération urbaine. Les exemples de Barcelone, Bilbao et Madrid », Annales de Géographie, t. 108, n°608, pp.397-419.

Для ссылок: Брюн А., Малёфан Л. Роль воды в регенерации городов: вызовы и перспективы на примере нескольких крупных градостроительных проектов // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С.46-53. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.5

For references: Brun A., Maléfant L. L'eau dans la régénération urbaine: enjeux et perspectives autour de quelques grands projets métropolitains. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 46-53. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.5

Грязнова Г. Г., Грязнова А. В.

Уральский государственный архитектурно-художественный университет

Gryaznova Galina, Gryaznova Anna

Ural State University of Architecture and Art

СИМБИОЗ ИСКУССТВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВИДЕОЭКОЛОГИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ THE SYMBIOSIS OF ART IN SHAPING THE VISUAL ECOLOGY OF URBAN ENVIRONMENT

Целью работы является выявление новых структурных элементов и определение значимости современного искусства в формировании городской среды. Город – это искусственное, технически насыщенное пространство, оказывающее мощное информационное воздействие на человека. Городская пространственная среда имеет полифункциональную и многообъектную структуру. Соединение различных видов современного искусства является одним из важнейших и перспективных направлений улучшения качества пространственной структуры города, наряду с развитием инженерной инфраструктуры, увеличением качества и количества жилья, расширением рекреационных пространств и спектра обслуживающих функций.

The article reveals new structural elements and determines the role of contemporary art in the formation of urban environment. The city is an artificial and technically rich space having a powerful informational impact on humans. Urban spatial environment has a polyfunctional structure. The blend of various types of contemporary art is one of the most important and promising areas of studies that can lead to improving the quality of the spatial structure of the city, developing engineering infrastructure, increasing the quality and quantity of housing, expanding recreational spaces and the range of service functions.

Ключевые слова: город, пространство, искусство, полифункциональность, видеоэкология

Keywords: City, space, art, polyfunctionality, visual ecology

Городская объемно-пространственная среда должна иметь свою индивидуальность, исторический и национальный колорит, соответствовать требованиям видеоэкологии и структурировать в себе элементы ландшафтной архитектуры, дизайна и колористического комфорта.

Объекты массовой застройки, не отличающиеся разнообразием форм и исторической значимостью, порой угнетают местных жителей своим визуальным однообразием и не производят впечатления на туристов. Архитекторы Европы, Азии и Южной Америки создают цветные районы и кварталы (рис.1, 2).

Городская пространственная среда имеет полифункциональную и многообъектную структуру. Люди в своей повседневной жизни вступают в психоэмоциональное взаимодействие с природными, антропогенными и техногенными элементами среды обитания.

Особенно значимым становится создание своеобразного, запоминающегося образа зданий, сооружений, малых архитектурных форм. В Сан-Франциско есть необычный дом, из которого вот уже несколько лет «падает» мебель. Автор этого проекта дизайнер и художник Брайан Гоггин (Brian Goggin). Около тридцати различных предметов мебели

Рис. 1. Инновационный жилой комплекс "Reversible-Destiny Lofts" (Япония)

Рис. 2. Раменское (Россия)

Рис. 3. Дом с падающей мебелью

Рис. 4. «Прищепка» – садово-парковая скульптура

закреплено на нем таким образом, что создается иллюзия, будто они сбегают по его стенам вниз. Этот удивительный дом существует с 1997 г. (рис. 3).

Необычный пример садово-парковой скульптуры (рис. 4) – работа турецкого художника Мехмета Али Уйсала для фестиваля пяти сезонов, который проходил в одном из бельгийских парков. Скульптура должна напоминать людям, какую власть современное человечество имеет над природой и предостеречь их от злоупотребления этой властью (рис. 4).

Современный город – это искусственное, технически насыщенное пространство, оказывающее мощное информационное воздействие на человека. Технический прогресс, высокий уровень информатизации не сопровождается духовным совершенствованием населения. Ослабевают социальные связи. Виртуальная реальность замещает события реальной жизни. Человек уязвим и беззащитен

перед Интернетом. Он делает возможным не только общение между представителями разных возрастных и социальных групп и культур, но и открывает канал хамству, духовному насилию. Возникает отчуждение человека, чувство одиночества в обществе. Своеобразие урбанистической картины мира отражается во многих проблемах повседневной жизни.

Развиваются новые и своеобразно интерпретируются виды искусства. Работы уличного искусства также разнообразят пространственную среду, призывают обращать внимание на детали, учат видеть смешное и грустное в привычных предметах. Наблюдается дистанцирование творческих позиций уличных художников от примитивного граффити как проявления хулиганства и вандализма. Две из ряда лучших работ уличного Art'a 2010 г. по мнению Streetartutopia.com. Автор: Бэнкси, Великобритания (рис. 5, 6).

Рис. 5. «Лицо»

Рис. 6. «Дом»

Рис. 7. «Всадник»

Рис. 8. Картины на рисовых полях. Япония

Рис. 9. Дом кузнеца Кириллова. деревня Кунара. Свердловская область

Интересно отметить то, как жители сельской местности проявляют свой творческий потенциал. Начиная с 1993 г. жители села Инакадате превращают территории сельскохозяйственного производства в огромные изображения на рисовых полях. «Картины» должны быть тщательно спланированы до начала посадки и выращивания риса (рис. 7, 8).

В 1999 г. по итогам всероссийского конкурса самодеятельного зодчества дом кузнеца Сергея Ивановича Кириллова из деревни Кунара Свердловской области был признан лучшим в России (рис. 9). Строительство дома, декорирование фасадов, комбинирование элементов стало делом всей жизни автора и заняло около 50 лет. Можно критиковать стиль и загруженность композиции, но дом бесспорно создает светлый, жизнеутверждающий образ. Можно отметить, что творчество, самореализация индивидуальности становится важным компонентом повседневной жизни человека.

Выводы.

1. Основная цель данной работы – определение архитектурно-планировочных аспектов городской повседневности в рамках современной урбанистической картины мира.

2. Выявление тенденций объемно-пространственного структурирования городской среды.

3. Определение возможностей современного искусства в создании гармоничного городского пространства.

4. Утверждение необходимости творческой реализации личности как составляющий компонент оптимальной жизнедеятельности человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахмедова, Е.А. В.А. Шабанов Городская среда: Проблемы реконструкции / Куйбышев, кн. изд-во, 1989. 112 с.
2. Беляева Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия / М. : Стройиздат, 1977. 127 с.
3. Блинов В.А. В.А. Колясников, Ф.Т. Мартынов Градостроительная экология: понятия, принципы, критерии // Изв. вузов. Стр-во. 1994. №11. С. 134-142.
4. Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. / М. : Стройиздат, 1984. 256 с.
5. Демек, Я. Теория систем и изучения ландшафта / М.: Прогресс, 1977. 223 с.
6. Касьянов В.Ф. Реконструкция жилой застройки: уч.пос. для вузов -М: Изд.АСВ, 2005. 224 с.
7. Куракова Л.И. Антропогенные ландшафты / М.: Изд-во МГУ, 1976. 216 с.
8. Реставрация памятников архитектуры: Учеб.пособие для вузов/ С.С. Подъяпольский, Г.Б. Бессонов, Л.А. Беляев, Т.М. Постников; под общ. ред. С.С. Подъяпольского. М.: Стройиздат, 1988 - 264 с.
9. Шепелев Н.П., Шумилов М.С. Реконструкция городской застройки: учеб. для строит. спец. вузов. М: Высш. шк. 2000 271 с.
10. Эллюль Ж. Другая революция / пер. с фр. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 147-152.

Для ссылок: Грязнова Г.Г., Грязнова А.В. Симбиоз искусств в процессе формирования видеозекологии городской среды // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 54-56. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.6

For references: Gryaznova G., Gryaznova A. The symbiosis of art in shaping the visual ecology of urban environment. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 54-56. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.6

3

57-76

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД
THE CITY & PEOPLE

Бурлина Е. Я.

Самарский государственный медицинский университет

Burlina Elena

Samara State Medical University

ФИЛОСОФСКИЕ ВАРИАЦИИ О ГОРОДЕ

(«Сохранение наследия и развитие городов», Самара, 30.09-01.10.2016)

PHILOSOPHICAL VARIATIONS OF THE CITY

(«Preservation of Heritage and Development of the Cities», Samara, 30.09-01.10.2016)

Статья посвящена взаимодействию практик города и философских подходов. Автор ссылается на философские школы великих городов прошлого, отвечавших на запросы времени и горожан; на смысловую роль городских сцен в художественных жанрах. Современные городские практики также тяготеют к философствованию, а выдающиеся философы замыкают на городе трансдисциплинарные концепции.

The article is focused on the interaction between urban practices and philosophical approaches. The author refers to the philosophical schools of the great cities of the past dealing with the topical issues and the demands of citizens. The symbolic role of the city in cultural genres is also represented in the article. Special emphasis is laid upon modern urban practices which are turning towards philosophy and transdisciplinarity.

Ключевые слова: город, философия, трансдисциплинарность и практики

Keywords: city, philosophy, transdisciplinary approach and urban practices

В кругу традиционных философских проблем «город» занимает маргинальное положение. С одной стороны, вечная тема города порождает бытийные метафоры: город как джунгли и святой град, город как базар, машина, театр. В пространстве и времени города (напоминающего то сцену, то системность мотора или рыночный практицизм) живут и действуют люди, нуждающиеся в определении миссии своего города. Вспомним, что самые значительные философские школы рождались в городах: будь то Афины времен Сократа; Флоренция эпохи Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола; Кёнигсберг Иммануила Канта; Гейдельберг середины XX в., выдвинувший на европейскую авансцену Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса. Назовем Санкт-Петербург, где в настоящее время проводят влиятельные для горожан и гостей города «Дни петербургской философии». Городское действие проходит не только в университетских аудиториях, но на площадях и набережной Невы [1].

С другой стороны, «город» как бы не дотягивает до философии, оставаясь на уровне ЖКХ, пробок на дорогах и вечных претензий горожан. Трубами, налогами и уборкой занимаются практики: специалисты по уборке мусора, энергетики и экономисты. Однако любая мэрия мира тяготеет к философии, поскольку жалуется на дефицит активных людей, способных сформулировать четкие программы, консолидирующие аргументы

и идеи. Так в городской жизни возникает необходимость в философствовании: о целях города, стратегиях и кадрах, способных воплощать городскую миссию. Внутри города рождается запрос на создание концепции истории и будущего, в которой образ города привлекателен и неповторим, а постепенно сменяющиеся действующие лица передают свой опыт от поколения к поколению [2].

Приведем слова известного методолога В. С. Вахштайна о том, что «метафоры «город как машина» или «город как сцена» могут конституировать отношения тождества и различия — быть или не быть конституэнтами устойчивого ядра отношений, делающих данный конкретный город данным конкретным городом. Поэтому да, города в прямом смысле слова состоят из метафор, концептов и образов в той же степени, что из людей, автомобилей и труб ЖКХ, поскольку все эти элементы — суть объекты сетевого (лейбницевого) пространства» [3, с. 17].

Бытийная трактовка города имеет богатые концептуальные традиции не только в философии, но и в классическом романе, в театре, в живописи. Можно вспомнить об интерпретации Петербурга в трудах по семиотике и культурологии Ю. М. Лотмана; сослаться на образы места-времени в постановке великих режиссеров и театральных художников: Г.А. Товстоногова и С. М. Бархина, Ю. П. Любимова и Д. Л. Боровского. Образы

Парижа и Кенигсберга у М. К. Мамардашвили играют принципиальную, концептуальную роль (о чем пойдет речь ниже). Также можно привести в пример множество художественных жанров, в которых писатель создает (воссоздает, выбирает) специальные городские мизансцены для разъяснения душевного состояния своих героев.

Сошлемся, к примеру, на «Сагу о Форсайтах» Джона Голсуорси и выбранную писателем географию престижных мест лондонской «городской сцены»: респектабельные особняки в центре, на Парк-Лейн и на Монпелье-сквер, аристократический пригород Ричмонд. Клан Форсайтов никогда не продает собственность, но только повышает ее цену. Специально созданное пространство-время города (хронотопия) позволяла и позволяет романистам, театральным режиссерам или живописцам прояснить философию своих героев.

Городские мизансцены с философским подтекстом занимают огромное место в культуре эпохи модерна. Как тонко заметила Ханна Арентс о Вальтере Беньямине: «мы вряд ли пойдем, почему ключевой фигурой им написаного стал фланер» [4]. Без семантических полей города непонятен фланер — интеллект, фланер — городской житель, влиятельная фигура в европейской культуре и философии Европы начала XX в. [5, с. 413]. В обличье фланера выходит интеллигенция, объясняет Вальтер Беньямин [6, с. 155]. Сам он, конечно, и был таким трагически погибшим фланером-интеллигентом, созерцающим, например, «городскую сцену» Берлина или Москвы. В последней его как раз привлек такой важный аспект жизни города, как театр [7, с. 253-255].

Для российских гуманитариев начала XX в. — философов, писателей, живописцев Серебряного века — также необыкновенно притягателен феномен города. Это породило распространенные философские метафоры, связывающие обыденные практики с бытием культуры: «дух города», «душа и тело города», «город как сцена».

В XXI в. данные метафоры становятся дисциплинарными понятиями. Теперь «город как сцена» — это популярная практика вынесения на улицы культурных объектов (памятники, исторические таблицы, реклама, шествия, представления). Подобное уличное действие сопровождает повседневное бытие людей и формирует идентификацию горожан. Справедливо полагая, что городская сцена должна быть привлекательной для разных горожан, любая мэрия мира поддерживает разных

художников и разные театры. Социогуманитарные науки стремятся изучить вкусы лидеров и аутсайдеров «уличной сцены».

Сошлемся, например, на разброс отношения жителей к авангарду и китчу в открытых городских пространствах. Авангардные конструкции на улицах города еще недавно шокировали европейцев, но сегодня повсеместно приняты во многих городах: как например, скульптуры Ники де Сен-Фалль в центре Цюриха или Ганновера. Успешность этих практик порождает исследовательские вопросы: кто и как продвигал авангардные объекты на городскую сцену? Каким образом удалось убедить горожан, что пестрые куклы Н. де Сент-Фалль — неповторимый и прогрессивный знак Ганновера? Подобные идентификационные вопросы касаются и наблюдаемой повсеместно «китчевости». Например, пейзажи Парижа, Берлина или Москвы, в прямом смысле выставленные на асфальте и проникшие на кухни для украшения холодильников. Традиционный жанр изобразительного искусства «захвачен» массовой культурой. Соперничество авангарда и китча на улицах города репрезентирует разные городские сообщества.

Любопытно, что философские идеи о взаимоотношениях города и театра становятся предметом живых дискуссий практиков и теоретиков. Например, круглый стол под названием «Город как сцена» был включен в программу всероссийского театрального фестиваля «ПоМОСТ» — 2015 в Новокуйбышевске. Оказалось, что художественная элита разных российских городов живо и бурно интерпретирует «дух» и «миссию» своего города: маленького Глазова и столичной Казани; театральной Самары и индустриального Ижевска.

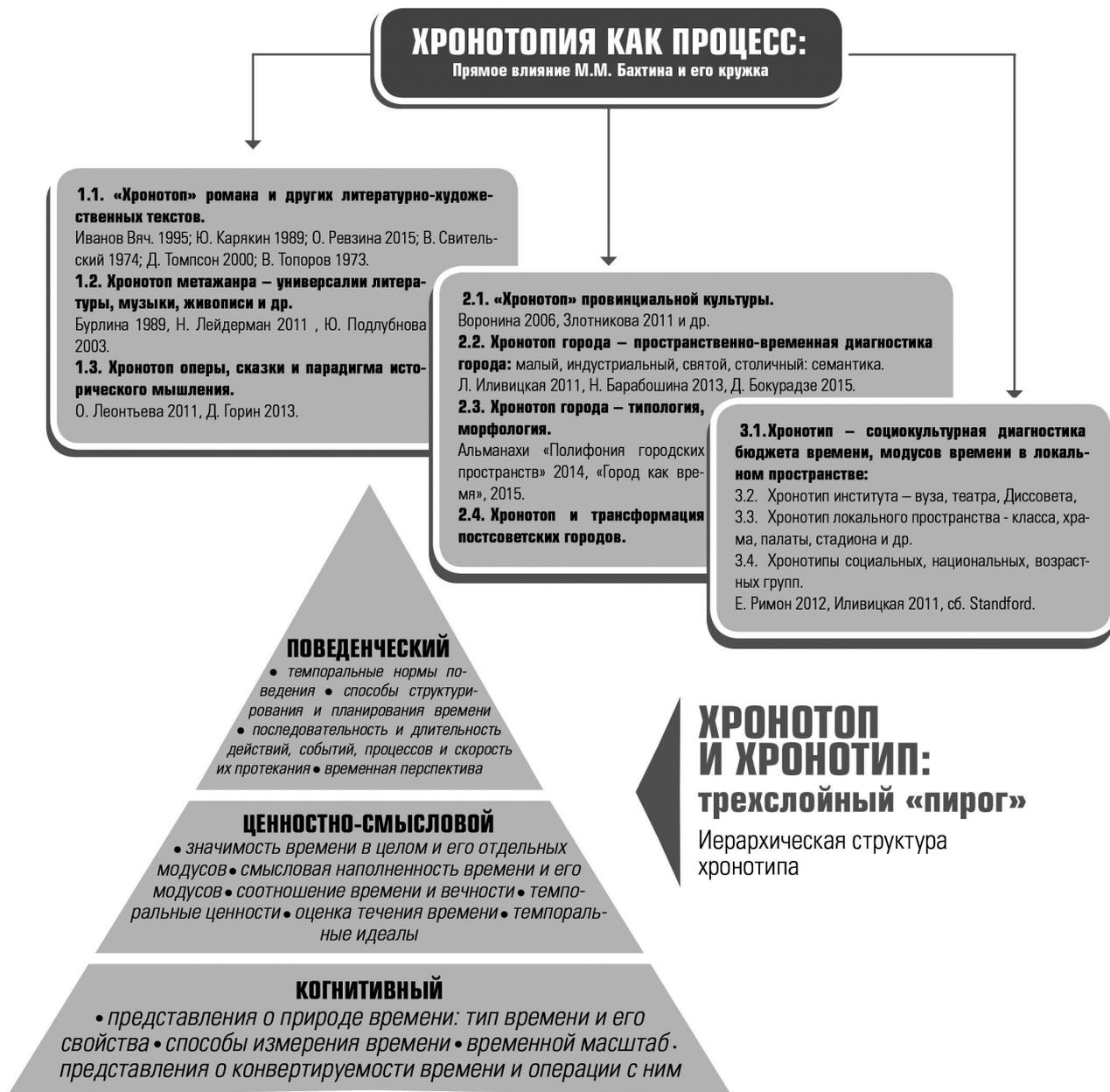
Прочитаем некоторые идеи практиков, звучащие как философские обобщения о миссии своего города. Например: Казань сегодня доверяет мировым оперным премьерам, подтверждающим статус «третьей столицы»; режиссеры Ижевска утверждают, что современную «индустриальную деревню» нужно воспитывать долго, начав с добрых спектаклей для юной публики; Самарская журналистка говорит о купеческой ментальности своего города и развенчивает «миф о его театральности»; опытный завлит из Саратова начинает со справки об экономической депрессивности города, в котором все же проходит уникальный фестиваль имени Олега Янковского; в малом индустриальном Новокуйбышевске горожан привлекают элитарной афишей с именами Ж.-П. Сартра и

Г. Ибсена, что является результатом 40-летней работы уникальных режиссеров и актеров города [8]. В этой же среде театральных практиков живет вера в духовность малых городов: «Малые города нередко порождали идеи, завоевавшие мир. Взять хотя бы Назарет или Ясную Поляну» [8, с. 6]. В малом городе Новокуйбышевске возникла трактовка театра «как грани города». Это – достойная философская идея.

Еще одно любопытное проявление запросов на определение «миссии города» – философские формулы в медийных источниках. Например, популярный российский интернет-журнал «Urbanurban» заявляет о себе следующим образом: «мы рассказываем о новых героях, инициати-

вах и удачных проектах, чтобы объединить наших читателей в сообщество равнодушных городских жителей и вместе придумывать новые способы менять пространство городов к лучшему» [9]. Сходные слоганы, пропагандирующие глобализм, универсальность урбанистических практик, важны и для других массовых изданий (например, о Москве: «Большой город», «Афиша», «Where Moscow» и др.). Философские обертоны слышны в региональных интернет-изданиях, например, в Самаре – «Большая деревня» (bigvill.ru) и «Другой город» (drugoigorod.ru). В подобных изданиях обыкновенно сочетаются обзоры достопримечательностей, бизнес-жизни города, спортивных и иных событий с экскурсами в архитектуру,

историю родного города вкуче с размышлениями о его развитии в настоящем и будущем.

Приведенные выше направления гуманитаристики, связывающие город и философию (философские школы в великих городах, философия города в художественных жанрах, новые символы городов, формирующие особую идентификацию горожан) содержат важные аргументы о трансдисциплинарности рассматриваемого феномена. Город погружен в повседневность, которая постоянно выдвигает запрос на обобщения – философские, философско-исторические и художественные. Определение феноменологии данного города и его непохожести на другие города востребовано не только в «Studia Humanitatis»,

но также в мэриях, на Круглых столах театральных фестивалей, в массовых журналах и художественных мастерских, выносящих на улицы памятники.

Теперь обратимся к «городским вариациям» как трансдисциплинарному методу собственно в философии. Так, в текстах М. К. Мамардашвили нередко присутствуют ссылки на город, не укладывающиеся ни в какие дисциплинарные рамки. Они поучительны и недостаточно востребованы. Именно его «Кантианские вариации» наталкивают на идею трансдисциплинарных понятий урбанистики.

Лекции Мамардашвили о Прусте «завязаны» на бальзаковском Париже. «Растиньяк смотрит с холма на расстилающийся перед ним Париж и

произносит следующую фразу: *Maintenant entre nous*. Если переводить буквально, она будет звучать так: а теперь между нами. И я, и ты – Париж – поставлены на карту, и посмотрим, что будет. Один на один!» [10, с. 14]. Из вызова городу как определенному символу (цивилизации, этики успеха, джунглей) следует развертывание концепции европейского индивидуализма, немыслимого без городской сцены европейского буржуазного мегаполиса. Подобная «инсценировка» типична для классического европейского романа или театральной режиссуры.

Рассмотрим другое сочинение, которое мы фактически цитируем в своем заголовке. «Кантовские вариации» Мамардашвили также начинаются с города. Идет описание прогулки молодого философа Канта по Кёнигсбергу, а кончается опознанием «усилий во времени», интерпретацией кантовских способов мышления и аргументации, соответствующих «месту и времени». Мамардашвили связывает в единую ткань: город, внешность молодого человека, эпоху, мышление, этику и послания будущему. Приведем несколько цитат: «Обыватели Кёнигсберга, видя Канта проходящим по улице, называли его «красавчик-магистр» или «магистр-красавчик»... Карамзин, который путешествовал по Европе и заехал в Кенигсберг, а путешественники того времени считали себя обязанными знакомиться с джентльменами тех городов, которые они проезжали, был покорен очарованием вежливого, воспитанного, обаятельного существа... Кант для меня — это элемент духовной жизни космополитической Европы, в которой только на волне Возрождения возникает цивилизованный светский слой, тоненький, и Кант чувствует принадлежность к этому тоненькому цивилизованному слою. Отсюда и абсолютная обязанность просвещать юношество, давать образование тем, кто его хочет и кто с толком для благого дела может им воспользоваться» [11, с. 15]. От городской сцены — к этике и цивилизационным формам-приставкам к человеку: «проблема не в том, чтобы хорошо устроить жизнь, — должна быть форма, такая, чтобы не содержала в себе оснований зла и несчастья». Из этических позиций Просвещения следует мощный философский жест, обращенный к современности: «Люди прекрасно понимают — чтобы на земле что-то выросло, нужен культурный слой почвы, нужно создавать его сантиметр за сантиметром, довольно долго» [11, с. 93]. Цепь размышлений такова, что его не

уложить в структурное членение философии, у Мамардашвили нет границ между философией и другими гуманитарными дисциплинами [12].

Итак, теоретики и практики обращаются к «городу» для опознания (сочинения, проектирования, реализации, исследования, изучения, социального опознания и социального признания) самых конкретных практик с помощью философских идей. Это и есть поворот «к трансдисциплинарности города». Он совершается, как мы видели выше, в разнообразнейших формах и жанрах художественной культуры, в том числе, в текстах «городских стратегий», в которых нуждается каждая мэрия.

«Город» предполагает поворот к оригинальным практикам (морфология города, субкультуры, миллионеры, нищие, зрители оперы, гуманитарные кадры и т.д.) и непрерывному вниманию к книжной полке, на которой появляются новые теоретические интерпретации. «Город» для исследователя предполагает умение «читать» цивилизационные процессы по площадям, улицам, публике в театре и видеть в них сдвиги. Исследователи оказываются вовлеченными в городские практики не только как наблюдатели – фланеры и мыслители, – но и как авторы городской философии. Диагностируя «пространство-время-человека» города, они выполняют свою философскую миссию [13]. Здесь начинается новая тема о гуманитарных кадрах для города, которых сегодня называют «философствующими», «креативщиками», представителями «скрипт-групп», а в прошлом говорили об интеллигенции и ее роли [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дни Петербургской философии // <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/dpf/dpf2014/prog-a5.pdf>
2. Бурлина Е. Я., Д. С. Бокурадзе Театр в городе, город в театре / // Известия Самарского научного центра РАН, 2013. Т. 15. № 2-3. С. 10-14.
3. Вахштайн В. С. Лейбницевский город: заметки по социальной топологии // Город как сцена. История. Повседневность. Будущее. Интернациональный научно-исследовательский альманах / Рук. проекта Е. Я. Бурлина; авторская группа: Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова, Я. Голубинов: в 2 т. Т. 1. Самара: Медиа-книга, 2015.
4. Арендт Х. Вальтер Беньямин // Иностранная литература. 1997. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1997/12/benjamin03.html> (дата обращения: 05.05.2014).

5. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
6. Беньямин В. Париж, столица девятнадцатого столетия. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Пред., сост., пер. и прим. С. А. Ромашко. М.: «Медиум», 1996.
7. Беньямин В. Московский дневник: [пер. с нем. Сергей Ромашко]. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012.
8. ПоМОСТ. VII Всероссийский театральный фестиваль. Буклет фестиваля. Новокуйбышевск, 2015. – 38 с.
9. О проекте // Urbanurban. URL: <http://urbanurban.ru/about/> (дата обращения: 05.05.2015).
10. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.
11. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М.: «Аграф», 1997.
12. Мотрошилова Н. В. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт. М., Канон+ «Реабилитация», 2007. 320 с.
13. Время в городе: темпоральная диагностика, хронотипы, молодежь / Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А., Голубинов Я.А., Барабошина Н.В., Римон Е., Шиллинг Е.Ю. Самара: Изд-во Самарск. науч. центра РАН, 2012.
14. Бакиутова Е.В. Интеллигентский дискурс. Монография. Самара: ПГСГА, 2013. 184 с.
15. Бакиутова Е.В. Интеллигенты и интеллигенция: субъективное отношение к социальной роли. European Social Science Journal. 2012. № 7 (23). С. 291 – 297.

Для ссылок: Бурлина Е.Я. Философские вариации о городе // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 58-63. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.7
For references: Burlina E. Philosophical variations of the city. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 58-63. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.7

Рыбакова Д. С.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Rybakova Darya

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

РОЛЬ КОНТЕКСТА В АРХИТЕКТУРЕ МОДЕРНИЗМА XX ВЕКА THE ROLE OF CONTEXT IN THE MODERNIST ARCHITECTURE OF THE 20TH CENTURY

В статье рассматриваются предпосылки, заставившие пионеров модернизма переосмыслить существовавший ранее подход к проектированию и сформулировать новые принципы архитектуры. В ходе исследования были проанализированы труды отечественных и зарубежных философов и теоретиков архитектуры, что позволило не только выявить принципы и приемы взаимодействия модернистской архитектуры с контекстом, но и отметить противоречивость этих взаимоотношений.

The article presents the background that forced the pioneers of modernism to reconsider the previous approach to design and to formulate new principles of architecture. The analysis of the works of Russian and foreign philosophers and theorists of architecture made it possible to identify the principles and methods of the interaction of modern architecture with the context and to note the inconsistency of these relationships.

Ключевые слова: модернизм, предпосылки контекстуальности архитектуры, противоречия, принципы и приемы.
Keywords: modern architecture, background of the contextual approach to design, inconsistency, principles and methods.

Конец XIX – начало XX в. был ознаменован глобальными изменениями во всех сферах человеческой жизни: политической, экономической, научной, технической, философской, социальной, мировоззренческой и многих других. Искусство, в частности архитектура, также не осталось в стороне от этих изменений. Модернист Ханнес Мейер (Hannes Meyer), возглавивший в 1928 г. Баухаус, в статье «Новый мир» писал: «Каждый век характеризуется своей новой формой. Наша миссия – дать новому миру новую форму, олицетворяющую сегодняшний день»⁴ [1, с. 9].

Во второй половине XIX в. строгие каноны классического европейского и российского искусства расшатывала эклектика, главной особенностью которой стала «многостильность» и формалистичность: в оформлении зданий использовалось смешение элементов и композиционных приемов различных исторических стилей. Поэтому зачастую, функциональная, конструктивная и материально-техническая сторона сооружения могла не соответствовать его объемно-пространственной структуре: строящиеся общественные, жилые или производственные сооружения могли приобрести вид дворцов эпохи Возрождения или даже античных храмов. В итоге это приводило к тому, что объекты получались малоудобными и

неэкономичными в эксплуатации, а также эстетически несовершенными: ордер, потеряв свою конструктивную строгость и исключительность, превратился в декоративный элемент оформления фасадов, стал лишь внешней отделкой, а новые конструктивные решения и применяемые материалы превращались в «имитацию» и подобию старины. Вместе с тем, такая архитектура перестала соотноситься с общей структурой нового мира, все сильнее стремящегося к глобализации. Именно поэтому на рубеже XIX – XX вв. остро встал вопрос о необходимости появления радикально новой архитектуры, способной соответствовать современной социальной и психологической структуре мира.

В чем заключалась «новизна» формирующегося современного мира? В той же статье, «Новый мир» [1, с. 10], Ханнес Мейер описывал вещи, которых никогда не было ранее: «Гонимые машины, которые мчатся по нашим дорогам, и самолеты, которые скользят по воздуху, расширяют вариативность способов нашего передвижения и увеличивают дистанцию между нами и землей». Все это говорит о мобильности нового мира. Но мобильность, по его словам, – это не единственный аспект в ощущении нового пространства и времени. Мейер также отмечает «одновременность

⁴Цитаты из книги Кристиана Норберга-Шульца «Принципы современной архитектуры» (Norberg-Schulz, Ch. Principles of modern architecture / Ch. Norberg-Schulz. Andreas Papadakis Publisher, 2000. 136 p.) даются в переводе автора (Д.С.Рыбаковой).

явлений» («simultaneity of events»), приносимых рекламой и медиадисплеями. Одновременность и сложность человеческих взаимодействий, в глобальном масштабе похожих на паутину, обусловлена существованием «радио, телефона и телеграфа», которые «освобождают нас от нашей национальной изоляции и делают частью мирового сообщества» [1, с. 10]. Наконец, Мейер отмечает, что «наши дома становятся более мобильными, чем прежде. Большие жилые блоки, жилые автомобили, жилые яхты и трансатлантические лайнеры разрушают локальную концепцию «родного города». «Мы становимся космополитичны», – писал он в 1926 г. [1, с. 10].

Все это породило изменения в отношениях между человеком и его собственной средой обитания. Исследуя этот вопрос, норвежский теоретик архитектуры Кристиан Норберг-Шульц приходит к выводу, что пространственно-временную структуру нового мира следует понимать посредством таких характеристик, как *открытость, мобильность, интерактивность и одновременность* (или симультанность – simultaneity) [1, с. 10]. Большинство из этих понятий могут показаться невозможными в мировом масштабе, поскольку мир разнообразен, разнороден, сложен и противоречив, и кажется бессмысленным искать в нем общие знаменатели. Но, по его мнению, пионеры модернизма считали, что таковые все же существуют, именно поэтому и сконцентрировали свое внимание на «новой концепции пространства», предполагая, что архитектура – это искусство, которое выражает «пространственность» мира и связано с новым образом жизни людей. «Каждый период в культуре имел свою собственную концепцию пространства», – писал в 1928 г. Ласло Мохой-Надь, выражая этими словами свою «теорию архитектуры» [1, с. 10]. Примерно в то же время Вальтер Гропиус подчеркивал необходимость «нового пространственного видения», которую он считал «гораздо более важной, чем структурную экономию и функциональный акцент» [1, с. 10].

«Открытость», глобальность, интернациональность новой концепции мирового пространства подразумевает ее развитие *вширь*, т.е. в *горизонтальном* направлении вдоль поверхности земли, и стремление соединить различные уголки мира в единую, целостную структуру. Именно поэтому *вертикальное* направление теряет свою значимость, заключает Норберг-Шульц. «Взаимоотношение с небом, «сакральная мера» культур прошлого (Ось Мира) стремится в небытие, когда земля раскрывается, распространяется в горизонтальном направлении» [1, с. 11]. Помимо этого, норвежский

теоретик отмечает, что в отличие от архитектуры XVII столетия, для которой было характерно «множество конкурирующих систем, религий, политических режимов или экономик», становящихся своеобразными структурными центрами («планы таких городов, как Версаль или Карлсруэ (Karlsruhe), – это типичные примеры открытой, но в то же время централизованной концепции пространства барокко»), в современном мире человеческое сознание не столько управляется чьим-то авторитетом, занимающим центральное место (король, бог, как это было раньше), сколько остается свободным и, согласно теории, располагается в пределах досягаемости окружающих [1, с. 11].

Поэтому модернистская архитектура фактически проявилась как нечто радикально новое и актуальное для современного мира рубежа XIX – XX вв. Пионеры модернизма выступали против «академичности» композиций официальной архитектуры XIX столетия, в которой смысловой центр и оси барочной планировки вырождались и превращались в игру с формалистическими фигурами. Очевидно, что такая искусственная и статичная планировка не могла совладать с образом жизни нового открытого и динамичного мира. Также они отказались от стилей как от системы типологических и символических элементов зданий. Как четко организованная система, стили прошлого состояли из взаимодействующих частей, которые отражали понимание мира как строгой иерархии, где каждая часть занимала определенное место и имела определенное значение. На протяжении XIX столетия некоторые части выпали из этого контекста, и история превратилась в некий «магазин», где можно взять любую форму по мере необходимости и применить ее как захочется. Зигфрид Гидион назвал этот эклектизм «обесцениванием символов» [1, с. 11]. «Эклектичный человек слаб, независимо от того, насколько он может быть умен; это человек без звезд и компаса. ... Эклектика – это корабль, который пытается плыть по всем ветрам сразу», – так написал французский критик Шарль Бодлер в 1850 г. [1, с. 11].

Но порывая, таким образом, с пережитками прошлого, пионеры модернизма разработали кардинально новые принципы взаимодействия архитектуры с социальным, историческим и идеолого-мировоззренческим контекстом новой эпохи. По словам Норберг-Шульца, в первую очередь они обратились к истокам, к самой сути архитектуры – ее свойству «воплощать различные способы существования между небом и землей» [1, с. 15]. Выразить это архитектура удается посредством того,

что она *стоит* на земле, *возвышается* в небо, *распространяется* *вдоль* горизонтальной оси (вдоль поверхности земли), а также того, является ли она *открытой* или *закрытой* по отношению к окружающему миру. Таким образом, здания создают то место или ту *среду*, которая позволяет другим вещам там *существовать*. Ле Корбюзье осознал это, когда писал в своем манифесте: «... Предположим, что то, каким образом стены возвышаются к небесам, позволяет мне перенестись в другое время. Я чувствую ваши чувства. Ваше настроение: нежное, brutальное, романтическое или благородное. Стены, которые вы возвели, говорят мне об этом» [1, с. 16]. Иными словами, архитектура – это не просто искусство организовать пространство. Ее задача состоит в том, чтобы с помощью приема «построения формы» создавать особые места, пригодные для человеческой жизни. Но чтобы быть таковыми, эти места должны иметь не только «вмещающую» функцию, они также должны визуализировать некий сценарий, способ существования между небом и землей, используя для этого особенности *стояния, возвышения, распространения вширь, открытость или закрытость*, утверждает Норберг-Шульц. Из этого следует, что архитектуру следует понимать на основании двух базовых аспектов: организация пространства и построение формы. Первый относится к человеческой способности ориентироваться в окружающем пространстве (соединение функциональных паттернов в различные сценарии действий); второй – к способности идентифицировать себя с характером окружающей местности. Организация пространства – это понимание того, «открытое» оно или «закрытое», централизованное или направленное, смешанное или простое. Построение формы выражает характер, набор общих характеристик, которые Ле Корбюзье описывал словами «нежное», «brutальное», «романтическое» или «благородное». Оба эти аспекта – это субъекты темпоральных изменений и визуализация человеческого понимания мира как «места для жизни» в определенный момент времени.

В 20-е гг. XX в. в философско-художественном журнале «Эспри Нуво» (фр. «L'Esprit Nouveau» – «Новый дух») впервые был опубликован манифест Ле Корбюзье под названием «Пять отправных точек современной архитектуры», где теоретик модернизма выделил пять приемов, посредством которых современная архитектура могла воплотить в жизнь новый принцип. Первым и самым основным в теории современной архитектуры стал прием, призванный удовлетворять пространственные нужды

современной жизни – *свободный план*, как назвал его Корбюзье. Со свободным планом связаны два других приема – *свободный фасад* и *ленточное остекление*, которые задумывались как протест против формального композиционного решения фасадов, поскольку новая каркасная конструктивная структура освободила здание «из рабства несущих стен», и позволила оконным проемам иметь практически любой размер и конфигурацию, являющуюся результатом взаимодействия внутреннего пространства дома с внешним миром [1, с. 16]. По словам Норберг-Шульца, в двух последних приемах Корбюзье определил новый тип взаимоотношений зданий с окружающим миром. *Пилоны-опоры* отрывают дом от земли, которая таким образом может сохранить свою бесконечную непрерывность, в то время как *сад на крыше* «получал» солнечный свет и дождевую влагу, выражая тем самым то, что «между небом и землей» всегда существует жизнь [1, с. 17]. Такое построение формы могло благоприятствовать новому, активному образу жизни людей и визуализировать свободу современной пространственности – так считал Ле Корбюзье. Фактически «Пять отправных точек современной архитектуры» стали обращением пионеров-теоретиков модернизма к метафизическим аспектам взаимоотношений архитектуры с окружающим миром, к идеальным, исходным, архетипичным способам их коммуникации, хотя на тот момент само понятие «метафизики» в области архитектурной теории еще не использовалось.

В результате такой подход оказался довольно противоречивым. С одной стороны, неотъемлемой частью нового принципа провозглашалась взаимосвязь архитектуры со средой через свободное решение планировочной структуры, свободное расположение оконных проемов в зависимости от особенностей окружающего контекста и т.д. Однако, с другой стороны, такой подход часто называют «стерильным», поскольку архитекторы стремились искусственно создать эту новую для человека среду обитания, новые, идеальные взаимоотношения, аннулируя при этом уже имеющиеся, исторически сложившиеся связи, саму структуру места, его характер, культуру, традиции и прочие индивидуальные характеристики. Иными словами, модернисты предлагали взаимосвязь архитектуры не с конкретным местом, имеющим определенные, присущие только ему особенности, характеристики и устоявшиеся традиции, а со средой вообще, ее абсолютным, абстрактным проявлением.

Не удивительно, что модернистская теория на практике также столкнулась с рядом противоречий.

Главный идеолог и теоретик нового «интернационального стиля» Ле Корбюзье писал: «Строить на вольном воздухе – такова потребность завтрашнего дня. В градостроительстве должна господствовать гармония, ею должна диктоваться всякая линия чертежа и выбор всякого, пусть даже самого незначительного решения. Город наших дней гибнет от того, что в нем отсутствует геометрия. Строить свободно, на вольном воздухе – это значит на месте несуразной, бессмысленной застройки производить планомерную застройку. Вне этого нет спасенья» [2, с. 38]. По проекту «Плана Вуазен» мы можем видеть, что Корбюзье предлагал игнорировать историческую среду города, снести кварталы Тампль, Марэ, Аршив и другие, подобные им, и построить на их месте новый город из небоскребов с включением небольших участков зелени. Он писал: «На «Плане Вуазен» среди древесной листвы можно то здесь, то там заметить какой-нибудь отдельный старый камень, аркаду или портик. Они заботливо сохраняются, потому что это либо страницы истории, либо произведения искусства. В центре зеленого газона возвышается опрятный и кокетливый особняк эпохи Возрождения. Это один из особняков квартала Марэ, который сохранили или перенесли на новое место. Теперь в нем библиотека, или читальня, или конференц-зал, либо что-нибудь еще в том же роде» [2, с. 42]. Аналогично «Плану Вуазен», Корбюзье создал еще ряд эскизных предложений, таких, например, как проект планировки Эллокура в Лотарингии, схема планировки левого берега реки Шельды в Антверпене. Все эти проекты подобны друг другу, универсальны и однообразны: «расположенные в центре города типовые небоскребы придают искусственной среде законченный математический порядок. Хотя в городе присутствуют зеленые насаждения, но они лишь скрывают истинный машинообразный порядок. Вся жизнь человека и его деятельность полностью подчинены искусственной среде» [3, с. 86]. В силу такой универсальности архитектура не реагировала на особенности местности, на которой возводилась [4, с. 24]. И только осколки исторического контекста в виде единично сохраненных зданий могли включаться в заново создаваемую среду, как экспонаты в музее под открытым небом.

В 30-50-е гг. XX в. Ле Корбюзье в качестве аксиомы принял тезис о том, «что предназначенный для человека дом должен быть создан в человеческом масштабе» [3, с. 65]. Им была разработана система пропорционирования, основанная на размерах человеческого тела, получившая название

«Модулар». «В этом случае архитектор выбрал отдельную характеристику, абсолютизировал ее, возвел в ранг закона и наложил эту матрицу на реальность», – считает кандидат философских наук А.В. Миронов [3, с. 65]. На практике модулар лег в основу проекта «Марсельской жилой единицы», который был разработан архитектором в 1946-1952 гг. «Мы вписали здание непосредственно в марсельский пейзаж. Мы всегда думали о природе, и природа отплатила нам сторицей – она вошла в дом», – писал об этом проекте сам Корбюзье [3, с. 65]. Однако российский историк и теоретик архитектуры А.В. Иконников отмечает, что в реальности «пропорциональная целостность [этого объекта] не исключала появления неудобных абсолютных величин. Слишком малый планировочный шаг не только привел к появлению детских спален шириной менее 180 см, напоминающих купе железнодорожных вагонов, но и сильно ограничил возможности персональных трансформаций в жилищах... Кухням, образующим «сердце» жилищ, при очень глубоком корпусе недостает естественного света... Торговый центр, расположенный в середине высоты здания, ... испытывает финансовые трудности и остается неразвитым» [5, с. 532]. Поэтому справедливо замечание А.В. Миронова о том, что при анализе всей этой ситуации может возникнуть «ощущение, что текст «Афинской Хартии» и здание «Жилой единицы» – порождение разных людей, с разными типами мышления» [5, с. 69].

Как известно, текст этого манифеста, основанный на результатах градостроительного анализа тридцати трех городов мира, был написан Ле Корбюзье в 1931 г. и принят на конгрессе CIAM, проходившем в 1933 г. в Афинах. Хартия отражала неподдельное участие и заинтересованность архитекторов в том, чтобы города и дома соответствовали новым потребностям их жителей. Это выразалось и в заботе о гармоничном взаимодействии человека с окружающей природой и пространством: «Природное окружение отражается на образе мыслей и поведении людей и соответственно на характере их производственной деятельности, а также на облике их домов, деревень и городов», «здоровье каждого человека зависит от того, насколько он обеспечен удовлетворительными «природными условиями» – «солнце ... должно свободно проникать в каждое жилище, ... зеленое окружение должно наполнять жилище воздухом, ... а также не следует забывать, что ощущение пространства является важным психологическим

фактором» [6, с. 93, 97]. И в создании здорового социального климата в обществе: «Надо добиться, чтобы непримиримый закон предписывал определенные жизненные условия для каждого человека вне зависимости от его материального положения. Надо добиться градостроительного законодательства, исключающего такое положение, когда целые семьи городских жителей лишаются света, воздуха и пространства» [6, с. 98], т. е. следует проектировать жилье таким образом, чтобы в нем предусматривались квартиры как для богатых, так и для малоимущих слоев населения, чтобы каждый человек в равной степени мог получить солнце, зелень и пространство – три составляющие здоровой среды. А также выражался интерес к сохранению исторической среды городов и ее идентичности: «Духовный мир города складывается в течение длительного времени, поэтому подчас рядовые постройки приобретают историческое значение; в их облике как бы выражена душа города, его история, традиции, которые оказывают влияние на формирование нового поколения, определяют своеобразие, получающее выражение в облике людей, окружающей местности и обычаях населения. ... Каждый город представляет собой «небольшое отечество» для своего населения и поэтому приобретает особенное, только ему свойственное моральное значение» [6, с. 95].

Однако эти жизнеутверждающие манифесты на самом деле расходятся с реальными проектами архитекторов. Ле Корбюзье писал: «География и топография значительно влияют на судьбы людей. Никогда не следует забывать о главенствующей роли солнца, которое предписывает свои законы всему, что служит человеку. ... Вследствие шаровидной формы земли изменения освещенности каждого участка ее поверхности происходит постепенно, изменяясь в бесчисленных вариациях, оказывая в каждом отдельном случае определенное воздействие на природу и людей» [6, с. 93]. Но в проекте планировки города Рио-де-Жанейро (1936 г.) этот факт почему-то остался без внимания. «Игнорирование движения Солнца по небосклону привело к тому, что оно светит в глаза водителям Рио-де-Жанейро два раза в день на восходе и на заходе», – сообщает А.В. Миронов [3, с. 66].

Другой город, индийский Чандигарх, также был запроектирован с пренебрежением к конкретным климатическим и географическим условиям места, а также национальным культурным традициям местных жителей. Так, градостроительным планом было предусмотрено разделение города

на жилые сектора со школами, спортивными и детскими площадками. Однако, «в отличие от микрорайонов на Западе, школа не могла служить их ядром. В Индии система образования не унифицирована и выбор школы определяется не территорией, а социальным статусом, религиозной принадлежностью и экономическими возможностями родителей», поэтому согласно социологическим исследованиям, 98 % детей посещали школы вне своего жилого сектора [7, с. 27]. Также не прижились в Чандигархе и комплексные торговые центры, поскольку идея универсальных магазинов, содержащих разнообразные виды товара, не соответствовали восточному обычаю – торговать только одним видом товара в одном конкретном месте. Еще в городе была запроектирована Долина досуга – большая зеленая зона в долине реки, предназначенная для отдыха жителей. Однако архитектором не был учтен тот факт, что «обычное для Европы времяпрепровождение в городском парке не принято в индийском обществе, ориентированном на дом и семью», поэтому это общественное пространство так и не наполнилось досуговой жизнью [7, с. 27]. «В целом массив города с его разреженной плоской малоэтажной застройкой, неоправданно широкими улицами и плохо приживающимся озеленением показал, что жизнеустроительные претензии архитекторов не принесли ожидавшихся результатов... Природа и местные традиции Пенджаба оказались несовместимы со стереотипами западного модернизма», – резюмирует А.В. Иконников [7, с. 29].

Таким образом, «Ле Корбюзье и как теоретик, и как практик опередил свое время» [3, с. 73], считает А.В. Миронов. Функционалисты предложили радикальный и противоречивый вариант нового устройства среды обитания человека и самого общества в целом, а также новый принцип взаимодействия архитектуры с материально-вещественным (природа и город), социальным, историческим и идеолого-мировоззренческим контекстом, обратившись к сущностным, исходным (метафизическим) аспектам архитектуры и сформулировав при этом пять основных постулатов.

С одной стороны, взаимосвязь архитектуры со средой провозглашалась неотъемлемой частью нового принципа, которая могла осуществляться посредством свободного решения планировочной структуры; свободного расположения на фасаде оконных проемов абсолютно любой конфигурации в зависимости от характера взаимодействия внутреннего пространства с контекстными особенностями пространства внешнего; с помощью

пилонов-опор, которые отрывают дом от земли, сохраняя тем самым ее непрерывность и развитие вширь, а это является одной из особенностей новой концепции мирового интернационального пространства; сада на крыше, визуализирующего архетипичную сущность архитектуры – воплощать различные способы существования человека между небом и землей.

С другой стороны, такой подход можно назвать «стерильным», поскольку архитекторы стремились искусственно создать новую среду для человеческого существования и новые, идеальные взаимоотношения; аннулировались существующие, исторически сложившиеся связи; разрушалась сама структура места; терялся его характер; разрывалась связь с региональной культурой и традициями. Иными словами, пионеры модернизма предлагали взаимосвязь архитектуры не с конкретным местом, а со средой вообще, ее абсолютным, абстрактным проявлением.

Поэтому не удивительно, что существовало расхождение теоретических манифестов модернизма и с тем, как они воплощались в реальном проектировании. Из текста Афинской хартии следует, что необходимо заботиться о гармоничном взаимодействии человека с окружающей природой и пространством, поскольку это отражается на образе мыслей, поведении человека, его здоровье и производительности его деятельности; дом, предназначенный для человека, должен быть создан в человеческом масштабе; необходимо создавать здоровый социальный климат в обществе, проектируя жилье таким образом, чтобы каждый человек в равной степени мог получить солнце, зелень и пространство – три составляющие здоровой среды; всегда следует помнить о том, что топографические и климатические условия местности имеют влияние на людей, а также всегда помнить о главенствующей роли солнца; следует сохранять историческую среду городов и ее идентичности.

На практике все реализовалось несколько иначе: пропорции планировочного решения Марсельской жилой единицы оказались неудобными в процессе эксплуатации; индийский город Чандигарх был запроектирован с игнорированием социальных и культурных национальных традиций местных жителей; были проигнорированы климатические

условия в Рио-де-Жанейро, в частности движение Солнца, в результате чего оно дважды в день слепило водителей, едущих утром на работу и возвращающихся вечером обратно; уничтожение исторической среды кварталов Тамплъ, Марэ, Аршив по проекту «Плана Вуазен».

Однако, несмотря на всю противоречивость, опыт пионеров модернизма чрезвычайно важен для современного понимания контекстуальности архитектурных объектов, поскольку осознание метафизической сущности самой архитектуры (организации пространства и построения формы) позволяет установить объемно-планировочную взаимосвязь объекта с контекстом сразу на нескольких уровнях, а не только с материально-вещественной составляющей этой среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Norberg-Schulz, Ch. Principles of modern architecture / Ch. Norberg-Schulz. Andreas Papadakis Publisher, 2000. 136 p.*
2. *Ле Корбюзье. Архитектура XX века / перевод с фр. В. Н. Зайцева и В. В. Фрязинова; сост. М. В. Толмачев; ред. С. Д. Комаров; послесловие К. Т. Топуридзе. М.: Прогресс, 1977. 304 с.*
3. *Мионов А.В. Технократизм – вектор развития глобализации / М.: Книга по Требованию, 2012. 131 с.*
4. *Speech. Дух места. № 09/2012*
5. *Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. Т. I. М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 656 с.*
6. *Ле Корбюзье. Три формы расселения. Афинская хартия / пер. с фр. Ж. Розенбаум; послесловие Ю. Бочарова и А. Раппапорта. М.: Стройиздат, 1976. 136 с.*
7. *Иконников, А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. Т. II. А.В. Иконников; под редакцией А.Д. Кудрявцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 670 с.*
8. *Рыбакова Д.С., Самогоров В.А. Утопии и реальность в контекстуальном проектировании. Наука, образование и экспериментальное проектирование. Самара, 2015. С. 631-633.*
9. *Рыбакова Д.С., Самогоров В.А. Концепция genius loci в современной архитектуре // Вестник Волжского регионального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук. 2016. № 19. С. 63-67.*
10. *Рыбакова Д.С. Особенности взаимодействия ансамблевой архитектуры эпохи Просвещения с контекстом // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн / СГАСУ. Самара, 2016. С. 170-175.*

Для ссылок: *Рыбакова Д.С. Роль контекста в архитектуре модернизма XX века // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 64-69. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.8*

For references: *Rybakova D. The role of context in the modernist architecture of the 20th century. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 64-69. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.8*

Репина Е. А., Рыбакова Д. И.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Repina Evgenia, Rybakova Diana

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

ЧЕЛОВЕК И МИКРОРАЙОН: ПРОБЛЕМАТИКА A PERSON AND A RESIDENTIAL DISTRICT: PERSPECTIVE

Целью данной работы выступает теоретическое исследование микрорайона, с точки зрения гуманитарной составляющей. В рамках исследования вычленяются философские категории, относительно которых необходимо изучать структуры бытийности микрорайона, как среды, формирующей жизнь определенных групп людей. Главным направлением работы являются вопросы: Для кого планируется типовое строительство? Если для человека, то почему в системе типовой застройки не учитываются личностные особенности того или иного индивида? Как субъекту жить во внесубъектной архитектуре? Какая архитектура является наиболее подходящей человеку для жизни? Какие функции должно выполнять сооружение для того, чтобы считаться домом?

The purpose of this work is the theoretical study of a residential district within the scope of a human science. The research reveals philosophical categories which form the basis of the study of a residential district structure as the environment forming the life of certain groups of people. The main issues discussed in the article are as follows: Who is standard construction planned for? Why aren't personal features considered in the system of standard housing development? How can the subject live in outer-subject architecture? What is the most suitable architecture for living? What functions should a building have to be called a house?

Ключевые слова: микрорайон, гуманитарный фактор, пространство, типовая застройка, дом

Keywords: residential district, humanitarian factor, space, standard housing development, house

Рассматривая историю возникновения типовой застройки, в первую очередь, выявляются причины, предвосхитившие появление подобного типа жилья. Среди них первыми выступают вопросы политики, идеологии, исторической преемственности. Перечисленные причины, в свою очередь, влияли на возникновение ряда учтенных технических факторов, позволявших в быстрые сроки возводить большое количество сооружений; специально созданные нормы и правила, математически выверенные параметры необходимого человеку пространства. Таким образом была запущена в ход программа создания унифицированной структуры, идеологически приближенной к позиции установления нового миропорядка. Однако, в идеальном выверенных и учтенных технологических аспектах не был задан ключевой вопрос архитектуры. Для кого планируется данное строительство? [1]

Если для человека, то почему в системе типовой застройки не учитываются личностные особенности того или иного индивида? Что тогда учитывается? На примере архитектуры хрущевского времени можно сказать, что превалирующую роль играла идеология. Чем оперировала данная система? К чему стремилась? Послевоенная индустриализация послужила причиной массового заселения городского пространства [4]. Таким образом, советская

архитектура середины XX века являлась следствием политической стихийности? Возвращаясь к главному вопросу, можно ли сказать, что типовая архитектура вне субъекта? Если да, то вопрос о том, для кого/чего происходит строительство остается актуальным [2]. Как субъекту жить во внесубъектной архитектуре? Какая архитектура является наиболее подходящей человеку для жизни? Какие функции должно выполнять сооружение для того, чтобы считаться домом? [7]

Если проследить, каким образом формировалось представление о человеческом доме, то можно увидеть, что, на протяжении истории, в зависимости от того, в каких условиях приходилось жить человеку, какие земли отвоевывать, и как обозначать границы своей собственности, регулировалось понимание дома как места, связывающего человека с землей [6].

Важным элементом, рассказывающем об отношении к освоенным землям, стоит подчеркнуть из истории арианизации Индостана. Историк религий М.Элиаде сравнивает экспансию новых земель с ритуалом. «Пока же отметим, что захват новой территории легитимировался возведением алтаря (gârharatyа), посвященного Агни. 17 «Мы говорим, что мы осели (avasyati), когда воздвигнута gârharatyа, и все, кто воздвиг алтарь огня, осели»

(ШБ VII 1.1. 1-4). Но возведение алтаря, посвященного Агни, есть не что иное, как ритуальная имитация Творения. Иначе говоря, занятая территория предварительно превращена из «хаоса» в «космос». Посредством ритуала она получает «форму» и становится реальной» [12].

Представление о доме как о месте сакральном было также принято в эпоху Римской Империи. *Domus* являлся местом, где хранились семейные святыни, широко почитался культ домашних божеств. Марк Туллий Цицерон писал: «Есть ли что-нибудь более святое, более огражденное всяческими религиозными запретами, чем дом любого гражданина? Здесь находятся алтари, очаги, боги-пенаты, здесь совершаются религиозные обряды, священнодействия, моления; убежище это настолько свято для всех, что вырвать из него кого-либо запрещено божественным законом». Таким образом, понятие дома-крепости, личного пространства, защищенного от вторжения возникло, исходя из отношения к дому в Римской Империи.

Христианский мир имел иной вектор развития, понимание дома, как такового, не было. Вот что пишет об этом М. Трудолюбов: «Типичный европейский дом, которого не касалась рука архитектора ренессансной школы, состоял из одного или двух больших пустых пространств с несколькими лавками и столами. В действительности дом не был пустым — он был заполнен людьми. Помимо членов семьи, здесь постоянно находились ученики, подмастерья, слуги, клиенты, друзья и партнеры — в доме могло жить 25-30 человек. Ничего похожего на уединение обитатели дома не знали» [10].

Таким образом, осознание частной собственности как особой привилегии сложилось в Европе в эпоху Нового времени. Тем не менее, понимание дома как особой территориальной приверженности, проходит сквозь всю историю человечества. Оседлость, привязанность к земле, месту [8].

Возможно ли подобное отношение в условиях архитектуры массовой застройки? Что представляет из себя массовая архитектура? Наличие разного рода ячеек? Если римский дом - это крепость, то можно ли назвать жилье в массовом доме крепостью? [5] Каковы границы каждого человека в подобном сооружении? Границы человека измеряются

заданными параметрами и нормами? Если да, то субъекту продиктована необходимость жить в подобной среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ассоц. Семиотики пространства / Под ред. А.А. Барабанова, Екатеринбург: Архитектон, 1999.
2. Барабанов А.А. Чтение города // Семиотика пространства: Сборник научных трудов Междунар. Ассоц. Семиотики пространства / Под ред. А.А. Барабанова, Екатеринбург: Архитектон, 1999.
3. Веретенников Д.Б. Метод преобразования сложившихся планировочных структур крупнейших городов // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2015. №4, С. 116-120.
4. Гражданкина А.О. Память о прошлом во имя будущего. Жители города об архитектуре самарского конструктивизма // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2015. №4, С. 116-120.
5. Жданова И.В. К вопросу о потребительских свойствах жилой ячейки // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2012. №3, С. 81-83.
6. Малахов С.А. Категория отвлеченной формы в структуре композиционного метода проектирования // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2015. №4, С. 116.
7. Пеллеgrино П. Смысл пространства // Семиотика пространства: Сборник научных трудов Междунар. Ассоц. Семиотики пространства / Под ред. А.А. Барабанова, Екатеринбург: Архитектон, 1999.
8. Репина Е.А. Спонтанность в творческом методе современной архитектуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Н-Новгород, 2009.
9. Танги Ф. Чтение пейзажа // Семиотика пространства: Сборник научных трудов Междунар. Ассоц. Семиотики пространства / Под ред. А.А. Барабанова, Екатеринбург: Архитектон, 1999.
10. Трудолюбов М. Люди за забором: Частное пространство, власть и собственность в России. - М.: Новое издательство, 2015. — 246 с.
11. Чертов Л.Ф. Уровни семиотизации пространства и визуальные коды // Человек и город: пространства, формы, смысл: Материалы Международного Конгресса Международной ассоциации семиотики пространства (Санкт-Петербург, 27-30 июля 1995г.) В 2-х т. Т. II. Под ред. А.А. Барабанова, Екатеринбург: Архитектон, 1998.
12. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том 1. М.: Критерион 2002, 464 с.

Для ссылок: Репина Е.А., Рыбакова Д.И. Человек и микрорайон: проблематика // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 70-71. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.9

For references: Repina E., Rybakova D. A. person and a residential district: perspective. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 70-71. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.9

Ахмедова Е. А.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Akhmedova, Elena

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

РОЛЬ МЕТОДА DESIGN CHARRETTE В СРЕДОВОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ THE ROLE OF THE DESIGN CHARRETTE METHOD IN ENVIRONMENTAL DESIGN

Изложены теоретические и практические принципы адаптации зарубежных методов соучастия населения в современном градостроительном проектировании и высшем архитектурно-строительном образовании. Статья дает краткий исторический обзор зарождения методов соучастия, знакомства автора с использованием методов за рубежом. Раскрываются этапы работы по методам Design Charrette и Brief Workshop. Приводятся примеры их практического применения в реальном градостроительном проектировании и в образовательном процессе по направлению магистратуры «Градостроительное проектирование» в Самаре.

The article focuses on methodological principles of using foreign community planning methods in modern urban design and higher education in the sphere of architecture and civil engineering. The article presents a short historical survey on community planning methods and describes the author's acquaintance with their application in foreign practice. The stages of work according to the method of Design Charrette and Brief Workshop are described. There are some examples of the practical application of community planning methods in city design and in higher education in the Master's program Urban Design in Samara.

Ключевые слова: публичные слушания, методы соучастия, международная практика, теоретические принципы, адаптация в российских условиях, самарские примеры

Keywords: public listening, community planning methods, international practice, methodological principles, adaptation in Russian conditions, Samara experience

Роль населения и точность сформулированных им требований в преобразовании архитектурно-пространственной среды городов велика и является определяющей. Однако возникает вопрос: где, в каких реальных пространствах осуществляется это взаимодействие, где могут контактировать архитекторы и горожане? Как горожанину донести свое мнение до проектировщика? Как архитектору узнать пожелания жителей проектируемого квартала? Необходимые шаги навстречу назрели давно.

В 2004 г. был принят Градостроительный кодекс Российской Федерации [1], в котором впервые в современном российском градостроительном законодательстве было введено понятие «публичные слушания». «Публичные слушания» – процедура представления проектного предложения широкому кругу заинтересованных лиц, предварительно проинформированных о месте и дате обсуждения и дискуссии, с целью выслушать мнения всех, чьи интересы затрагивает проектное предложение, для того чтобы при дискуссии и дальнейшей доработке проекта выработать общую согласованную стратегию и эти замечания учесть. Таковы идеальные намерения составителей документа.

В реальности же происходит следующее: сроки проектирования сжаты, исходные данные проектировщики собирают долго и с трудностями, многие

нормативы устарели, оформление проекта происходит в кратчайшие сроки. И вот наступает процедура публичных слушаний проекта, исполнитель докладывает суть и детали проектного предложения, а из зала с публикой – разнородной голосов, обиды, даже оскорбления...

Изучению проблемы было посвящено научное исследование, выполненное по государственной тематике на кафедре градостроительства СГАСУ по теме «Инновационные методы в градостроительном проектировании», одним из разделов которой является «Методология соучастия населения в преобразовании среды своего обитания».

Цель предпринятого исследования – изучить международный опыт использования методов соучастия населения в градостроительном проектировании и наметить пути его адаптации для российских условий.

Задачи исследования вытекают из поставленной цели, это:

- анализ международного опыта «согласованного» проектирования в условиях демократизации социально-экономических отношений;

- экспериментальное знакомство с методами соучастия за рубежом;

- построение теоретической модели использования методов соучастия в зарубежном проектировании;

- обобщение экспериментального опыта применения методов соучастия в конкретных условиях архитектурно-градостроительного проектирования в Самаре и Самарской области.

Методы исследования, примененные в процессе научного анализа и адаптированные к российским условиям: метод Briefing Workshop; метод Design Charrette; сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта использования методов соучастия.

Итак, публичные слушания в российских условиях по Градостроительному кодексу – это только первый шаг в нужном направлении – в направлении согласования интересов различных групп жителей, инвесторов, администрации, строителей, экологов в будущем проектно-решении. В то время как в мире ситуация конфликта между проектировщиками и горожанами давно осознана, проанализированы и разработаны методы, принципы и приемы, позволяющие выйти на сближение позиций всех заинтересованных сторон в процессе архитектурно-градостроительного проектирования. Историю вопроса можно проследить с 1933 г. с момента принятия Афинской хартии, когда методология градостроительного проектирования была ориентирована на прогрессивные стандартизированные решения построения «лучезарных городов» – идеальных вариантов индустриального города. Годы после Второй мировой войны были наполнены усилиями по быстрому восстановлению разрушенных европейских и российских городов. Модернистские принципы с опорой на научно-технический прогресс, который, как тогда казалось, сам по себе снимет все противоречия общественной жизни, помогали этому прорыву современных индустриальных технологий в наиболее эффективном восстановлении разрушенного. Первые же попытки анти-модернистских реакций относятся к 1956 г., когда на конгрессе CIAM X, посвященном теме жилища «Habitat», сформировалась команда TEAM 10, которая провозгласила несогласие с догматами «современного движения». Ад-хокизм как новое направление призывал проектировщиков учитывать при проектировании прежде всего условия реального места, конкретные обстоятельства и контексты. Возрождается интерес к локальному, местному, региональному своеобразию, к историческим центрам городов, старинным зданиям, урбанистическому контексту, улице как градостроительной единице [2]. И на этой волне внимания к реальности, конкретике места возрождается интерес к мнению, потребностям жителей. Методы со-

участия (методы партисипации), декларирующие все более широкое участие потребителя в процессе проектирования, проектирование с вовлечением заказчика и социальных групп в различных формах возникают и совершенствуются именно в это время. Модная тема дошла и до Самары в 1980-е гг., когда тема реконструкции исторической застройки российских городов и сохранения архитектурного наследия впервые была поставлена на повестку дня, и методы соучастия впервые были использованы архитекторами для обоснования проектов реконструкции исторических кварталов в городах Самаре и Сызрани [3].

В полной мере знакомство с методами соучастия для самарских архитекторов состоялось в 1990-х гг., когда один из методов - метод Design Charrette стал достаточно широко применяться в европейских странах и в Америке как стандартная процедура сближения интересов заинтересованных сторон в градостроительном проектировании [4,5]. Наиболее известный пример использования метода Design Charrette в решении градостроительных проблем депрессивных зон в городах – это пример американской автомобильной столицы Детройта. В нем в 1990-е гг. было проведено несколько сессий метода Design Charrette с целью разрешить проблемы города, возникшие в связи с экономическим кризисом и падением продаж компании General Motors.

Первое знакомство автора статьи с методом Design Charrette произошло в процессе зарубежной командировки совместно с аспирантом А.Н. Теряговой в 1999 г. в Будапеште на форуме ЮНЕСКО, посвященном проблемам включения пожилых людей и инвалидов в социально-экономическую жизнь общества. Специалисты различного профиля и опыта из 60 стран мира в процессе освоения метода были разделены на междисциплинарные группы, состоящие из 12-15 человек (социологи, врачи, психологи, архитекторы, градостроители, культурологи и др.) и под руководством подготовленных ООН модераторов формировали идеальные модели гуманизации среды современного общества всех возрастов. Последующее знакомство с методом выявило необходимость большой подготовительной работы на нескольких стадиях по продвижению метода. Стадии: начальная, подготовительная, собственно Design Charrette, стадия реализации, стадия продолжения работы – суть непрерывная работа проектировщиков, бизнеса, жителей и волонтеров над решением градостроительных проблем конкретного участка города ради общего гармоничного компромисса.

Теоретические результаты исследования заключаются в освоении метода Design Charrette за рубежом на всех стадиях его применения [6].

Начальная стадия состоит из следующих действий:

- определение задания,
- создание организационного комитета сообщества,
- обеспечение спонсорства,
- информация в СМИ.

Подготовительная стадия включает в себя следующие действия:

- исследовательско-аналитическая работа команды проектировщиков,
- формирование стратегий и предложений,
- решение организационных вопросов,
- информирование через СМИ, рекламу, брошюры, сайт, приглашение,
- планирование собраний, мероприятий.

Собственно *процедура Design Charrette* состоит из следующих последовательных этапов:

Design team update/Уточнение задач

- анализ проблем и положительных качеств существующей ситуации,
- определение целей,
- определение способов достижения целей.

Brainstorming/Генерация идей

- генерация идей, предложений и ответов на вопросы, определенные на первой стадии.

Design process/Процесс разработки

- визуализация идей и предложений,
- совместное с сообществом планирование и проектирование.

The report/Подготовка отчета, стратегий

- выбор лучших идей,
- анализ отчета сообществом и организационным комитетом,
- определение предложений, которые улучшат ситуацию.

Presenting the report/Представление проекта

- представление проекта заказчику, жителям, заинтересованным сторонам,
- публичная презентация/пресс-конференция/выставка/общественное собрание/ другие формы презентации.

Стадия реализации предполагает:

- доработку, оформление проекта командой проектировщиков,
- утверждение проекта обществом,
- утверждение проекта властями,
- начало реализации.

Стадия продолжения работы:

- обсуждение проекта с представителями общества,

- собрания и семинары по реализации,
- встречи с командой проектировщиков,
- продолжение общественных программ.

Безусловно, целью реализации приобретенного опыта по применению метода Design Charrette являлось желание использовать его в условиях России. Это удалось сделать в процессе выполнения кафедрой градостроительства СГАСУ ряда проектно-исследовательских градостроительных работ в течение последних нескольких лет – в Тольятти (2000), Пензе (2004), Самаре (2006, 2010, 2012), в Самарской области и, в частности, в Елховском районе (2008-2013).

Практические результаты освоения методов соучастия кафедра градостроительства СГАСУ получает уже в течение 13 лет в своей научно-проектной и исследовательской деятельности.

Первые попытки применения метода Design Charrette в условиях российской действительности были предприняты в 2000 г. в период работы кафедры градостроительства СГАСУ над концепцией развития Тольятти по заказу мэрии города. Целью проведения Design Charrette в данной работе явилось выявление территориально-планировочных интересов различных групп населения города в условиях изменения социально-экономической концепции развития российского общества. Для Тольятти, города с активным бизнес-сообществом, это было принципиально важно, тем более что процедуре Design Charrette предшествовало широкое общественное движение по выработке миссии города, в которой были продекларированы главные ценности городского сообщества, цели развития города и механизмы достижения этих целей. В процедуре Design Charrette в Тольятти участвовали специалисты различного профиля (работники мэрии, сотрудники СГАСУ, социологи, представители крупного, среднего и малого бизнеса, психологи, культурологи, руководители ТОСов (территориальных общественных советов), архитекторы, градостроители из Самары и Санкт-Петербурга. Объединенные в 4 междисциплинарные группы, они под руководством модераторов из СГАСУ разрабатывали 4 различных сценария (концепции) будущего градостроительного развития города Тольятти в течение одного рабочего дня, составляя по методу Design Charrette текстовые и графические модели желаемого будущего, способы его достижения [7].

Чуть ранее в российской научной печати опубликованы результаты большой работы также с использованием методов соучастия, проведенные в других областях Приволжского федерального округа Российской Федерации, группами российских

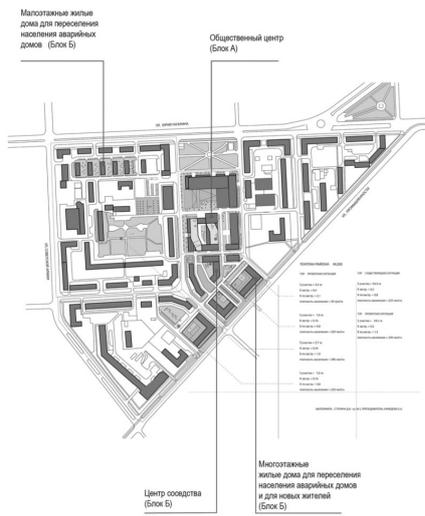

Рис. 1. Генплан. Эскизное предложение

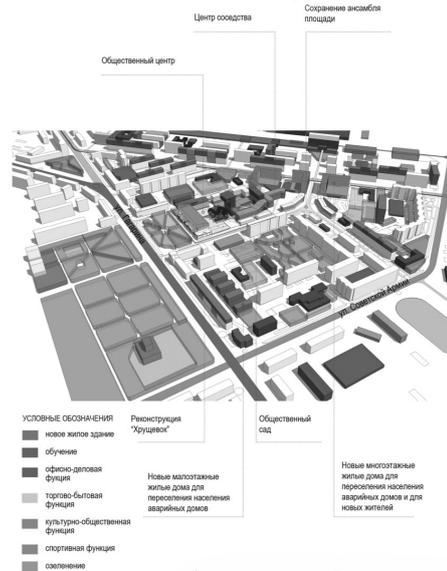

Рис. 2. Функциональная схема. Эскизное предложение

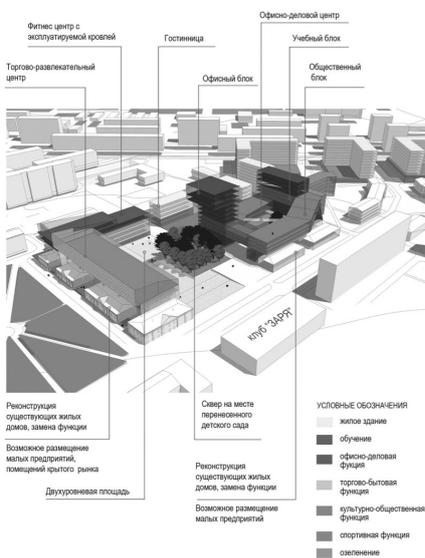
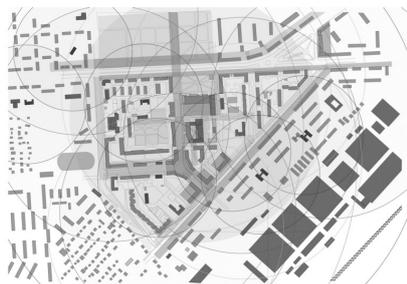
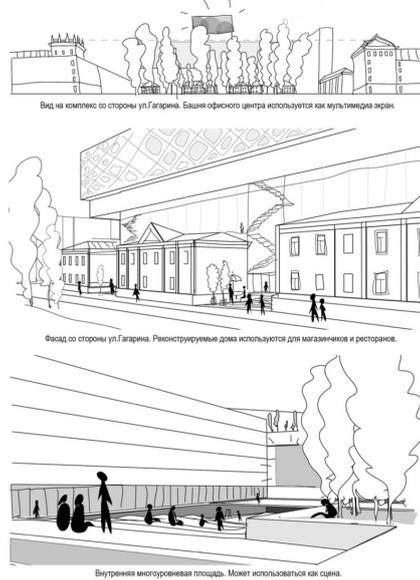

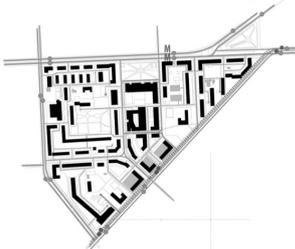
Рис. 3. Функциональная схема общественного центра. Эскизное предложение

1. Функциональная схема

2. Схема озеленения территории

3. Транспортная схема

4. Схема интенсивности использования территории

исследователей под руководством В.Л.Глазычева [8]. Методической «библией» освоения методов соучастия стала также книга Ника Уэйтса [9], опубликованная на английском языке также в 2000 году, обобщающая опыт зарубежных модераторов по руководству и проведению подобных процедур в различных странах мира с рекомендациями и многочисленными примерами. В ней описаны и проиллюстрированы более 50 методов работы с населением по возможным градостроительным сценариям (реконструкции общественных центров городов, редевелопмент использования городских участков, новые соседства, регенерация инфраструктуры, возрождение сельской местности и другие). В курсе лекций «Основы теории градостроительства» автор использовал эти сценарии для проведения деловых игр со студентами. Наиболее подходящим для учебно-методических целей оказался метод Briefing Workshop, испытанный в учебных предпроектных исследованиях на Архитектурном факультете СГАСУ.

Метод Briefing Workshop содержит такие этапы: введение в проблему (15 минут), индивидуальный мозговой штурм (15 минут), категорирование проблем в малых группах (20 минут), презентация каждой группы (20 минут), дискуссия (20 минут), подведение итогов и оформление отчета.

Всего затрачивается времени со студентами на освоение методики – 1,5 часа. В дальнейшей деятельности ряд студентов смогли использовать метод Briefing Workshop в проблемных проектных ситуациях.

С использованием методов соучастия в последнее десятилетие были подготовлены и защищены диссертационные исследования Е.В. Ещиной «Социально-демократические методы соучастия в градорегулирующей деятельности архитектора (на примере г.Пензы) в 2004 году [10], А.Н. Теряговой «Архитектурная концепция формирования безбарьерной городской среды для пожилых людей» в 2006 году [11].

Работа с магистрантом Д.Н. Ступиной в 2010-11 годах на материалах рабочего поселка Машстрой в Самаре также развивала теоретические идеи методов соучастия и практические предложения, основанные на применении метода Design Charrette. В магистерской диссертации Д.Н. Ступиной удалось промоделировать проектный процесс архитектурно-градостроительной реновации жилого района «Металлист» (бывшего рабочего поселка Машстрой) в Самаре, обладающего застройкой с исторической ценностью, сомасштабной человеку планировкой,

зрелым соседством, основанным на традициях рабочего поселка ускоренной советской индустриализации [6]. Использование методов соучастия в разработке генеральных планов сел Елховка, Красные Дома и Сухие Аврали [12] способствовало более продуманному проектному решению и бесконфликтному проведению публичных слушаний.

Современный этап развития общественных отношений свидетельствует о том, что за социально-демократическими методами соучастия в деятельности архитекторов и градостроителей большое будущее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Градостроительный кодекс 2014 РФ – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/>
2. Дженкс Ч. Язык постмодернизма. М., 1985.
3. Малахов С.А., Яковлев И.Н. МЕМИРЕКС. Квартал – эксперимент естественного моделирования // Архитектура СССР. 1985. №5. С.83-84.
4. Грац Р. Город в Америке: жители и власти: пер. с англ. М., 1995.
5. Крашенинников А.В. Градостроительное развитие жилой застройки: исследование опыта западных стран: учеб. пособие. М.: Архитектура-С, 2005. 112 с., ил.
6. Ахмедова Е.А., Ступина Д.Н. Методы «соучастия» в исследовании качества городской среды Самары (на примере жилого района Металлист) // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: материалы 70-й юбилейной Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР/ СГАСУ. Самара, 2013. 462 с. Ч.1. С.309-310.
7. Жилкин С.Ф., Андриевская В.П., Эстрин А.П., Ахмедова Е.А., Каракова Т.В., Шабанов В.А. Стратегическое городское планирование. Самара: СГАСУ, 2001.
8. Глазычев В.Л. Городская среда. Технологии развития. Настольная книга. Академия городской среды. М.: изд-во «Ладья», 1995.
9. The Community Planning Handbook How people can shape their cities, towns and villages in any part of the world. Compiler and editor: Nick Wates. Earthscan Publications Ltd., London, 2000.
10. Ещина Е.В. Социально-демократические методы соучастия в градорегулирующей деятельности архитектора (на примере г. Пензы): автореф. дис. ... на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Н-Новгород, 2004.
11. Терягова А.Н. Архитектурная концепция формирования безбарьерной среды для пожилых людей: дис. ... канд. арх. СГАСУ. Н. Новгород, 2006.
12. Жоголева А.В. Архитектурно-градостроительное проектирование жилой группы как социального образования // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2011. №3. С.36-40.

Для ссылок: Ахмедова Е.А. Роль метода design charrette в средовом проектировании // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 72-76. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.10

For references: Akhmedova E. The role of the design charrette method in environmental design. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 72-76. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.10

4

77-84

ГОРОД В ДВИЖЕНИИ
CITY IN MOTION

Малахов С. А.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Malakhov Sergey

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

АСПЕКТЫ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ. ЕСТЕСТВЕННАЯ ФОРМА СРЕДЫ.
НЕИЗВЕСТНОЕ КАК ФАКТОР КРАСОТЫ
ASPECTS OF SHAPING. NATURAL FORM OF THE ENVIRONMENT.
THE UNKNOWN AS A BEAUTY FACTOR

Неизвестное постоянно сопровождает творческую деятельность архитектора, но не всегда осознается как ценность. В статье понятие «естественная красота» связывается напрямую с уважительным отношением к неизвестному, когда в деятельности возникает совершенно шахматная ситуация, когда замыслы партнера неизвестны, но игра обретает свой эстетический сценарий. В отличие от шахмат, в архитектурной модели неизвестное добавляет, а не сокращает количество вовлеченных в моделирование элементов, делая их столкновение сознательно выбранным жанром. В статье приводится в качестве примера эксперимент с кварталом №46 в Самаре, опубликованный в «Архитектуре СССР» в 1985 г. В этом эксперименте, проведенном в жанре орг-деятельностной игры, участники проекта достигли качества естественной исторической среды за счет разделения ролей, последующего диалога и преодоления конфликта на специальных компромиссных моделях.

The creative activity of an architect is constantly being followed by the unknown, but it is not always recognized as the value. The article connects the concept of «natural beauty» with the respect for the unknown when the activity resembles the game of chess in which the plans of the partner are unknown, but the game has its esthetic scenario. Unlike chess, in any architectural model the unknown does not reduce the quantity of the elements involved in modeling, it adds more of them making their collision a consciously chosen genre. The article describes the experiment with the quarter No. 46 in Samara published in «Architecture of the USSR» in 1985. In this experiment, carried out in the genre of an org-activity game, participants of the project have acquired the quality of the natural historical environment due to dividing the roles, holding a subsequent dialogue, overcoming the conflict with the help of special compromise models.

Ключевые слова: неизвестное как ценность, естественная красота, разделение ролей, эксперимент в квартале №46
Keywords: the unknown as the value, natural beauty, division of roles, the experiment in the quarter №. 4

Общая тема саморазвития среды – есть крайне привлекательный культурный проект постиндустриального времени. Вполне вероятно, что саморазвитие тесно связано с сюжетом естественной формы, а для некоторых – как проявление красоты. Естественная форма восходит, в свою очередь, к мирному сосуществованию и диалогу. Но этого мирного сосуществования, несмотря на наличие «естественной формы», может и не происходить, т. е., все не так однозначно обусловлено. Мы, например, восхищаемся формой средневековых городов, и Вернон Свэбэк приводит «естественную форму» («беспорядочную форму») средневекового города на берегу реки как образец красоты (“exuberance is beauty” [1]). При этом средневековый город был преисполнен трагическими столкновениями интересов. Заметим также, что «эстетика беспорядочности» не исчерпывает, разумеется, идеи «спонтанного», так как спонтанная форма может возникнуть в виде упорядоченного в геометрическом и иных смыслах объекта. Мы просто связываем понятие спонтанной формы в большем числе

примеров именно с неупорядоченной в геометрическом и композиционном смысле средой. Но главное здесь все же в предъявлении неожиданного, заранее неизвестного. При этом между понятиями спонтанного и случайного есть разница, и ее нужно фиксировать на методологическом уровне, как это делает Евгений Репина в своей диссертации и публикациях на тему спонтанного [2].

Поэтому здесь совпадают несколько критериев, по которым Свэбэк определял привлекательность формы итальянских, или французских средневековых городов. Из них он бы выбрал человеческий масштаб элементов ансамбля, нерегулярность и органичное взаимодействие с ландшафтом. Мы, со своей стороны, добавим, что у истоков подобной формы лежит идея естественного развития и неизвестности. Естественное развитие можно рассматривать как результат поиска компромиссов между конфликтующими обстоятельствами и субъектами образующейся средовой (художественной) формы. Понятие случайности попадает внутрь спонтанного процесса

формообразования, т. е., является категорией, соподчиненной категории спонтанного. Но мы стремимся к встрече со случайностью, с тем чтобы через неизвестное обнаружить новое интригующее качество жизни и формы.

Если спонтанная форма есть проявление компромисса между конфликтующими субъектами или элементами развивающейся формы, то случайность является причиной, вынуждающей придти к компромиссу. Спонтанное есть этико-эстетический выбор, а случайное – внутренняя, быть может, сознательно выбранная, причина, обуславливающая необходимость создания спонтанной (естественной) формы, основанной на поиске компромисса.

Отсюда вывод: если мы хотим получить естественную (спонтанную) форму, мы должны ввести в правила и процедуры проектного процесса «встречу со случайным» (с неизвестным). И это не просто эстетика, это но и мораль (этическая норма). На этом этическом аспекте и начинается основная «ломка профессионалов»: как контролировать то, что принадлежит случаю? То, что находится за пределами понятного?

Сравнивая архитектурное моделирование с живописью, приведем мнение Михаила Германа, считающего, что стремление к тайне, к неведомому характеризует, к примеру, живопись Кирико: «Он вглядывается в неведомое – за пределы материально воспринимаемого и познаваемого мира». В отличие от Кандинского и Клее, считает Герман, Кирико сближает свой живописный язык с архитектурной формой. «Астрономия вещей основывается на совершенном знании пространства, которое отделяет один предмет от другого. Каноны метафизической эстетики покоятся на кропотливом и точно рассчитанном расположении плоскостей и объемов» [3].

Совершенно другой тип соединения замысла произведения с темой неизвестного, мы наблюдаем в «архитектурных экспромтах» Леббеуса Вудса (Lebbeus Woods), который в своем «Havana Project» (1995) создает «динамические» интервенции, резко усложняющие привычную картину городской застройки. С ним солидаризируется Тадаши Кавамата (Tadashi Kawamata), которые в отличие от живописных моделей и макетов Вудса создает полноценный «псевдоархитектурный» объект на острове Рузвельта в Нью-Йорке, то, что Филип Джодидио назвал «созданием эфимерного окружения». Оба мастера работают в жанре «случайного соединения материала» на сочетании ортогональной и спонтанной сетки. Подобные инсталляции и модели всегда связаны со свободным скульптурным поиском, неизвестное – не в метафизике, а в сложности и непредсказуемости скульптурного жеста [4].

Рассмотрим разные варианты формообразования, относящиеся к практике архитектурного эскизирования.

1. «Сминание» куба или прямого листа бумаги. Такое упражнение приводит к появлению формы, напоминающей природный ландшафт. Ладонями сминаем, но не комкаем модель бумажного куба или лист бумаги. Бумажные плоскости деформируются в поверхности, состоящие из множества треугольников и трапеций. Сминание этих геометрически определенных моделей преследует цель осуществление «телесного» условно бессознательного контроля за формообразованием. Целое контролируется особым взаимным положением ладоней во время процедуры деформации прототипа. Но этот контроль осуществляется лишь в самых общих пределах. Случайное в этой модели – в самом факте отказа автора от геометрической определенности общей формы. Случайное здесь – в роли гедонистического сближения с бесконечными девиациями природных энергий, в возникновении «неизвестных эффектов формы».

2. Рисование набросков «отвлеченной формы», т. е., формы, отвлеченной от функции и символической подоплеки. Мозг отключается, руки раскрепощаются, начинает работать «природное чувство ритма» (как в танце, как в любви). Линии живут как бы самостоятельной жизнью. Автор не должен при этом не контролировать развитие «сюжета целой формы» в силу ее ассоциативных интенций, но жизнь линий или пятен (цвета) должна следовать своим «телесным ритмам». Стоит чуть-чуть задуматься, или начать «считать», как тотчас возникает остановка естественного формообразования. Линия живет «своей жизнью», «неизвестной автору», но внутри пространства, моделируемой автором формы. Сравним этот процесс, например, с поведением кошки, находящейся на коленях у хозяйки, занятой, в свою очередь, собственными мыслями, или чтением книги. Линия так же, как и кошка, получает самостоятельность, но в пределах складывающейся ситуации (модели). «У линии должна быть своя жизнь», – заявляем мы, понимая, что остаемся авторами линии.

3. Поисковое макетирование в своей исключительной процедуре, т. е., методике, основанной на «случайно» обнаруженных эффектах и продолжениях, является одним из самых емких по своему содержанию сюжетов «естественного моделирования». Все это можно объяснить совпадением двух идей: идеи «роста макета как модели обитаемого пространства» и идеи развития такого, например, события, как человеческая судьба. В обоих случаях процесс связан с «ростом» (или «развитием»),

с экспансией величины, с увеличением как таковым, но при этом факт роста не гарантирует, что автору модели или автору судьбы не приходится иметь дело с ошибками, исправимость или неисправимость которых, собственно, и предопределяет естественность происходящего. В настоящем поисковом макете (в варианте методологии, разработывавшейся авторами в 80-х – и конце 90-х ХХв. [5]) «ошибки роста» интерпретируются на уровне «как бы ошибок», то есть, включаются в этико-эстетическую парадигму естественной формы.

4. Спонтанное моделирование на основе диалога – все более приближает нас к естественным обстоятельствам воздействия неизвестного на проектируемый объект. В одном из экспериментов в группе 213 внутри куба размером 40 на 40 см два автора поочередно устанавливали элементы, как бы нарастающие начальную минимальную форму. Проблема действия каждого следующего автора заключалась в том, чтобы не смешивать свой почерк (язык, стиль, подбор, серию знаков) с почерком и концепцией оппонента. Это очень интересно: вы действуете по очереди, у вас разные и даже контрастные формальные языки, и вы не предупреждаете заранее своего оппонента, как собираетесь поступить. В этом смысле подобная проектная игра почти полностью воспроизводит реальные отношения в городе, и единственное, что сдерживает оппонентов от ссоры, это общее для двух авторов понимание, что речь в конечном счете идет об организации пространства, а принятие «неизвестного» есть условие последующего успеха. Важно не избегать ощущения скрытой договоренности, оставляющей вас разными, но объединенными все же в некий один сценарий, здесь, в частности, «внутри куба».

Искусство в больше степени связывает естественную форму не столько с диалогом, сколько с видимым отказом от упорного следования прорисованных прототипов реальности, с тем чтобы «заглянуть за ее пределы», т. е., встретиться с неизвестным. Как пишет Гордон Грэм, сравнивая картины Дюрера и Джексона Поллока, картина №14 «написана очень быстро и является продуктом спонтанной активности». Но далее выясняется интересная вещь, что обе картины (у Дюрера «Рождество», 1504 г.), как считает Грэм, стремятся «создать впечатление нереальности, напоминая практику некоторых школ буддизма: разрушая предубеждения, они ведут человека к духовному просветлению... Интерпретированные таким образом картины Дюрера и Поллока, несмотря на явные различия, преследуют одну и ту же цель:

заставить людей осознать духовную реальность, стоящую за обыденным опытом» [6].

Случайность, переведенная в сферу жизненного выбора, становится для определенного типа людей значительным проявлением их сознательного выбора эстетики неизвестного, играющим огромную роль в самой жизни и в разных жанрах искусства. Случайность сопровождает строительство интриги обитания в мегаполисе, если только вы увлечены этим строительством. Достаточно с этой целью внезапно менять расписание своих действий, намеченных на день или на какое-то время вперед. Вопрос заключается также и в том, в какой мере позитивно вы воспринимаете вторжение случайного, например, визит непрошеного гостя или аварию, случившуюся с вашим автомобилем. Смирение от вторжения или аварии – своего рода борьба айкидо, в которой общей целью, несмотря на уступки противнику, остается победа. Равно как успешная жизнь может быть соткана из одних случайностей, в той же модальности мы погружаемся в мир успешной формы, возникшей из хаотичного столкновения случайных вещей. При всем при этом в любом пространстве, в любой культуре остается некий генплан: видимый, невидимый, полупрозрачный. Генплан, который может существенно поменяться, но сохранить свою главную привлекательность – естественную форму.

Таковым результатом грезил автор статьи «МЕМ и РЕКС» – «квартал как эксперимент естественного моделирования», изданной еще в 1985 г. на страницах журнала «Архитектура СССР» [7]. Еще тогда участниками проектной группы, считавшимися сторонними наблюдателями некими ортодоксальными защитниками исторической среды, была предварительно решена задача, далекая от музеефикации. Среда самарского квартала оказалась живой, не изменяя морфотипа и образа жизни. Ключом естественной реконструкции явилось сохранение размеров подворий и разделение ролей: каждый субъект реконструкции должен был вначале придумать свой «скрытый сценарий», это и выступило причиной возникновения формы, естественным образом продолжающей генеративные основы исторической среды [7]. И хотя это был еще Советский Союз, где субъекты, лишенные собственности, были «не настоящими», инструменты и методология в результате эксперимента были идентифицированы, и теперь, спустя тридцать лет, мы имеем шансы сделать старую орг-деятельностную проектную игру вполне реальным процессом.

Теперь есть реальные субъекты, получившие городскую землю в качестве капитала. Одни из них

– крупные компании или спекулянты, другие, о которых мы вспоминаем как о главных действующих лицах городской жизни, – это обитатели кварталов. К ним, например, относятся Вячеслав Вершинин и Вера Закржевская. Горожанин в результате приватизации земли парцеллы, принадлежащей ему по закону, может жить свободно, и наша цель заключается в том, чтобы архитекторы не разъезжались в поисках высоких гонораров, а приходили за заказами к новому свободному горожанину. В одном дворе работает один архитектор, а в другом, быть может по соседству, – другой. В ста сорока кварталах получают работу пятьсот архитекторов. Чтобы качественно спроектировать новую террасу или мансарду, нужно хотя бы два месяца серьезной вдумчивой работы профессионала: пусть за деньги, сопоставимые с зарплатой врача в Пироговке или учителя в гимназии №3. Естественная среда – это среда среднего класса, взаимодействующего с ремесленниками и мастерами, обслуживающими территорию квартала. Эту проблему решает Институт Города Самары в содружестве с Высшей Школы Урбанистики в Москве. Естественная форма основана на небольших размерах, поэтому является производной многочисленных действий в ту же единицу времени, в какую один застройщик-монополист совершает одно единственное действие: строительство большой примитивной коробки с узкими балконами, закрытыми для элитарного имиджа голубыми стеклами. И хотя дело не в балконах, напомним, как бы между прочим, слова Александра: «Балконы уже 180 см – бесполезны» [8].

Мы попытались развернуть дискурс естественной формы как прекрасной, обратившись к таким обычным архитектурным моделям, как графические или макетные эскизы. Причина в том, что понимание естественной формы быстрее приходит в небольших действиях с большим количеством разнообразных моделей. Чтобы это проверить, соберите за одним столом несколько школьников (как это был в нашем ворк-шопе в Атцуте на Хоккайдо летом 2015 г.) и предложите выполнить эскизы на любую интересную тему: через полчаса на столе возникнет дюжина концепций и проектных предложений. Представьте себе, что упомянутый стол – это квартал. Но только его расчистили и

превратили в пустое место, и получился довольно большой участок. Один автор, получив «большую пустоту», никогда не достигнет разнообразного множества. Естественность будет потеряна. Естественность возникает через столкновение с неизвестным. Один автор на одном большом «игровом поле» будет вовлечен в имитационные игры. И какой-бы спонтанной ни казалась форма Disney Concert Hall в Лос-Анджелесе, в этой форме нет загадки естественности, потому что столкновение с неизвестным происходило у Герри лишь на уровне собственного «как бы» непредсказуемого жеста. Предсказуемое перестает быть красивым или существует в особой «эстетике профессиональной красоты» [9]. Прекрасная Заха Хадид сохраняет жанр «искусственной красоты», какими бы хитро-сплетенными не казались изгибы Центра Гейдара Алиева в столице Азербайджана Баку. В меньшей степени предсказуемость формы ощущается в странной работе Эрика Мооса, «совершенно неожиданно» воспользовавшегося «скульптурным вторжением» в прямоугольный объем в объекте “Samitaur” (1996) [9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Swaback, Vernon D., FAIA, FAICP. The Creative Community. Designing for Life. Australia, The Images Publishing Group Pty Ltd. 2003.
2. Репина Е.А. Значение категорий «Случайность» и «Спонтанность» в научно-естественном и постмодернистских дискурсах и в современной архитектуре // Вестник ОГУ. 2015. №5 (180). С. 175-183
3. Герман М. Парижская Школа. М.: Издательство «СЛОВО/SLOVO», 2003.
4. Jodidio Philip. New Forms. Architecture in the 1990s. Tashen, 2001.
5. Степанов А.В., Малахов С.А., Нечаев Н.Н. Введение в проектирование. М.: МАРХИ, 1983.
6. Грэм Гордон. Философия искусства. Введение в эстетику. М.: Издательство «СЛОВО/SLOVO», 2004.
7. Малахов С.А., Яковлев И.Н. МЕМ и РЕКС. Квартал - эксперимент естественного Моделирования // Архитектура СССР. №5», сент-окт. 1985. С. 83-88.
8. Александр Кристофер. Язык шаблонов. М.: Издательство «Студия Артема Лебедева», 2014.
9. Jodidio Philip. Contemporary American Architects. Volume III. Tashen, 1997.

Для ссылок: Малахов С.А. Аспекты формообразования. Естественная форма среды. Неизвестное как фактор красоты // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 78-81. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.11

For references: Malakhov S. Aspects of shaping. Natural form of the environment. The unknown as a beauty factor. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 78-81. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.11

Малахов С. А., Адамова Е. А.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Malakhov Sergey, Adamova Ekaterina

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ И БИНАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЕЕ ФОРМЫ THE PROBLEMS OF TERRITORY DEVELOPMENT AND THE BINARY ORGANIZATION OF ITS FORM

Приведен анализ саморазвития городских локальностей, показана возможность влияния формы и структуры на саморазвитие. Форма границы выступает как первый и основной элемент для самоидентификации территорий. Важным является выбор размера и оппозиция проектов через диалог по принципу «разрешения культурного конфликта "up-bottom" - "bottom-up"». Историческая среда самарских кварталов дает прекрасный урок для последующих экспериментов создания саморазвивающихся территорий на новых городских участках.

The article presents analysis of the spontaneous development of urban locales and the possible influence of form and structure on this process. The form of boundaries acts as the primary and fundamental element for the self-identification of territory. It is important to select the size and opposition of projects through the cultural dialectic 'top-down' vs. 'bottom-up'. The historical environment of the city blocks of Samara offers instruction for new experiments in the creation of territories for spontaneous development on new urban sites.

Ключевые слова: форма локальности, идеальные города, структура территории, культурный конфликт проектов, уроки исторической среды

Keywords: Locale formation, ideal cities, territorial structure, cultural conflict of projects, lessons of the historical environment

Нужна ли форма городской локальности, если принципиальным вопросом, заинтересовавшим урбанистов, теперь становится саморазвитие [1]?

Можно, конечно, адаптироваться к современному городу, определяя локальности как проникающие друг в друга «урбанистические поля», как бесконечный урбо-ландшафт, чередующий хаос с видимостью упорядоченных фрагментов, большинство из которых не родились в постсоветские времена, а достались в наследство «дикому капитализму», у которого в замыслах вообще отсутствует представление о необходимости архитектурной формы.

Соблазном можно считать такие простые решения, как вынос новых локальностей на новые территории, с тем чтобы любую кажущуюся разумной программу можно было начинать «с чистого листа». Есть, например, поле, а в нем создается локальность в виде круга, напоминающего нам об идеальных городах-утопиях Платона, Кампанеллы или Скамоцци [2]. Круг заселяется, на площади – возникает общественный центр с органом самоуправления, и в результате появляются внятные предпосылки для развития самоуправляемой территории. Наверное, Алан де Боттон [3] поддержал бы эту идею, потому как круг представляется той самой формой, интегрирующие свойства которой выглядят приоритетными по сравнению

с дезинтеграционным мотивом. Вокруг круга – чистое поле, потому что к кругу почти невозможно пристроить стандартный прямоугольный микрорайон. Херцбергер приводит пример круглых китайских домов-поселений [4,5], объединяющим центром которых является внутренняя центральная площадь, и мы видим, что эти «круги» существуют практически как самостоятельные полисы и выглядят как острова среди моря.

В дипломном проекте Вадима Пшеничникова и Ирины Суховой (группа 8Д, руководители Е.Репина и С.Малахов) вновь возникает реплика на идеальный город, на этот раз квадратный, как у Томаса Мора, с артикулированной квадратной сеткой, главной площадью и аттрактивной периферией, придающей компактному поселению под названием Циолковский жутковатое сходство с затерянной цивилизацией или секретным объектом советских времен [6].

Отметим несколько характеристик, присущих приведенным примерам – как неких условий, благоприятствующих процессу саморазвития.

1. Наличие ясной и простой формы периметра территории локальности.
2. Компактность застройки (узкие улицы).
3. Малоэтажность застройки (2-4 этажа).
4. Выделение центра с главной площадью и общественным объектом.

5. Размер, не превышающий дистанции 10-минутной пешеходной прогулки.

В общем и целом подобная модель предполагает бинарную формулу, объединяющую внятную внешнюю границу и артикулированную иерархически организованную структуру. В этом смысле со времен римского военного поселения человечество так, казалось бы, ничего нового не придумало в плане соединения формы и процедур существования относительно независимой локальности. Разница только в том, что в римском военном поселении саморазвитие исключалось, зато поддерживалась строгая иерархия и единоначалие [7].

Тогда нам стоит сделать некоторое различие между самоуправлением и саморазвитием. В поселении, восходящем к жесткой спланированной форме идеального города, саморазвитие может восприниматься как нонсенс, зато самоуправление вполне адаптируется к «идеальной форме» просто в силу того факта, что в ограниченном и структурированном пространстве возможность возникновения соседства не вызывает сомнений. Чем компактнее и качественнее форма поселения, тем выше градус ответственности за его состояние и будущее, легко разделяемое соседями как «общее дело». Ничего этого практически невозможно сделать в микрорайоне с высотной типовой застройкой и отчужденным способом поквартирного расселения обитателей. Пример, доказывающий, что даже в идеальной архитектурной оболочке саморазвитие осуществимо, приводит Херцбергер, демонстрирующий иллюстрации средневекового освоения под жилье внутреннего пространства римских арен (колизеев) в Ниме и в Арле [4].

Более органичной для самоуправления и саморазвития представляется среда исторических кварталов таких городов, как Самара. Этот тип среды объединяет вышеперечисленные качества с рядом уникальных особенностей, таких как, например, разделение кварталов на подворья или «дома-дворы, что позволяет обитателям, собственникам подворий (парцелл) не только объединяться в компактные соседства, но и производить самостоятельную реконструкцию застройки, осуществляя тем самым процесс естественного саморазвития локальности [8].

Саморазвитие – термин, выражающий не просто оригинальную лингвистическую девиацию термина «развитие», без применения которого уже невозможно представить современное общество и его дискуссию по поводу будущего. Саморазвитие подразумевает заботу резидентов

о своей территории, исходя из своих ресурсов, хотя в полной мере рассчитывать на свои и только свои возможности – маловероятный сценарий. Это нереально хотя бы по той причине, что между локальностями мы стремимся создать дистанции, проложить коммуникации, а также реализовать некоторые важные программы, основанные на «вертикальных проектах» (up-bottom).

Поэтому саморазвитие логичнее было бы заменить термином «устойчивое развитие», объединив тем самым разные типы деятельности на территории и вокруг, но тогда исчезает ассоциативное усиление основного смысла, потерявшегося давно под давлением жизнестроительных доктрин модернизма и авторитарных моделей города [9].

В архитектурном формообразовании саморазвитие внутри самарской парцеллы – есть уже свершившийся социокультурный и архитектурный феномен. Отстает самоуправление, но зато «саморазвивается» застройка. Исследование квартала №13 демонстрирует великолепные результаты анонимной архитектуры. В отличие от «идеальных городов» с жесткой архитектурной формой (Леду, Гарнье, Корбюзье) [7, 10, 11] самарские дворы представляют собой «жесткие коды», инициирующие бесконечное число примеров «саморазвивающейся архитектуры».

Проектный сценарий саморазвития на основе самарского двора был представлен в нескольких работах, опубликованных еще в 80-х гг. XXв. Исходной методологической концепцией, связанной с идеей саморазвития и, как следствие, возникновением феномена «естественной формы среды», можно считать «эксперимент естественного моделирования» в квартале №46 в Самаре (журнал «Архитектура СССР», 1985 г.) [12], а также т.н. «Программа «Ковчег», опубликованная позже и основанная на создании идее маневренного жилища внутри подворья [13]. На базе этих двух концепций были разработаны концептуальные проекты для Софийской Биеннале Архитектуры, а в 1991 г. в квартале №79 была сделана попытка и начато строительство маневренного жилого дома «Трилистник».

Практика показывает, что в общем процессе генезиса моделей саморазвития возникает ключевой эпизод, связанный с оппозицией «жесткого по форме профессионального проекта» и «сложного по реакции анонимного изменения среды». Анонимную реакцию [14, 15], проще говоря – самострой, можно заменить на «архитектора квартала», как это предлагалось в эксперименте с кварталом №46. На Западе еще в 70-х, благодаря Роду

Хэкни, позже – Ричарду Хэтчу [16], Кияненко [17] и другим, этот процесс получила название «партисипация» (соучастие), или «социальная архитектура». В этом случае процесс саморазвития в архитектурном смысле переходит на уровень опосредованного диалога «профессиональных проектов»: “up-bottom” “bottom-up”. Самоуправление – внутренняя организационная подоплека саморазвития – обеспечивается в самарских дворах за счет существования небольших соседств, где люди хорошо знакомы друг с другом [18].

Следовательно, смысл концепции саморазвития при создании проектов для новых территорий, заключается, во-первых, в ограничении размера соседства (возможен вариант с «системой соседств» внутри локальности, как это происходит в самарском квартале, с последующим делегированием полномочий на уровень самоуправления кварталом); а во-вторых – в бинарной оппозиции внятного по форме периметра и структуры, включающей общественное пространство локальности [19].

Добавим в итоге, что архитектура должна создавать организованную среду, в которой «овеществляются принятые обществом ценности». Свои функции архитектура осуществляет через формообразование. Возникая через непрерывный процесс формообразования, архитектура получает качества, транслируемые извне не только обстоятельствами «культурного конфликта» проектов, но социологией, психологией, культурологией, семиотикой. Особое значение для архитектуры имеет формирование городской среды, воплощающей связь прошлого, настоящего и будущего и определяющей особенный образ данного города, позволяя ему при происходящих с ним изменениях оставаться, тем не менее, самим собой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим. Московский Урбан-Форум. М., 2014.
2. Малахов С.А., Никонов К.Н. ГИЭПОЛИС. Гармоничное и эффективное поселение / СГАСУ. Самара. 2014.

3. *Боттон Ален де*. Архитектура счастья. Как обустроить жизненное пространство. М.: Классика-XXI, 1913.

4. *Hertzberger Herman*. Projekte. Projects. 1990-1995. Rotterdam: Verlag 010 Publishers

5. *Hertzberger Herman*. Lessons for Students in Architecture. Rotterdam: Verlag 010 Publishers, 1991.

6. Малахов С.А., Репина Е.А. Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной. 1999- 2014. Екатеринбург: Издательство ТАТЛИН, 2014.

7. *Саваренская Т.Ф.* Западноевропейское градостроительство XVII-XIX веков. М. : Стройиздат, 1987.

8. Малахов С.А. Самарский двор – средовой и социокультурный феномен The Samara Courtyard – an Environmental and Socio-Cultural Phenomenon // Самара: Наследие под угрозой \ Samara: Endangered City on the Volga. Самара, ООО «Издательский дом «Агни», 2009.

9. Sustainable Urbanism and Beyond. Rethinking Cities for the Future. Edited by Tigran Haas. N.Y. RIZZOLI, 2012.

10. *Корбюзье Ле*. Три формы расселения. Афинская хартия. М.: Стройиздат, 1976.

11. *Бархин М.Г.* Город, структура и композиция. М.: Наука, 1986.

12. Малахов С.А., Яковлев И.Н. МЕМ и РЕКС. Квартал – эксперимент естественного моделирования // Архитектура СССР. №5, сент-окт. 1985. С.83-88.

13. Малахов С.А. Десять лет спустя: проблемы реализации программы «Ковчег» // Проблемы реконструкции исторических центров. крупных городов России, 6 - 9 сентября. Нижний Новгород, 1994.

14. *Репина Е.А.* Значение категории «случайность», «спонтанность» в научно-естественном и постмодернистском дискурсах и в современной архитектуре // Вестник ОГУ. Оренбург, 2015. №5 (180). С. 175-183.

15. The Spontaneous City. Urhahn Urban Design. BIS PUBLISHERS. Amsterdam, 2010.

16. The Scope of Social Architecture. Edited by C. Richard Hatch. Published by Van Nostrand Reinhold Company Inc., 1984.

17. *Кияненко К.В.* Общество, среда, архитектура. Вологда: ВоГУ, 2015.

18. Малахов С.А., Репина Е.А. Стратегия бесконфликтной реконструкции исторической среды на примере города Самары // Вестник ОГУ. №5. Оренбург, 2015.

19. Малахов С.А., Репина Е.А. Острова идентичности (статья) . Проект Волга\ProjectVolga. 2008. № 16\17.

Для ссылок: Малахов С.А., Адамова Е.А. Проблемы развития территории и бинарная организация ее формы // Innovative Project. 2016. T.1, №2. С. 82-84. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.12

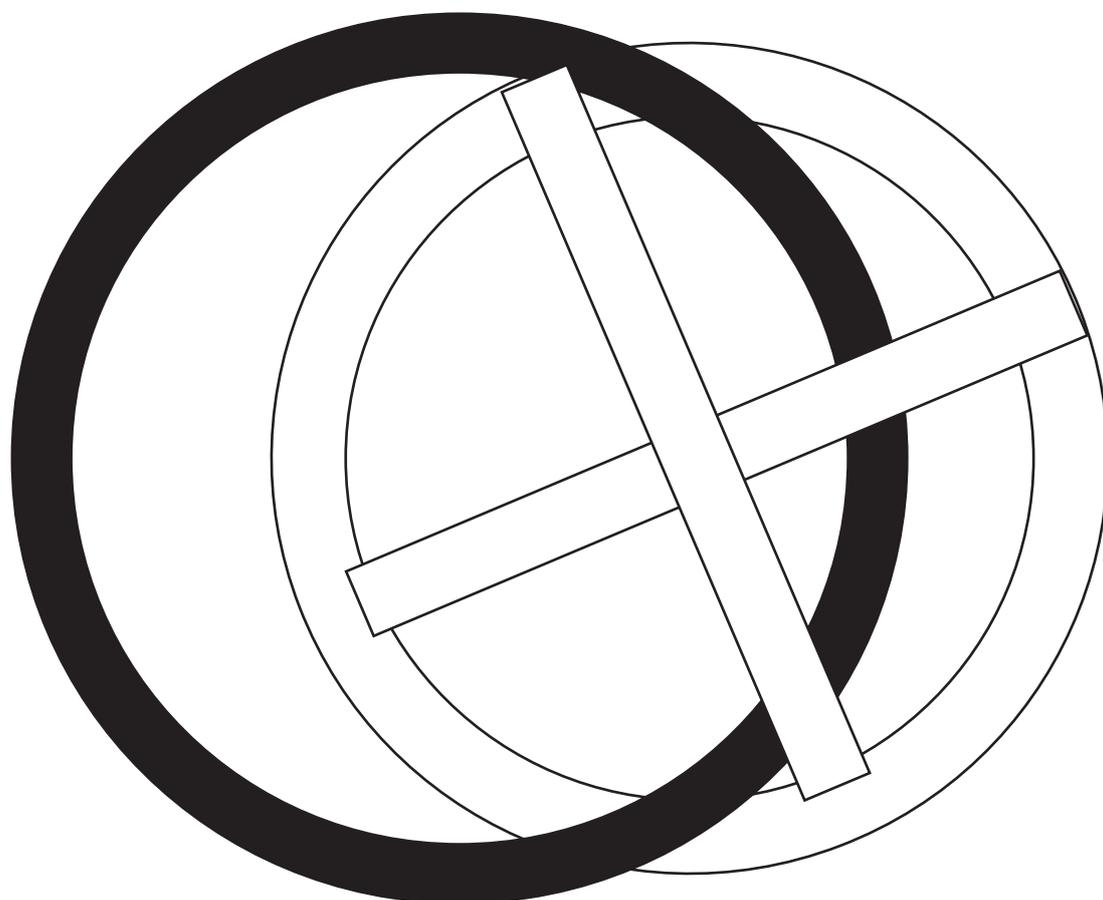
For references: Malakhov S., Adamova E. The problems of territory development and the binary organization of its form. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 82-84. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.12

5

85-98

ГОРОД ВНЕ ГОРОДА

CITY WITHOUT THE CITY

Михайлова Е. А.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Mikhailova Ekaterina

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ДОМОВ НА ВОДЕ В НИДЕРЛАНДАХ
ARCHITECTURAL PLANNING AND ENGINEERING FEATURES
OF WATER HOUSES IN THE NETHERLANDS

Обоснована актуальность формирования типологии жилища на воде. Детально рассмотрена проблема освоения береговых территорий и акваторий в Нидерландах. Рассмотрены способы защиты территорий от затопления и подтопления, применяемые в Нидерландах. Проанализированы основные нормативные, экономические, архитектурно-планировочные, инженерные требования к проектированию и строительству на береговых территориях и акваториях в Нидерландах. Рассмотрены примеры зданий и комплексов на береговых территориях и акваториях. Описаны основные особенности проектирования домов на воде. Выявлена архитектурно-планировочная и инженерно-техническая специфика проектирования домов на воде. Предложена классификация факторов, влияющих на проектирование и строительство домов на воде.

The urgency of creating the typology of houses on water is justified. The article examines the problem of the development of coastal areas in the Netherlands. The ways to protect areas from flooding used in the Netherlands are discussed. The basic regulatory, economic, architectural planning and engineering requirements for the design and construction in coastal areas in the Netherlands are analyzed. The examples of buildings in the coastal areas are described. The architectural planning and engineering features of the house design on water are revealed. The authors present the classification of the factors affecting the design and construction of the houses on water.

Ключевые слова: архитектурно-планировочные особенности, инженерная защита территорий, затопляемые территории, береговые территории, Нидерланды, плавучие дома, акватория, польдер, дамба.

Keywords: planning features, engineering protection of areas, flooded areas, coastal areas, the Netherlands, houseboats, water area, polder, dam.

Освоение береговых территорий города всегда находилось на грани между их выгодным расположением и их близостью к порогу затопления. Освоение береговых территорий и сейчас представляет большие трудности в связи со сложностью инженерно-технических решений для их защиты от затопления и подтопления. Тем не менее, обращаясь к современному опыту проектирования и строительства в подобных сложных условиях, мы видим, что создание комфортной жилой среды на стыке двух стихий не только возможно, но и имеет ряд преимуществ. Более подробно этот вопрос следует рассмотреть на примере водной архитектуры Нидерландов [1]. За многолетнюю историю своего существования государство выработало множество конструктивных и архитектурно-планировочных решений для борьбы с постоянными наводнениями, вызванными густой речной сетью и обилием прибрежных низменностей.

Плотно населенные насыпи в Гронингене и деревни на острове Маркен (рис.1,2), а также старые дома, построенные на речных дамбах, наглядно свидетельствуют о том, как люди в Нидерландах

в прошлом научились приспосабливаться к повышению уровня воды. Типология жилищ на воде с тех пор значительно расширилась [2].

Прогнозы экстремальных изменений погоды и климата, а также масштабные стихийные бедствия, такие как ураган Катрина, переориентировали внимание на безопасность жизни у воды. В Нидерландах на протяжении многих столетий эту проблему решали за счет строительства польдеров (польдер (нидерл. polder) — осушенный и возделанный низменный участок побережья). Польдеры обычно располагаются на месте низменных заболоченных морских побережий — маршей, часто ниже уровня моря, защищены от моря или других окружающих водоёмов валами, дамбами и другими гидротехническими сооружениями от затопления морскими и речными водами. Уровень грунтовых вод в польдерах регулируется дренажными устройствами, часто с машинной откачкой воды. Определенные области в Нидерландах можно разделить на те, на которые оказывает влияние Северное Море, те, на которые влияют реки, и те, на которые влияют как приливы и отливы, так и реки. В последней категории

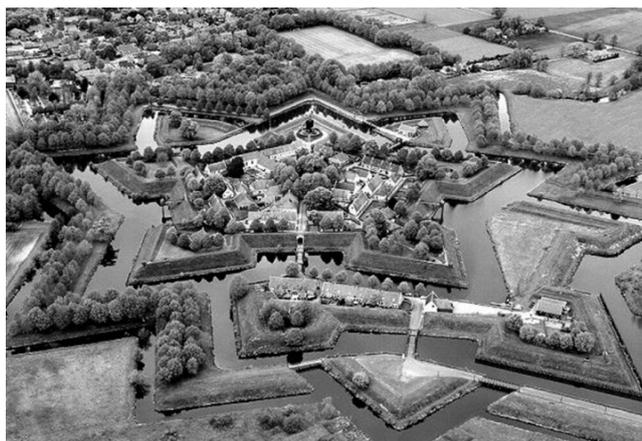

Рис. 1. Намывные территории в г. Гроннинген

уровень воды может повышаться очень значительно. В Нидерландах принимается много дополнительных мер для защиты или использования в своих интересах подъема уровня воды.

Старейшие защитные меры в Нидерландах – это возведение дамб и насыпей. Защищенная от затопления территория использовалась для строительства жилищ на воде. Ответственность в случае наводнения уже давно является темой политических дебатов. Если риск ущерба в районах, подверженных наводнениям несут частные лица, то защищенные от затопления здания, в которых возможные повреждения сведены к минимуму, становятся коммерчески интересными. Нагрузка на голландские дренажные системы водоснабжения и канализации постоянно возрастает. Нынешняя политика правительства заключается в том, чтобы организовать особую систему сбора дождевой воды с ее постепенным отводом на локальном уровне, что должно существенно облегчить нагрузку на дренажную систему города.

Закон требует, чтобы 10 % площади в новых жилых комплексах было отведено для сдерживания дождевой воды, что предлагает новые возможности для строительства домов на воде. Использование водных ресурсов теперь, когда сохранение воды и размещение жилья предполагается вести совместно и на одной территории, становится все более привлекательным для застройщиков. Пока необходимость сохранения воды и жилья увеличивается в Нидерландах, где земли мало, само собой разумеется, что обе программы будут все больше накладываться друг на друга, обеспечивая весомые аргументы в пользу роста строительства водных жилищ. Открытая вода создает особую среду, открывая большие возможности для создания интересных пространств и видовых точек. Жизнь на воде становится настолько популярна,

Рис. 2. Деревня на о. Маркен, Нидерланды

что при перепродаже стоимость таких домов становится выше стоимости домов на берегу.

Широкий канал позади дома создает ощущение пространства и образует естественный барьер между участками. Использование поверхности водоемов для строительства возможно и в городских районах. Повышенная привлекательность жизни на воде после столетий борьбы с затоплением показывает: население чувствует, что уровень воды в настоящее время находится под контролем. Строительство канализации и водоочистных систем, а также правила, регулирующие работу тяжелой промышленности, привели к тому, что каналы и реки уже не являются открытыми канализационными системами. Территории вдоль каналов, ранее занятые промышленными объектами, все больше переформируются в пешеходные зоны набережных. Многие голландские города, центры которых находятся на воде, исторически ориентированы только на один берег, потому что вода выступает в качестве естественного барьера. Сейчас существует тенденция освоения противоположных берегов рек. Она диктует необходимость разработки жилищ на воде между двух берегов.

На протяжении веков, голландцы боролись за контроль над затоплением; растущее население и нехватка сельскохозяйственных земель привели к осушению и рекультивации больших водоемов. Сегодня в крупных городах поверхность воды рассматривается как дополнительное пространство, создаются песчаные насыпи, например, при создании Maasvlakte Tweede в Роттердаме (рис.3,4) и нового района Айбург (Ijburg) в Амстердаме (рис.5). Здание Silodam в гавани Амстердама (рис.6) стоит над водой на бетонных сваях, забитых в дно, что помогло избежать затрат на намыв земли.

Проектирование жилых акваторий открывает дальнейшие преимущества жизни на воде. Мо-

Рис. 3,4. Проект расширения портовой территории Роттердама *Maasvlakte Tweede*

бильность плавающих домов создает определенную степень свободы; владельцы плавающих домов могут перевозить их с помощью буксира из одного города в другой.

В районе *Naarlemmermeer* муниципальные организации хотят использовать дополнительно пресную воду в качестве защиты против роста просачивания морской воды; большой уровень воды в польдере должен помочь предотвратить осадку грунта, что происходит в случае, когда торф на поверхности осушенного польдера вступает в контакт с воздухом, высыхает и дает усадку.

Масштабные планы показывают, что рост и структурные улучшения существующей системы водного транспорта могут открыть много мест, которые интересны, но труднодоступны, что делает их привлекательными для освоения.

Жизнь на воде по-прежнему кажется многим специфической и пугает необходимостью постоянного контакта с водой, и по этой причине разработка типологий дома на воде все еще находится на ранней стадии развития, еще не имеет такой же экономической целесообразности, как дома на берегу. Но с развитием новых технологий и популяризацией жизни на воде, а также наличием большого числа заказов на проектирование такого рода объектов в Нидерландах, очевидно, что их число может только расти.

Существует также ряд недостатков жизни на воде, а именно ограниченная доступность причалов и статус движимого имущества, которые рассматриваются как препятствия на пути к финансовой устойчивости плавающего размещения, что затрудняет обеспечение ипотеки. Есть технические трудности, такие как чрезмерная осадка дома, крен или протечка, а также постоянный контакт с водной средой. Такие проблемы несут технический характер и могут быть легко решены за счет применения различных конструктивных и

архитектурно-планировочных решений [3], которые будут рассмотрены ниже.

Плавающий объект в ходе эксплуатации находится в постоянном контакте с водной средой и подвержен таким рискам, как затопление, воздействие волн, льда, ветра, течения и т.д. Все это является важными аспектами проектирования. Вероятность того, что плавучее основание может утонуть из-за волн либо столкнуться с берегом или кораблем вынуждает разработчиков учитывать множество факторов при подборе оптимальных конструктивных решений. При проектировании оснований предпочтение отдается понтонам, состоящим из нескольких полых резервуаров. При такой конструкции риск потопления значительно понижается, так как вероятность того, что все отсеки залет одновременно, очень мала.

Защита от волн

В жилых районах волны, как правило, умеренные, но на открытой воде и в экстремальных условиях они могут достигать до 1,5 м. Продольные набережных или волнорезы представляют существенную защиту, топь или кустарник перед домом может снизить риск затопления (прил., рис.1).

Стабильность, степень наклона и правильное размещение балласта часто используются как синонимы, но на самом деле это разные показатели, они взаимосвязаны. Стабильность отвечает за то, чтобы объект не перевернулся. Чем ниже центр тяжести и чем больше масса, тем стабильнее объект будет в воде. Большие, плоские поверхности достаточно стабильны. Если объект не уравновешен, то он не может ровно и без колебаний стоять на воде. Отметка пола не будет полностью горизонтальной, что приведет к дискомфорту и неприятным ощущениям жильцов. Направление ветра и геометрия дома могут влиять на устойчивость сооружения. Любой дисбаланс может быть исправлен путем перераспределения массы жи-

Рис. 5. Район Айбург (Ijburg), Амстердам.

Рис. 6. Жилой комплекс Silodam, Амстердам

лица, например, путем перераспределения воды в балластах или, при необходимости, добавления дополнительных плавучих емкостей.

Гибкие кабели и трубы

Для учета изменений в уровне воды инженеры используют гибкие и удлиненные кабели и трубы для подключения плавучих домов или домов-амфибий к стационарным инженерным сетям. Водоснабжение и обеспечение электричеством не вызывают затруднений, но устройство канализации требует более сложных конструктивных решений. Гибкая труба канализации должна быть оснащена системой очистки сточных вод от твердых веществ перед поступлением в трубу (прил., рис.3).

Швартовочные столбы

Плавающий дом находится в непосредственном контакте с водой. В связи с этим существует множество нюансов, связанных с раскачиванием конструкции из-за волн, шум, возникающий при столкновении с осколками льда, скрип, возникающий внутри дома при его вмержании в лед в зимний период. Некоторые жители считают это особым очарованием жизни на воде, для других же это становится проблемой. Разработано множество технических решений и устройств, чтобы облегчить дискомфорт «плавучей жизни». Крен и качка, например, могут быть предотвращены путем жесткого присоединения структуры к швартовочному столбу (прил., рис.4).

Высота швартовочных столбов определяется ожидаемым колебанием уровня воды, который может быть больше пяти метров. Столбы могут быть скрыты в конструкции дома.

Заводское изготовление

Если водная территория, предназначенная для размещения жилого района, имеет связь с сетью водных путей, то жилые дома могут быть сборными и буксироваться от места сборки до конечного их расположения, как это произошло с большинством сооружений в комплексе Steigereiland в Айбурге (Ijburg). В этом случае все постройки должны соответствовать размерам шлюзов и мостов, встречающихся на водном пути. Каждая единица должна быть достаточно устойчивой и стабильной для буксировки (прил., рис.5).

Водонепроницаемые насыпи

Защищенные от затопления насыпи должны иметь идеальный уклон в сторону воды, который обеспечивает моментальный отток воды вместе с понижением общего уровня. Растения и материалы должны быть выбраны с учетом возможности затопления; использование растений, которые не смогут выжить после затопления, и материалов, которые с трудом поддаются очистке, ведет к дополнительным затратам и обслуживанию, когда уровень воды поднимается.

Паводок

Паводок может иметь серьезные последствия, потому что качество поступающей воды может быть плохим. Территории мелководья могут удвоиться в условиях паводка. Поскольку водная экосистема с большим трудом справляется с последствиями наводнения, специальное повышение уровня воды используется только в тяжелых чрезвычайных ситуациях.

Конструктивные и архитектурно-планировочные особенности домов на воде

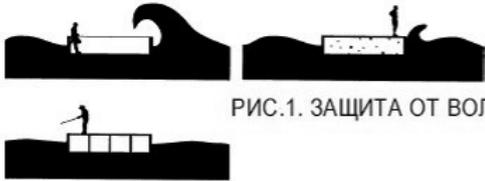

РИС.1. ЗАЩИТА ОТ ВОЛН

РИС.3. ГИБКИЕ КАБЕЛИ И ТРУБЫ

РИС.5. ЗАВОДСКОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ

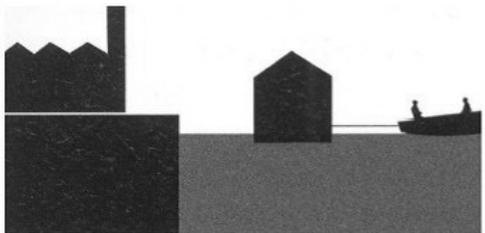
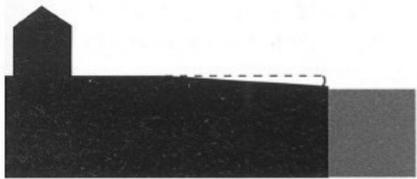

РИС.6. ВОДОНЕПРОНИЦАЕМЫЕ НАСЫПИ

УЧЕТ УРОВНЯ ПАВОДКА

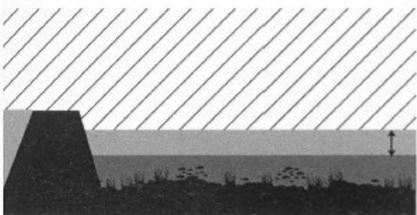

РИС.7. ПЕРЕКРЕСТНЫЕ СВЯЗИ

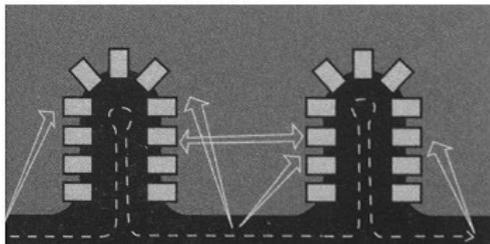

РИС.2. УСТОЙЧИВОСТЬ И БАЛЛАСТ

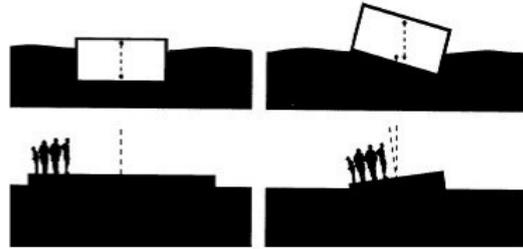
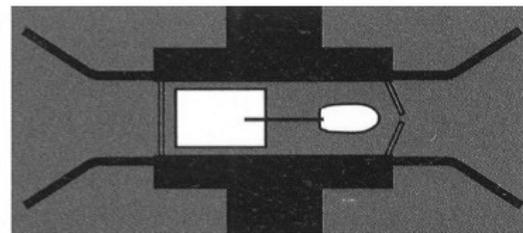
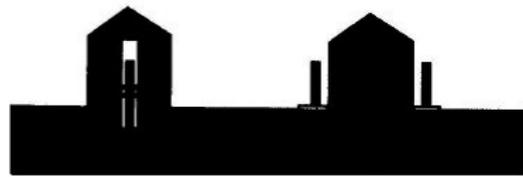
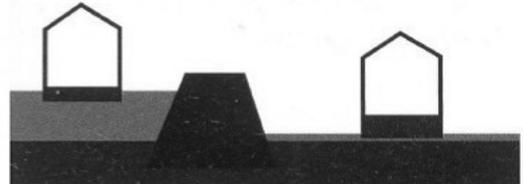

РИС.4. ШВАРТОВОЧНЫЕ СТОЛБЫ

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОНТОНОВ

ОЗЕЛЕНЕНИЕ

Озеленение

На большой глубине в качестве мер озеленения может быть использован тростник, посаженный в плавающие боксы. Деревья, которые часто используются для обеспечения конфиденциальности и тени на земле, являются проблематичными на плавающем фундаменте из-за их высокого центра тяжести. Маленькие острова, пристани, косы и специально разработанные конструкции приспособляются для содержания деревьев (прил., рис.6).

Свет и звук

При проектировании на воде необходимо учитывать дополнительный свет, который отражается от воды. Если дом находится близко к воде, то отражение в солнечный день будет играть существенную роль в освещении внутреннего пространства. Звук также имеет свои особенности; над водой он распространяется гораздо быстрее и дальше, соседство не должно быть слишком близким, соответственно расстояние между домами на воде должно быть больше, чем на суше.

Перекрестные связи

Связь между двумя косами или пристанями может превратить водное пространство в сеть маршрутов. Такие поперечные коммуникации часто создают визуальное и физическое разделение между внутренними водными путями и открытой водой, что препятствует свободному передвижению лодок, которые пришвартованы во внутреннем водном пространстве. Плюс таких связей в том, что они повышают пожарную безопасность, так как сеть маршрутов увеличивает количество путей эвакуации (прил., рис.7).

Стоит отметить, что в ходе анализа опыта проектирования и строительства зданий и комплексов на береговых (в том числе затопляемых) территориях было выявлено пять групп факторов, влияющих на проектирование объектов на воде. Архитектурно-планировочные и конструктивные факторы рассмотрены в данной статье, природно-климатические, инженерно-технические, градостроительные и эстетические рассмотрены в других публикациях автора.

Изучение и систематизация передового опыта Нидерландов в области проектирования и строительства на воде может помочь в решении аналогичных проблем береговых территорий во всем мире и, в частности, в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михайлова Е.А. Архитектурно-планировочные особенности проектирования в условиях затопляемых территорий в городах Нидерландов // Строительство и реконструкция. 2016. №№5 (67). С. 92-98.
2. Anne LoesNillesen, Jeroen Singelenberg Waterwonen in Nederland.- Rotterdam: NAI Uitgevers, 2011.
3. Михайлова Е.А. Градостроительные особенности проектирования архитектурных объектов на затопляемых береговых территориях в Нидерландах // Архитектон: известия вузов. Март 2016. №53. С. 3.
4. SPEECH: Вода. 2011. №7. 260 с.
5. DefactoArchitecture&Urbanism [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://d.efac.to/en/urbanism>
6. Donald Watson, Design for Flooding: Architecture, Landscape, and Urban Design for Resilience to Climate Change/ Watson D. USA: Wiley & Sons Inc., 2011. 310.
7. Koen Olthuis, Float!: Building on Water to Combat Urban Congestion and Climate Change/ Koen Olthuis. Amsterdam: Frame Publishers, 2010. 304.
8. Защита от наводнений в Нидерландах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/Защита_от_наводнений_в_Нидерландах.

Для ссылок: Михайлова Е.А. Архитектурно-планировочные и инженерно-технические особенности домов на воде в Нидерландах // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 86-91. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.13

For references: Mikhailova E. Architectural planning and engineering features of water houses in the Netherlands. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 86-91. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.13

Репина Е.А., Гайдина В. С.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Repina Eugenia, Gaydina Vasilisa

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАССОВОГО ЖИЛЬЯ И РОЛЬ ТРУЩОБ MODERN MASS HOUSING PROBLEMS AND THE ROLE OF SLUMS

Целью работы является исследование проблем типового панельного микрорайона, предлагающего горожанам очень низкое качество среды. Незаметное ухудшение жизни в спальнях районах приводит к тому, что люди почти не задумываются над проблемами в виде отсутствия капитального ремонта многоквартирных домов. Однако государственные власти не озабочены исследованием качества жилья, а строительные компании возводят новые, схожие с советскими микрорайонами, где горожан как потребителей никто не воспринимал. Все люди являлись средним классом. Структура микрорайона разрушилась с распадом Советского Союза. В мире давно существует практика квартальной застройки, отказ от плановых ограничений, чтобы люди сами решали, каким должен быть квартал, в котором они живут.

The purpose of this research is to investigate the problems of a typical panel micro-district, which offers residents a very low quality of environment. Imperceptible deterioration of living standards in residential districts leads to the fact that people almost never think about such problems as the lack of capital repairs of apartment buildings. However, public authorities are not concerned about researching the quality of housing, and construction companies build new micro-districts similar to the Soviet ones where residents were not treated as consumers. All people were middle class. The micro-district structure collapsed together with the collapse of the Soviet Union. In the world there exists the practice of block development, planning restrictions are abandoned so that people can decide for themselves what the block in which they live should be like.

Ключевые слова: проблемы массового жилья, типовая застройка, кварталы как альтернатива типовой застройке, роль трущоб

Keywords: mass housing problems, typical development, blocks as an alternative to typical development, role of slums

Современной проблемой массового жилья является типовой панельный микрорайон, предлагающий горожанам очень низкое качество среды. С каждым годом жизнь в спальнях районах незаметно ухудшается: транспортная обстановка становится сложнее, социальная инфраструктура всё менее разнообразной, стоимость услуг ЖКХ растёт при снижении качества, у жителей нет денег на капитальный ремонт многоквартирных домов, государство расходует средства неэффективно. И что самое интересное, сами жители микрорайонов часто не замечают проблем и почти не задумываются над ними. При этом ни строительные компании, ни государственные власти серьезно не заинтересованы в исследовании качества жилья типовых многоквартирных застроек. Таким образом, существует кризис не только массового жилья, а также и осознания проблем [1].

Рассматривая инфраструктуру типового жилья, можно заметить, что сама по себе идея строительства микрорайонов не являлась плохой. Это такой «город в городе», в котором есть все необходимое. Причём строились все микрорайоны по стандартной схеме равноудалённости социальных объектов от жилья. Но структура микрорайона разруши-

лась с распадом Советского Союза: строительство социальной инфраструктуры, как и строительство жилых зданий, перешло в руки инвесторов, а к сопутствующему строительству они не всегда относились и относятся внимательно, потому что такая система не приносит быстрых денег. Ещё одна существенная проблема — советские микрорайоны были рассчитаны на «среднего жителя». О горожанах как потребителях тогда никто не думал, не было и запроса на какие-то специфические услуги. В каждом микрорайоне открывалась булочная, детский сад и пр. Соответственно районы были достаточно близкими и универсальными. Сейчас ситуация в корне изменилась. Также застройка считалась временной. Первые микрорайоны строились с расчётом на 25 лет. Никто не планировал строить целые города из микрорайонов. Главная задача была в том, чтобы построить что-то быстро и дёшево [2,3].

Как альтернатива типовой застройке является, по мнению Уильяма Х. Уайтат, отказ от плановых ограничений, чтобы люди сами решали, каким должен быть квартал, в котором они живут. Так как результат самостоятельного строительства жителей может быть интереснее и сложнее,

чем плод воображения одного архитектора [4, 5]. В Западной Европе городские планировщики поняли преимущества квартальной периметральной застройки уже давно. После того, как теоретики урбанизма эпохи постмодернизма от Альдо Росси и Роба Крие до Рема Колхааса провозгласили превосходство квартальной структуры над идеями деятелей CIAM, пропагандировавших свободно стоящие здания в открытом пространстве, городские планировщики вновь обратились к традиционному городскому кварталу как наилучшему способу разграничения общественных и частных пространств [6]. Город, состоящий из плотно застроенных кварталов, окруженных улицами, безопасен, так как граница между общественным и частным четко определена. Кроме того, подобный подход решает проблему монофункциональности, свойственную модернистской застройке, ибо такой город допускает возможность пересечения частной и общественной программ. В отличие от типового здания, производимого в массовом порядке и индифферентного по отношению к окружающему контексту, городской квартал определяется периметром, который может быть тщательно подогнан под размеры конкретного участка. Например, в районе Алмере – на окраине Амстердама уже проводится эксперимент по квартальной застройке. Нидерланды – одна из самых густонаселенных стран в Европе, и для удовлетворения ее потребностей буквально каждый клочок земли необходимо учитывать и рационально использовать, но здесь думают по старинке: наилучший способ движения вперед – это разрешать людям самим строить себе дома [7-12].

Также существует обратная сторона медали, другая крайность и проблема – трущобы. Однако, несмотря на беспокойность, беспорядочность, обветшалость таких неформальных поселений, можно назвать их самодостаточными и самоорганизованными, где самодеятельные урбанисты способны преподнести свои уроки профессионалам. Хочется отметить таких активных поселенцев в Лагосе, Макоко (Нигерии), Рио-де-Жанейро с его фавелами, сельскохозяйственных коммунах в странах Латинской Америки [13].

Существует пример мумбайских трущоб Дхарави, которые за последние несколько лет приобрели почти мифический статус. Этот район стал не только символом неспособности города реагировать на основные потребности своих жителей, но и готовности мумбайцев самим решать свои проблемы. Оценки состояния Дхарави обычно

колеблются между отвращением и восхищением, противоречивые эпитеты, которыми его награждают от «грязного» и «отсталого» до «неунывающего», «смелого» и «крайне жизнеспособного». И что же такое трущобы – некая крайность, необходимая городу? Место, нуждающееся в срочном радикальном вмешательстве? Или же нужно просто попытаться понять органику и с помощью хорошо дозированных интервенций улучшить условия жизни настолько, что у людей появится возможность вырваться из нищеты и интегрироваться в общество, как считает, например, одна из исследовательских групп URBZ. Их исследования и наблюдения показали, что для жителей района Мумбая трущобы находятся всегда в другом месте, а вовсе не у них дома. Только поняв, как те, кто работает и живет в трущобах, создают для себя совершенно отдельную реальность, архитекторы, урбанисты и политики могут получить подсказки, как конструктивно взаимодействовать с Дхарави. Сами жители Мумбая часто видят город через чёрно-белую призму «или отсталые трущобы, или современные высотки», но для того, чтобы Дхарави смог реализовать свой потенциал и стать частью большого города, этот взгляд надо изменить. Еще самым ярким и в то же время характерным является проект берлинцев Йорга Стролмана и Райнера Хейля «Сквот», предполагающий создание в Интернете социальной сети, объединяющей жителей неформальных поселений и трущоб всего мира, с тем чтобы они могли обмениваться наиболее удачными приемами строительства хижин и навыками борьбы за свои права [14,15].

Таким образом, самостоятельное строительство позволит создать более сплоченные в социальном и экономическом планах города, жители которых будут иметь куда более прочную связь с тем, что их окружает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чамалева Н., Саранулова О. Как город движется к жилищному коллапсу. URL <http://www.the-village.ru/village/city/citizens-as-customers/115189-zaschitadiploma-kak-gorod-dvizhetsya-k-zhilischnomu-kollapsu>.
2. Новиков А. Передвижной микрорайон для мигрантов URL <http://www.the-village.ru/village/city/citizens-as-customers/114703-migranty>.
3. Репина Е.А., Рыбакова Д.И. Человек и микрорайон: проблематика // Innovative Project. 2016, Т.1, №2. С.74-75. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.9
4. Малахов С.А., Репина Е.А. Стратегия бесконфликтной

реконструкции исторической среды на примере города Самара // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 5 (180). С. 169-174.

5. Малахов С.А., Яковлев И.Н. МЕМ и РЕКС. Квартал - эксперимент естественного моделирования // Архитектура. Строительство. Дизайн. 1985. № 5. С. 83-88.

6. Ложкин А.Ю. Очерки о городской среде. URL: http://archi.ru/press/russia/theme_current.html?tid=119

7. Холлис Л. Города вам на пользу: Гений мегаполиса / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

8. Репина Е.А. Значение категорий «случайность» и «спонтанность» в научно-естественном и постмодернистском дискурсах и в современной архитектуре // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 5 (180). С. 175-183.

9. Малахов С.А., Репина Е.А., Гниломедов А.С., Стадников В.Э. К настоящему городу. Институт города о путях спасения старой Самары // Интернет-журнал «Другой город». URL <http://drugoigorod.ru/spr/>

10. Малахов С.А., Репина Е.А., Гниломедов А.С., Стадников В.Э., Горина К., Первова Д. Улица покупает и продает. Институт города о развитии общественных пространств Самары // Интернет-журнал «Другой город». URL http://drugoigorod.ru/spr_street_retail/

11. Малахов С.А., Репина Е.А. Идеальный дом и идеальный город: оппозиция методологических парадигм, а не категорий архитектурной историографии // Научное обозрение. 2015. № 9. С. 370-373.

12. Open City: Designing Coexistence. Catalogue Architecture Biennale Rotterdam. 2009.

13. Репина Е.А., Гайдина В.С. Самострой как «настоящий город»? // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство / СГАСУ. Самара, 2016. С. 151-155.

14. URБZ «Трущобы снаружи: реконструкция Дхарави» URL <http://strelka.com/ru/videos/event/2013/09/04/the-slum-outside-reconstructing-dharavi>.

15. Marcos L. Rosa, UTE WEILAND (ED.): Handmade urbanism. From Community to Participatory Models. М.: Jovis, 41 с.

Для ссылок: Репина Е.А., Гайдина В.С. Современные проблемы массового жилья и роль трущоб // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С. 92-94. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.14

For references: Repina E., Gaydina V. Modern mass housing problems and the role of slums.. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 92-94. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.14

Репина Е.А., Романова Д. Н.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Repina Eugenia, Romanova Daria

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ
НА ПРИМЕРЕ КВАРТАЛОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА САМАРЫ
INVESTIGATION OF LANGUAGES OF NON-PROFESSIONAL ARCHITECTURE CONSIDERED ON THE
EXAMPLE OF QUARTERS IN THE HISTORICAL PART OF SAMARA

На сегодняшний день проблема уничтожения старого города особенно актуальна. С точки зрения авторов, естественно сложившаяся историческая среда обладает скрытыми ресурсами, актуализация которых могла бы положительно повлиять на развитие городской среды, раскрыть потенциал территории, сформировать положительный образ как для туристов, так и для самих жителей. Анонимная архитектура, являясь источником культурных смыслов, могла бы стать таким ресурсом. В статье рассматривается специфика языка самодеятельной архитектуры в исторической среде. Исследование выполнено в рамках студенческого проекта, в качестве объекта выбран фрагмент улицы и прилегающие к ней кварталы в исторической части города.

Nowadays the problem of the destruction of historical Samara is particularly current. From the authors' point of view, naturally established historical environment possesses hidden resources. Their implementation could have a positive impact on urban area development revealing territory potential and forming a positive image of the city both for tourists and citizens. Being a source of cultural senses anonymous architecture could become such a resource. This paper examines the specificity of semiotics of self-built architecture in the historical part of the city. The research was made within the student's project. The street fragment and adjoined quarters in the historical part of the city were chosen as an object of study.

Ключевые слова: архитектурная коммуникация, анонимная архитектура, вернакулярная архитектура, архитектурная семиотика, «вынужденный дизайн», обыденность

Keywords: architectural communication, anonymous architecture, vernacular architecture, architectural semiotics, «forced design», everyday life

Самодеятельная архитектура в российских городах составляет от 40 до 80 % и типология ее разнообразна: дачи, коттеджи, «странные объекты», частный сектор в городской черте, дореволюционная мещанская застройка, самодельное благоустройство, пригородное строительство, придорожные и прибрежные постройки, сельские дома, сезонные сооружения и т.д. [1]. Каждый из этих типов представляет собой обширное поле для исследования как с точки зрения формальных, так и с точки зрения языковых возможностей [2]. В данной статье речь пойдет об исследовании языков анонимной архитектуры в исторической среде города Самары. В ситуации, когда происходит уничтожение

естественно сложившейся исторической среды, а вместе с этим уникальных средовых феноменов и образа жизни, поиск и актуализация скрытых ресурсов, позволяющих оживить территорию, представляется актуальной задачей. Анонимная архитектура, являясь источником культурных смыслов, отражением русской ментальности и образа жизни, может стать таким ресурсом [3].

Совместно с группой студентов было проведено исследование языков анонимной архитектуры в исторической части города. В качестве объекта было выбрано 8 кварталов, прилегающих к улице Молодогвардейской. Первая часть задания заключалась в подробной, почти документальной

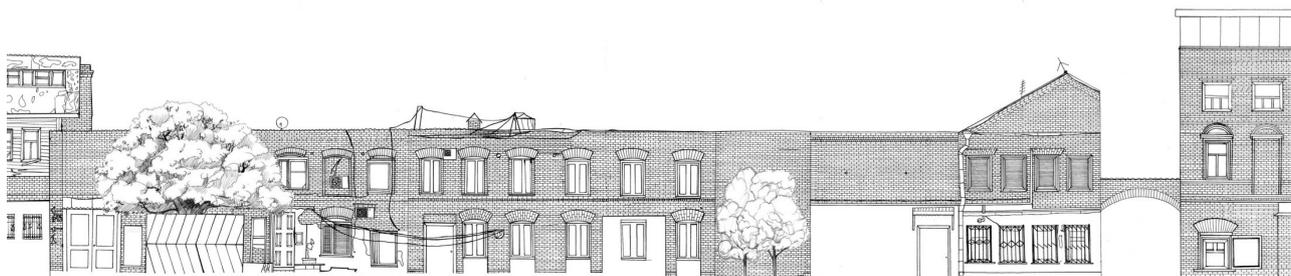
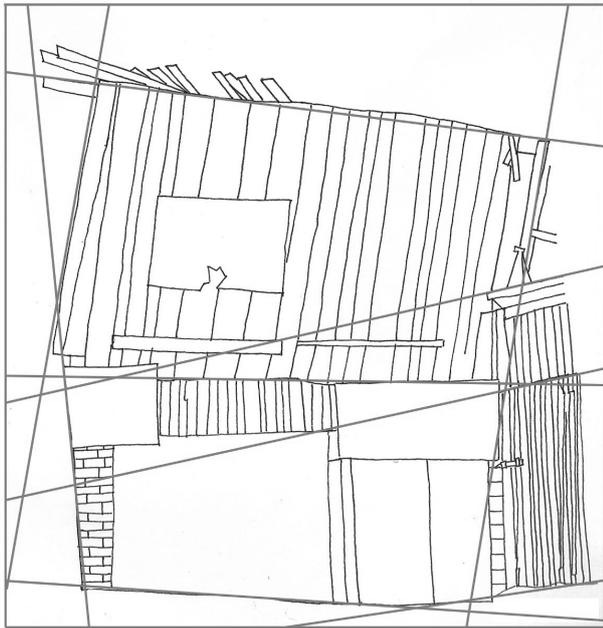

Рис. 1. Графическая репрезентация самарского двора. Работа студентки Ю. Коротких

Объект №5-Спуск

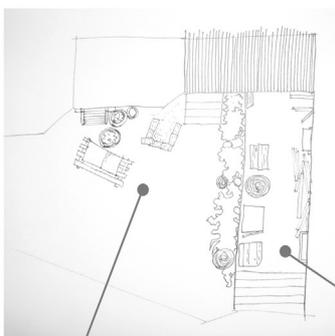
Молодогвардейская 42

Павлова Екатерина

Принцип "Сцена"

Принцип "Сцена"
 Вся наша жизнь - игра, а люди в ней - актеры.
 Принцип представляет собой сложившуюся в
 среде атмосферу театра. Здесь и партер, и
 сцена, и живые декорации, которые выросли в
 этой среде.

Композиционный
 анализ(вид сверху)

Сцена

Партер

Принцип "Разные уровни"

Рис. 2.3. Иллюстрация принципов «коллаж», «перекос», ««сцена», «разные уровни».
 Работа студентов А. Рыбаловой, Е. Павловой

графической репрезентации самарского двора (в виде развертки и плана) для каждого из кварталов. Таким образом, задача состояла в формировании нового, непредвзятого взгляда на привычную среду. Обыденные вещи в авторской художественной интерпретации приобретают новые качества: скучный и непримечательный, на первый взгляд двор, превращается в артефакт [4] (рис.1).

На следующем этапе студентам было предложено при помощи различных художественных техник: скетчей, диаграмм, ритмических сеток, чертежей и фотографий выявить и зафиксировать «принципы» анонимной архитектуры. Исследование не ограничивается масштабом архитектурного объекта, предметом анализа могут стать как фрагменты среды, так и отдельные вещи. Один объект может сочетать в себе несколько «принципов» [5].

Самарский двор представляет собой полупубличное пространство. Попастъ в него можно через арку или ворота, которые устанавливают некоторые жители, чтобы оградить территорию от посторонних. Таким образом, двор оказывается изолированным от улицы, жители чувствуют себя в безопасности и даже оставляют свои личные вещи на улице, не боясь за их сохранность. Нередко жители обустраивают придомовую территорию предметами интерьера, создают зоны отдыха, украшают двор игрушками и т.д. Домашняя обстановка переносится на улицу, размываются границы внутреннего и внешнего пространства, двор становится новым типом «комнаты», которая обустраивается по правилам и нуждам хозяев. Это явление можно объяснить не только желанием создать комфортную среду, но и во многом попыткой символического присвоения пространства, саморепрезентации, идентификации себя с местом, проявлением творческой воли в условиях ограниченных ресурсов (инсталляции из старых вещей; «монументальная живопись»; украшение предметов быта; конструирование новых вещей из фрагментов старых; назначение новых функций предметам; приспособление одного под другое, создание, тем самым, новых типов объектов) [6].

Ценность исторической среды в ее разнообразии. Особенность сохранившейся дворовой застройки предполагает множество сценариев освоения и развития пространства [7-9]. Сложная конфигурация, многоуровневость внутренней территории двора дает возможность возникновения новых скрытых, потайных, камерных пространств. Архитектурные элементы приобретают новые качества, например, часть фасада дома может стать

поверхностью для хранения вещей [10-12]. Жители исторической части города имеют более разнообразный опыт взаимодействия со средой. Многие повседневные ритуалы происходят на улице: стирка, отдых, игры с детьми, общение с соседями, совместное проведение праздников.

Постоянная борьба с ветхостью является характерной чертой старого города: следы переделок, заплатки, маскировка и заделывание дыр, подпорки, «вынужденный дизайн», попытки самостоятельной реконструкции – формируют специфичный облик этого типа среды. В исторической части города, контраст старого и нового, сочетание разных архитектурных языков прослеживается более отчетливо, чем где-либо (рис.2,3).

Эта среда обладает своеобразной эстетикой, другим типом порядка, который не складывается намеренно и одновременно, а формируется со временем, усилиями многих людей.

В результате проведенного исследования были выявлены такие принципы, как: «коллаж», «несовпадение масштабов», «разные языки», «фасад-шкаф», «квест», «маскировка», «одомашнивание», «монументальная живопись», «нагромождение», «стена-чат», «бриколаж», «подпорка», «перекос», «приспособление», «следы от переделок», «разные хозяева», «огораживание», «асимметрия», «обхождение препятствий», «разные уровни» и т.д. Этот список остается открытым и будет пополняться в процессе дальнейшего анализа территории.

Исследование анонимной архитектуры в исторической среде может стать ценным материалом для профессиональной практики, а выявление скрытых культурных ресурсов поможет раскрыть потенциал территории, сформировать позитивное отношение как самих жителей, так и власти, способствовать развитию исторического центра.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кияненко К.В.* Общество, среда, архитектура. Вологда, 2015. 264 с.
2. *Репина Е.А., Гайдина В.С.* Самострой как «настоящий город»? // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре [Электронный ресурс]: материалы 73-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР под ред. М.И. Балзанникова; К.С. Галицкова; Е.А. Ахмедовой / СГАСУ. Самара, 2016. С. 151-155.
3. *Вавилонская Т.В., Карасёв Ф.В.* Типология исторической городской усадьбы на примере города Самары

// Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2014. №1. С. 24-30.

4. *Репина Е.А., Камышева Д.С.* «Включающее» видение как стратегия поиска новой эстетики // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: материалы 70-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР / СГАСУ. Самара, 2012. С. 431-432.

5. *Репина Е. А., Камышева Д.С.* Качества постиндустриальной российской среды: графический эксперимент // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2012. №2. С. 24-26.

6. *Иванов А.В., Шеина Т.В.* Форма и строительные материалы как фактор культурной идентификации в региональной архитектуре // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2014. № 4(17). С. 19-24.

7. *Малахов С.А., Репина Е.А.* Историческая Самара дает уроки «настоящего города». Единство, уникальность, устойчивость как следствие эволюционного типа развития в масштабе человека // Электронный сборник материалов конференции «Мозаика городских пространств». М.: МГУ, 2016. С. 241-247.

8. *Репина Е.А., Малахов С.А.* Стратегия бесконфликтной реконструкции исторической среды на примере города Самары // Вестник ОГУ. №5 (180). 2015. С. 169-174.

9. *Малахов С.А.* Общая структура и принципиальное содержание композиционного метода проектирования // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2014. №3. С. 31-36.

10. *Малахов С.А.* Композиционный метод как причина исчезновения традиционного языка и традиционной функции. Этапы генезиса метода // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2013. №4. С.19-22.

11. *Репина Е.А., Захарченко М.А.* Актуальная роль процесса соучастия в развитии городских территорий // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре [Электронный ресурс]: материалы 72-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР под ред. М.И. Бальзаникова; К.С. Галицкова; Е.А. Ахмедовой / СГАСУ. Самара, 2015. С. 157-159.

12. *Репина Е.А., Малахов С.А. Никонов К.Е.* Альтернативный взгляд на состояние современного российского города и перспективы градостроительного прогноза (на примере г. Самара) // Инновационные технологии в сфере сервиса и дизайна: материалы I международной научно-технической конференции. Самара, 2014. С. 50-54.

Для ссылок: *Репина Е.А., Романова Д.Н.* Исследование языков непрофессиональной архитектуры на примере кварталов в исторической части города Самары // Innovative Project. 2016. T.1, №2. С. 95-98. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.15

For references: *Repina E., Romanova D.* Investigation of languages of non-professional architecture considered on the example of quarters in the historical part of Samara. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 95-98. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.15

6

99-112

МАСТЕРСКАЯ

WORKSHOP

Леду Никола

Algoe Consultants, Париж, Франция

Ledoux Nicolas

Algoe Consultants Paris, France

“REINVENTING PARIS”, WHEN URBAN INNOVATION SURVIVES REGULATION

(«Preservation of Heritage and Development of the Cities», Samara, 30.09-01.10.2016)

«ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ ПАРИЖ» КАК ГОРОДСКИЕ ИННОВАЦИИ МОГУТ ВЫЖИТЬ В УСЛОВИЯХ РЕГЛАМЕНТА

(«Сохранение наследия и развитие городов», Самара, 30.09-01.10.2016)

Reinventing Paris is an international call for innovative urban projects. The objective of this Call was to use innovation to achieve efficiency and urban quality. The purpose of this call was to select innovative urban projects or constructions with a view to their practical implementation in the short term in the Paris area. 23 different sites were proposed for sale by the City of Paris. The call was launched in November 2014 and it attracted more than 615 candidate teams. It provided 372 innovative projects to the City of Paris. Choices in terms of innovation were made by the candidates regarding the 23 sites, their configurations, methods of urban integration, environment and land potential. This is a new process for designing the city by selling public lands and buildings to innovative developers. This call also incited elected representatives and urban planning administration to reinvent the commission's framework.

Переосмыслить Париж – это международный конкурс инновационных городских проектов. Цель данного конкурса: при помощи инноваций добиться эффективности использования и высокого качества городской среды. Задачи: выбор инновационных городских проектов или сооружений с целью их реализации в краткосрочной перспективе на территории Парижа. Городом к продаже было предложено 23 различных участка. Прием заявок начался в ноябре 2014 г. и привлек более 615 команд-участников, что принесло Парижу 372 инновационных проекта. Выбор проектов был осуществлен исходя из критериев формы, методов интеграции в существующий город, экологичности и потенциала использования земли. Речь идет об абсолютно новом процессе проектирования города путем продажи земель и зданий девелоперам-инноваторам. В процесс формирования рамок работы комиссии по отбору проектов к участию, помимо прочих специалистов, были привлечены депутаты и представители Администрации из сферы городского планирования.

Ключевые слова: *urban and social innovation, environmental efficiency, new uses and functions, building innovation, smart city*
Keywords: *городские и социальные инновации, экологическая эффективность, новое использование и функции, строительные инновации, умный город*

Paris is a world-leading metropolis and a changing city. Since 2001, urban regeneration and the development of new districts have brought Paris into the 21st century. The city has returned to positive demographic dynamics and a greater social mix; it attracts young people and increasingly families, as well as entrepreneurs, researchers, artists, etc. Paris is also emerging as a leading business location which is competitive and attractive. The attention to the environment which has gone hand in hand with this revival has served to enhance quality of life and has helped uncover the priceless heritage of Paris.

For a world-leading metropolis in constant interaction with other cities around the globe, urban innovation is an essential part of a project to be ever more attractive, sustainable, responsible and caring. This momentum must continue and even accelerate. It is imperative to be able to adapt to the challenges faced by cities in the 21st century. The concepts of “living together” evolve, the family unit is remodelled, the way we work, consume, move around, entertain ourselves changes and transforms individual and

collective relationships within time and space. The public authorities must adapt and create the conditions to attract innovations and innovators from around the world.

November 2014. After much teasing, the City of Paris unveiled the Call for Innovative Urban Projects, “REINVENTING PARIS”. The objective of this Call was to use innovation to achieve efficiency and urban quality. It is about building knowledge, combining visions, mobilising energy and gathering resources to build the most relevant and innovative projects.

This call is part of an approach to innovation that aims to be as open as possible to stimulate the imagination, to unleash creativity and the emergence of new urban objects and new processes for designing the city. Innovation must indeed be a precursor of what will eventually become second nature to the city. The Call for Innovative Urban Projects is intended to garner collective expertise in order to be able to respond more accurately to changing needs and anticipate those to come in the future.

The emergence of new urban objects and new processes for designing the city

The purpose of this call was to select innovative urban projects or constructions with a view to their practical implementation in the short term in the Paris area. 23 different sites form a diverse supply of land and housing, spread over the Paris area and rapidly available. They comprise land and property owned by the City or its partners - social housing landlords or developers. These sites have different characteristics and are in different urban contexts, which needed to be understood by the project leaders. This diversity reflects the desire of the City to allow innovation to express itself in different urban contexts and in various formats. Of these sites, 13 are on undeveloped land or land which has buildings destined to be demolished. The other sites are built. Due to their era, architectural features or past uses, these buildings represent a wide range of Parisian built heritage. Some buildings are of heritage interest and are subject to protection as historic monuments or under the City of Paris Local Urban Development Plan. This protection has the effect of subordinating the issuing of planning permission to a conservation and enhancement objective. The challenge was to reconcile innovation and heritage preservation. For each of them, a specific procedure will be implemented so that the winning innovative project can be brought to fruition.

The proposed urban innovations cover both content and form. For the content, innovative responses were provided in terms of project content, programme and technical specificities. The form related to proposed procedures, management methods, the form of partnerships and consultation, management procedures for deadlines and different project phases, and financing arrangements.

The aim was to bring together different actors whether investors, architects, project owners, prime contractors, operators, users, researchers, artists, designers, start-ups, etc., to answer this call and turn the project into a reality.

Innovation, in the sense of “doing better and differently”, must run through the entire project design from its genesis to its commissioning. It encompasses the project design, the participation of Parisians in the project design, the composition of the “project team, the programme, the architecture, respect for the environment, energy and biodiversity, building processes and materials, ...

The dialogue and relationships with residents / users and the integration of projects into their environment and the opening of buildings to the public space were although key criteria to select the proposed projects.

The objective was not to innovate on all fronts, but to identify which is the most relevant innovation on each site. Innovation cannot be defined a priori or

in the abstract; it is alchemy of high standards, new technologies and a scrupulous understanding of the issues and needs it generates.

Fulfilment of the municipality development objectives

This Call for Innovative Urban Projects contributes to the fulfilment of the Paris municipality’s objectives. The innovative projects to be deployed will, each on their own scale, have to meet Parisian but also global challenges. It is one of the levers designed to effectively address the acute social and environmental issues.

Housing is the biggest priority of the new term of office. It is the primary concern of Parisians as well as a factor of attraction for young people, the working population and a World City which is cosmopolitan in essence. During the past decade, policy in favour of a greater social mix has achieved 20% of assisted rental dwellings in the housing stock. Continuing such efforts is the first priority of the municipality. The aim is to create 10,000 units per year and to simultaneously boost the diversification of housing stock to reach a figure of 25% social housing in the stock by 2025.

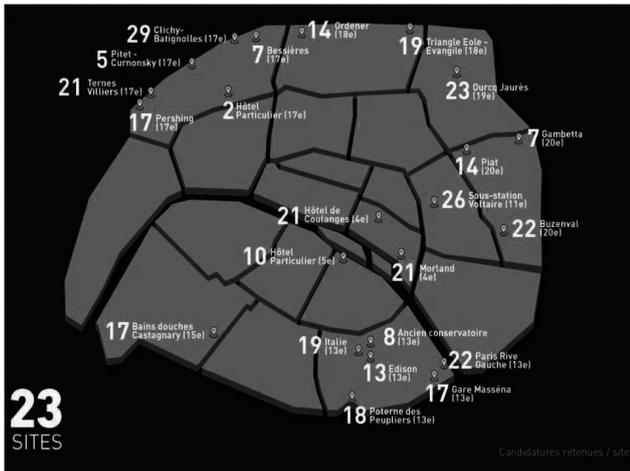
The environmental challenge also needs to be taken up in Paris. The objectives of the municipality are ambitious in this respect. They result from commitments adopted in various frameworks which guide public action and which, to be effective, must be shared by all actors (such as the Climate Plan, the Biodiversity Plan, etc.). They are specified over the time of the term of office, particularly in action to combat climate change, to conserve biodiversity and to increase plant life in the city. In this context, the main targets are to achieve 100 hectares of green roofs and facades, a third of which dedicated to the production of fruit and vegetables, to increase the number of trees by 20,000, to construct “zero waste, zero carbon” districts, to significantly boost recycling and composting, to improve energy recovery and to strengthen the “green” and “blue” infrastructures endorsed by the Grenelle process with guidelines for land, waterway and wetlands management, and to ensure ecological continuity within the city.

Each piece of the urban puzzle must strive to limit its carbon footprint and contribute to strengthening biodiversity and the promotion of nature within the city. It is the condition for making the city more resilient to climate change and more energy efficient, in short more sustainable and more liveable.

Each of the innovative proposed projects fits in with this requirement. In its design, technical specifics, programming and integration into the immediate and metropolitan environment, each project must demonstrate its contribution to a sustainable and intelligent city. This will be expressed both through the

use of new technologies such as renewable energy, smart grids and new practices around the circular economy for example, and in the project's ability to adapt, accompany or even create new lifestyles.

Our sociological structure is continually changing; ways of living, working, consuming, entertaining ourselves and living together are also changing dramatically. City users yearn for a new response to these changes. The Paris

Carte schématisée des 23 sites de l'appel à projets

region transport network which will become denser with the Grand Paris Express is a powerful lever of mobility. But the scale of proximity - of the building, the block and the district - should play more of a role in the design of the city. New urban objects, new types of places and new practices must emerge in the city. The city must also provide new services, for example relating to agriculture, urban logistics and the pooling of services to monitor these developments, while seeking to operate in an efficient, rational, co-operative and more environmentally friendly manner.

9 challenges of innovation

Choices in terms of innovation were made by the candidates regarding the site, its configuration, methods of urban integration, environment and land potential. The objective was not to innovate on all fronts, but to identify which was the most relevant innovation on each site. Innovation cannot be defined a priori or in the abstract; it is an alchemy of high standards, new technologies and a scrupulous understanding of the issues and needs it generates.

The candidates to the call had to address 9 challenges of innovation. These areas of innovation could not be considered as exhaustive. However, it is clear that the inclusion of a significant number of these challenges were valued in the winning projects:

- Innovation is first and foremost a question of uses
- Innovation is social: adapting, anticipating new lifestyles

- Innovation is about participation and consultation
- Innovation is promoting Parisian heritage
- Innovation is inhabiting new places and developing new services
- Innovation should aim for resiliency and energy efficiency
- Innovation must contribute to the attractiveness and prestige of Paris
- Innovation means doing better and faster
- Innovation means finding viable economic models

The pooling of spaces and merging of functions are ways of creating new social bonds and greater inclusiveness, developing intergenerational synergies, reducing mobility needs, creating shared ownership of property, etc.

- the “plural” building which combines various functions - housing, office space, common parts, showrooms, a decentralised datacentre - promotes mixed uses within the same individual building and no longer just on the scale of the block or the district;

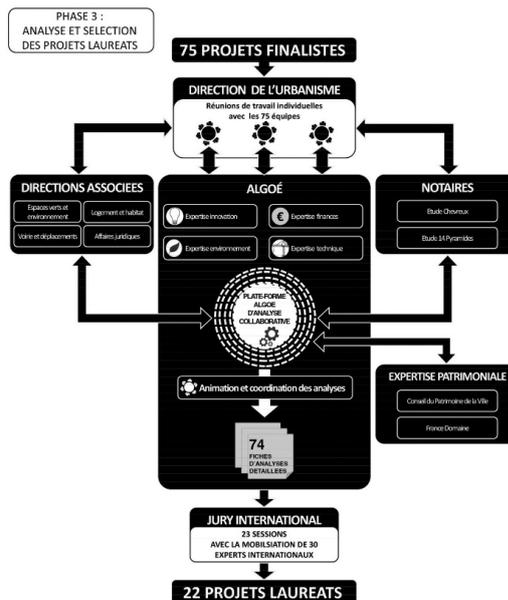
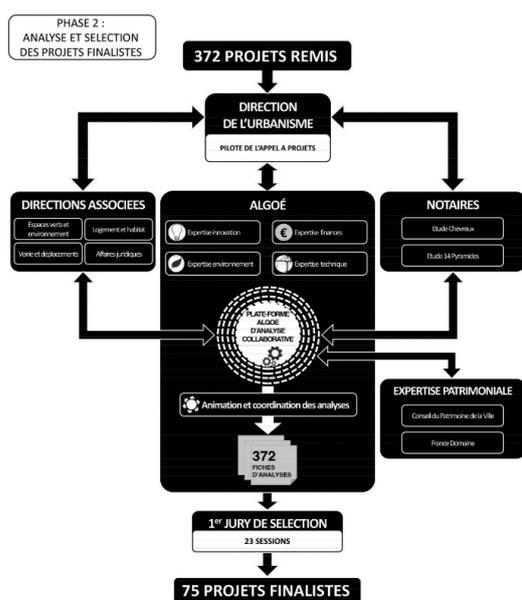
-the “mutable” building which, by integrating modularity from the outset, takes into account the evolutions of society and the city's new life phases, for example a reduction in the lifetime of shops, the transience of certain sporting, recreational, cultural activities, etc. It is a building that anticipates these future changes according to changing needs;

- the “shareable” building that takes into account “urban chronotopia”, integrating alternative uses according to the time of day or week. This is a way of sharing places, assigning them to multiple uses depending on the period. It is directly counter to specialisation, which sometimes limits the use or utility of a building over time.

Lots of winning projects proposes to rethink ways of living through “social innovation”: adapting to the changes in the Parisian population, aging and new health requirements; new spaces shared between homes, social ties. They although aim to rethink ways of working: adapting to mobile workers and telecommuters, building home-office spaces, co-working, a new type of incubator with employees of large companies and SMEs who have chosen open innovation. And most of these projects rethink ways of doing business: temporary stores, fab labs, shared showrooms which allow shopkeepers and craftsmen to experiment and share their resources.

Innovation stronger than regulation

When the City of Paris launched this call for urban projects, it probably did not consider the full implications of this idea. Although the command stimulated the 372 candidate teams, it also incited elected representatives and urban planning administration to reinvent the commission's framework. The juries awarded the idea of prototypes and the teams demonstrated huge

Phase 2: Analyse et sélection des projets finalistes

Phase 3: Analyse et sélection des projets lauréats

creativity with regard to the purpose of the sites, and by opening them to various types of occupants, sometimes to the point of creating utopias. How can the City of Paris make sure that the programs are complied with once the site or building is sold, in particular the most innovative one? How can we enhance the profitability of these “alien building” that have never been built before? Safeguard provisions are developed concerning the property possession periods, the terms of their use and their possible resale. How do you guarantee the future of uses chosen by the jury that do not exist yet, without infringing on ownership rights? Legal innovations are one of the answers, which were explored throughout the process. The lucky 22 teams chosen by the jury undertake and are duty-bound to build their project and to fulfil all their innovative promises.

REFERENCES

1. « Labécédnaire des innovations pour Réinventer Paris », Nicolas Ledoux, 2016, Edition du Pavillon de l’Arsenal
2. « Réinventer Paris : des 815 candidatures aux 22 projets lauréats », Alexandre Labasse, 2016, Edition du Pavillon de l’Arsenal
3. « Réinventer Paris : l’innovation peut-elle survivre au conservatisme réglementaire ? », Catherine Sabbah, novembre 2015, in revue L’architecture d’aujourd’hui
4. “La rénovation urbaine au cœur du Grand Paris», Nicolas Ledoux, Laure Cardinal et Julia Watson, 2014, La Documentation Française
5. « La fabrique de l’innovation » Gilles Garel et Elmar Mock, juin 2012, Dunod
6. « Quand l’innovation fait la ville durable » Joëlle Forest et Abdelillah Hamdouch, 2015, PPUR Presses polytechniques

Projet lauréat sur le site de la Gare Massena: Réalimenter Massena
HERTEL – Architecte : DGT

Projet lauréat sur le site de Pershing: 1000 Arbres Compagnie de Phaslbourg et OGIC - Architecte: Sou Fujimoto et Manal Rachdi
Oxo Architectes

Для ссылок: Леду Николая. «Переосмыслить Париж» как городские инновации могут выжить в условиях регламента // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С.100-103. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.16
For references: Ledoux N. “Reinventing Paris”, when urban innovation survives regulation. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 100-103. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.16

Репина Е. А., Лопатина Л. Е.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Repina Eugeniya, Lopatina Lidia

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

КАМПУС: МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ CAMPUS MANAGEMENT MODELS

Целью данной работы является выявление и перечисление различных типов моделей управления кампусом. Методы исследований: проведен начальный анализ управленческих моделей кампусов. Представлены данные о различных типах статических моделей управления университетским кампусом, а также сделаны выводы о сходстве, различиях, положительных и отрицательных качествах каждой модели. На примере динамической модели Business Model Canvas проведен начальный анализ и рассмотрены преимущества и недостатки сравнительно недавно появившейся динамической модели управления. На основании проведенных начальных аналитических исследований управленческих моделей авторами сделан вывод, что наравне с сохранившейся актуальностью статических моделей, динамические модели управления кампусом также могут быть применены в процессе управления кампусом и, ввиду сложившихся обстоятельств, могут впоследствии оказаться более актуальными.

This article presents enumeration of different campus management models. Initial analysis of campus management models is carried out. The data on different types of static control models is described. The authors draw conclusions concerning the differences, similarities, advantages and disadvantages of each model. Such dynamic management model as Business Model Canvas has become an example used for initial analysis of advantages and disadvantages of recently emerged dynamic control models. The article states that along with existing significance of static management models, dynamic control models can be used in the process of campus management and can become more relevant.

Ключевые слова: университетский кампус, управленческая модель, городская среда

Keywords: university campus, management model, urban environment

Университетский кампус является огромной структурой, объединяющей в себе множество разнонаправленных предприятий – образовательное учреждение, пункты медобслуживания, места общественного питания и т.д. Университеты не справляются с поддержкой сложных взаимосвязанных междисциплинарных сообществ кампуса, нехваткой ресурсов, технологическими изменениями и усиленными темпами развития структуры современного образовательного учреждения [1, 2]. Таким образом, становятся необходимы инструменты и средства, которые будут способствовать эффективному управлению и развитию университетских кампусов. В сфере бизнеса подобные проблемы решаются применением управленческой модели.

Специалисты утверждают, что у понятия «бизнес-модель» не существует точного определения. Однако выявлено 4 основные темы для подобного определения. Бизнес-модель может, соответственно, быть описана как:

- новая система анализа организации, охватывающая больший объем деятельности, чем организация на данный момент;
- целостный подход на уровне системы к тому

как организации занимаются бизнесом;

- инструмент проявления повышенного внимания к деятельности фирмы и ее партнерской сети;
- средство объяснения создания и сохранения ценности организации [3].

Специалисты выделяют две основные статические модели управления, подходящие для работы с образовательными учреждениями, в частности университетами и их кампусами: так называемые CREM и FM модели.

В своем исследовании, выполненном для книги «Управление кампусом» [4], Александра Ден Хейджер предлагает проводить работу по организации и развитию кампуса по **управленческой модели CREM** (Corporate Real Estate Management) (интегрированная модель корпоративной недвижимости).

Таким образом, 4 основные группы факторов, на которые следует опираться при работе со структурой кампуса, это:

- стратегические, основанные на поддержании качества образования и популярности университета;
- функциональные, связанные с положительной оценкой работников и учащихся;
- финансовые, зависящие от прибыли, приносимой учебным заведением;

Рис. 1. Модель CREM [4]

- физические, опирающиеся на площадь и качество помещений, территориальную доступность и удобство [4].

Модель добавленной стоимости объектов управления (FM) (Facilities Management) впервые появляется как часть инфраструктуры организаций в работе М. Портера в 1985 г. [5]. Герман Кок впервые представил свою стратегию применения модели FM применительно к кампусам в 2001 г. Процесс управления учреждением в данной модели выступает как координатор между спросом и предложением, а также стремится дать адекватную оценку каждому из элементов структуры учреждения, таким образом обозначив их ценность для организации. Такой анализ позволяет выявить необходимые для организации второстепенные элементы структуры и возвести их в ранг объектов первой необходимости, и наоборот – отказаться от объектов, ранее имевших высокий

приоритет, но утративших свою актуальность [6].

К сожалению, в связи со своей статичностью, данные модели не всегда способны отреагировать на общую картину процессов кампуса, его структуру, напоминающую по своей форме сеть. Также в статичные управленческие системы не вписываются новые концепции по развитию среды университета и постоянно меняющиеся отношения между представителями тех или иных элементов структуры [7, 8]. Поэтому возникает предположение о возможном переходе на динамическую модель управления, которая могла бы вмещать в себя все эти данные.

Динамическая модель управления **Business Model Canvas** (Канва бизнес-модели) является на данный момент самым продуманным и наиболее исследованной динамической моделью, примененной к структуре университетского кампуса. Автором и создателем канвы бизнес-модели являются

Рис. 2. Модель FM, примененная к образовательным учреждениям [6]

Рис. 3. Модель Business Model Canvas [3]

Александр Остервальдер и Ив Пинье. Эелис Руткенен разработал данную вариацию модели, предназначенную для работы со структурой кампуса, в 2014 г. [3].

И статические и динамические модели, по сути, являются своего рода средствами оценки того или иного существующего объекта структуры, нововведения или же предполагаемого проекта развития. Модель добавленной стоимости объектов управления является самым простым способом оценки в данном случае, однако модель Business Model Canvas учитывает большее количество разнообразных факторов, а также включает в себя активное использование виртуального пространства, не только как источника данных, но и как платформу для расположения самой системы [3].

В отличие от абстрактных западных и европейских моделей управления, которые можно применить ко всем сферам деятельности университетского кампуса, модели, применяемые специалистами к российской системе образования, сконцентрированы на оценке самой образовательной функции. Так, например, Рустем Вахитов предлагает рассматривать сам процесс работы вуза как обмен сдачей и раздачей между университетом и государством, университетом и студентами, университетом и преподавателями и т.д. [9].

Раздача – это распределение ценностей институтом власти. Сдача есть воспроизводство определенного ресурса, необходимого власти. В зависимости от необходимости, ресурсы, являющиеся основой сдач и раздач, менялись [9].

Процесс передачи знаний также становится основой для конкурентной борьбы: ученый становится «научным капиталистом», передавая свои

знания для пользования в обмен на ссылки, увеличивающие рейтинг, индекс цитируемости, своего рода «научные деньги». Оценка эффективности этих процессов и является оценкой эффективности университета в целом [9]. Тем не менее, хотя данная модель идеально подходит для управления образовательной функцией университета, для всех прочих сфер деятельности университетского кампуса она, к сожалению, не представляет ценности. Невозможно выявить одну идеальную управленческую модель для всех образовательных структур. Каждый частный случай университетского кампуса необходимо рассматривать в отдельности и подбирать управленческую модель непосредственно для него, к тому же внося коррективы в уже существующую модель, чтобы добиться максимальной эффективности.

Выводы:

1. Начальный анализ сложностей, возникающих при управлении кампусом, и их схожесть со сложностями, возникающими при управлении коммерческим предприятием, позволяют предположить, что для управления и развития университетского кампуса выгодно использовать управленческие бизнес-модели.

2. Возникает предположение о возможной выгоде использования динамической модели при управлении университетским кампусом.

3. Проведенный анализ примеров управленческих моделей позволяет предположить, что различные модели обладают различными особенностями, что позволяет подбирать отдельную управленческую модель для каждого конкретного случая.

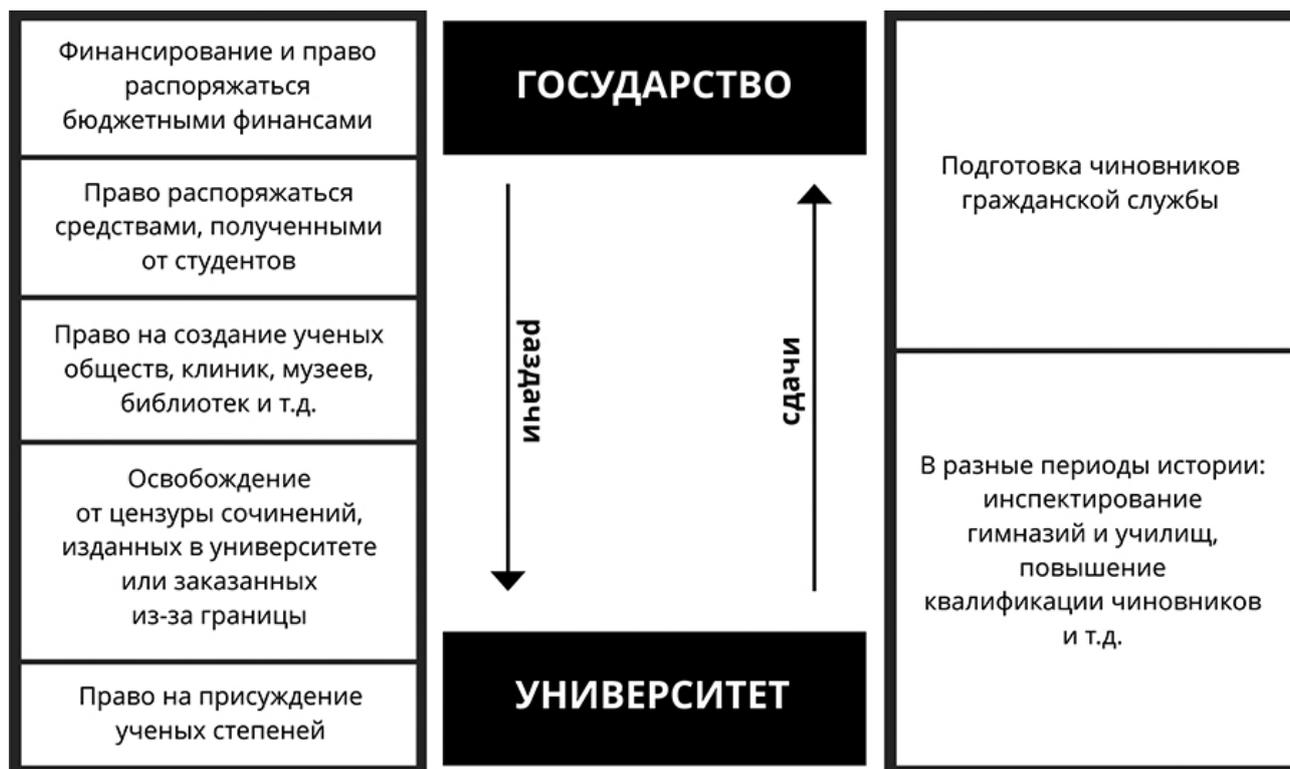

Рис. 4. Сдачи и раздачи в системе «государство-университет» в царской России [9]

Рис. 5. Сдачи и раздачи постсоветского вуза [9]

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Фадеева М.В.* От монастыря до кремля // Проект Россия. 2019. № 61. С. 80-91 с.
2. *Ридингс Б.*, Университет в руинах. М.: Высшая школа экономики, 2010. 248 с.
3. *Eelis Rytkönen*, Community-focused perspectives to interdisciplinary university campus management – a business model case study. http://www.prres.net/papers/rytkonen_community-focused_perspectives_to_interdisciplinary.pdf (дата обращения: 23.12. 2015).
4. Alexandra den Heijer, *Managing the university campus*. Tallin, Estonia, 2011. 432 с.
5. *Porter M.*, *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*, NY, The Free Press, 1985.
6. *Herman Kok*, Facilities management value from a demand perspective. https://www.researchgate.net/publication/262968993_Facility_management_value_dimensions_from_a_demand_perspective (дата обращения: 23.12. 2015).
7. *Малахов С.А.*, Концепция единого Самарского университета на территории старого города. http://drugoigorod.ru/concept_campus/ (дата обращения: 23.12. 2015).
8. *Малахов С.А., Репина Е.А., Рябченко Е.Т.* Школа как город // Вестник СГАСУ. 2011. № 2. С. 39-41
9. *Вахитов Р.Р.* Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М.: Страна Оз, 2014. 276 с.
10. *Высоковский А.А.* Город открытых пространств. <http://www.uar.ru/news/99/2279/> (дата обращения: 23.12. 2015).
11. *Малахов С.А., Репина Е.А., Спирюгова А.Н.* Архитектурная типология как инструмент проектирования современного культурно-досугового центра // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2012. № 3. С. 30-34.
12. *Мальшева С.Г., Алтунян К.О.* Предпосылки внедрения эргономических исследований в процесс проектирования // Вестник СГАСУ. 2013. № 1. С. 15-18 с.
13. *Половцев И.Н.* Начальные принципы проектирования университетских кампусов. <http://www.pnu.edu.ru/media/nionc/articles-2014/303-308.pdf> (дата обращения: 23.12. 2015).
14. *Малахов С.А.* Старый город как креативный кампус // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: Материалы 72-й Всероссийской научно-технической конференции / СГАСУ. Самара, 2015. С. 171-177.

Для ссылок: *Репина Е.А., Лопатина Л.Е.* Кампус: модели управления // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С.104-108. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.17

For references: *Repina E., Lopatina L.* Campus management models. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 104-108. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.17

Репина Е. А., Чубукина О. В.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Repina Eugeniya, Chubukina Olga

Samara State University of Architecture & Civil Engineering

МОДЕЛЬ НЕ РАВНА РЕАЛЬНОСТИ. КАРТА НЕ РАВНА МЕСТНОСТИ THE MODEL IS NOT EQUAL TO REALITY. THE MAP IS NOT EQUAL TO THE AREA

Автор, архитектор по образованию, три года работал в организации, занимающейся развитием территорий города. Задачи, стоявшие перед ней, заключались в изучении городских территорий. Ключевой задачей был анализ различных типов информации о городе: 1) сбор исходных данных для градостроительного анализа территории; 2) анализ городских территорий; 3) определение градостроительного потенциала территории. Со временем у автора сформировалось ощущение недостаточности информации на существующих картах (качества) и типов (количества) самих «карт». И автора стал интересовать вопрос, как получить достоверную информацию о территории и как ее репрезентовать. Информацию о территории условимся называть «моделями» или «картами». Актуальность выбранной темы подтверждается интересом, проявляемым в настоящее время градостроительным сообществом нашей страны, к разного рода исследованиям городских территорий.

The author, the architect by training, worked for three years in the organization dealing with the development of the city territories. Her main task was to study urban areas. The emphasis was laid on the analysis of various types of information about the city: 1) collecting basic data for the town-planning analysis of the territory; 2) analysing urban areas; 3) determining town-planning capacity of the territory. Over time the author revealed the insufficiency of information on existing maps and the scarcity of their types. Thus, the author began to analyse how to obtain reliable information about the territory and to find suitable ways to represent it. The term «model» is used in the article to denote the information about the territory. The research is current as the town-planning community of our country is interested in any kinds of research connected with urban areas.

Ключевые слова: модель, карта, среда, саморазвитие, динамика, человек

Keywords: model, map, environment, self-development, dynamics, person

Акт восприятия и переживания лежит в основе всех типов человеческого опыта. Сначала мы видим, слышим, обоняем, осязаем мир, а затем анализируем наши переживания. Через переживания мы также сверяем легитимность наших «моделей», проверяем их жизнеспособность и, если необходимо, уточняем их. Но также задумываемся и над легитимностью самих переживаний – насколько они достоверны, неслучайны, насколько им можно доверять как «своим», подлинным, а не навязанным чужим опытом, что особенно актуально в информационную эпоху, насыщенную быстро распространяющимися симулякрами.

Кроме того, человек хочет вновь пережить то, что с ним происходило, произошло. Для этого он идет в театр, смотрит кино. Сильные эмоции для творчества, возможно, нужны, чтобы изобразить «переживания» и выдать определенный продукт. Поэтому считается, что творческим людям особенно нужны эмоции. Разнообразие «опытов видения» человек создает, чтобы «освободиться от своих визуальных переживаний», обнулить и тем самым обновить восприятие. Другие люди

познают, изучают чужие «переживания», чтобы пополнить свой мозг новыми моделями чтобы в момент столкновения с «живым, своим» переживанием они смогли его «узнать».

Наблюдая, мы, архитекторы, осознаем, что строим или что построено. Мы общаемся с «объектом среды» не напрямую, а изучая «карты», отчеты. Так мы соприкасаемся как бы с чужими «переживаниями» по поводу этой среды. Кроме того, эти переживания редуцированы до формы репрезентации реальности, обусловленной определенным жанром, картой, в которой исключено все «случайное», нетипичное. И что еще больше удаляет «карту» от «реальности» – фиксируют среду в определенный момент времени, не учитывая ее динамики. «Лучше один раз увидеть, чем несколько раз услышать». Чтобы противостоять этим ограничениям жанра, архитектор снова должен начать наблюдать за средой, что там происходит, быть в курсе радостей и бед среды, взаимоотношений внутри среды.

Однако возникает другой вопрос – нужно ли создавать «модель» («карту») этой среды, если

среда динамична и мы никак не можем схватить эту динамику в статичной «карте»? [1]. Или просто «карта» должна стать такой же подвижной системой, как и среда, находясь в постоянном мониторинге данных их корректировке и репрезентации? Можно предположить, что есть несколько типов такого мониторинга и корректировки «карты» вслед за «реальностью»:

Самомониторинг и самокорректировка состояния среды возникает с помощью автоматических, высокотехнологических девайсов, встроенных в разнообразные элементы города, – как это происходит, например, в Барселоне. Этот автоматизированный метод хорош своей объективностью за счет наличия множественных «точек зрения», гибкостью (можно перестраивать настройки программного обеспечения), скоростью. Однако в работе с big data (большими массивами автоматизированной информации) возрастает роль интерпретатора, задающего вектор оценки полученной информации. И тут снова возникает вопрос человеческого фактора и риска монологического видения, так называемой негативной субъективности, не говоря уже о политической или корпоративной ангажированности. Кроме того, именно объективность, будучи самой сильной характеристикой этой методики, одновременно является и самой слабой, поскольку исключает фактор позитивной субъективности – особого, феноменологического контакта со средой и вызываемого им ценностного суждения [2].

Мониторинг и корректировка профессионалами. Профессионалы, покинувшие стены кабинетов и вышедшие в полевое исследование, могут создавать гораздо более достоверные картины реальности. Создание модели – это создание «переживания» этой среды. Мы хотим вновь показать, что уже произошло в среде, но оно же уже произошло и сейчас происходит что-то новое, отличное от предыдущего момента. Это объясняется тем, что среда динамична и, элементы среды взаимодействуют друг с другом и рожают новые продукты в среде, усложняют ее и образуют новые связи [3-5].

Мониторинг и корректировка «карт» обитателями («элементами») самой среды. Гипотезой исследования является идея о том, что этот метод может претендовать на наибольшую достоверность. Поскольку в случае внешнего (профессионалами) наблюдения (даже при многократных, «обновленных» наблюдениях) невозможно избежать фактора субъективности, поверхностно-

сти, случайности и запаздывания, то возникает мысль о том, что сами жители как органические «элементы» среды могут в непрерывном режиме самонаблюдения (т.е. наблюдения, «слежения» за результатами своей деятельности) собирать информацию и передавать ее профессионалам, вовлеченным в проекты развития данной территории. Таким образом, «натурные наблюдения» – это видение «элементами» (жителями) среды вокруг себя того поля, в котором они создают продукты и соответственно создают эту среду и это поле, а «переживания» – это копирование среды, т.е. копирование процессов, которые происходят в среде. В настоящее время человек, воспринимая какое-то событие (посещая концерт, ресторан или любое публичное место, а также путешествуя), фиксирует его на фото или видео и выкладывает в социальные сети, не успев переварить его, инкорпорировать, тем самым создавая суррогат «переживания», как для себя, так и для других. Другие, «зрители» из социальных сетей, получают имидж (изображение), иными словами, симулякр переживания, лишённого глубинного измерения и к тому же «чужого» [6-10].

Иллюстрацией этой гипотезы служит исследование, которое проводится проектировщиками «Института Города Самара» на территории т.н. «Красных домов» (одного из самарских соцгородов, созданных работниками завода в 1958 г. В сентябре 2014 г. от жителей поступил запрос на создание проекта благоустройства, т.е. у жителей сформировалась потребность создания продукта (благоустройства) и они пригласили эксперта («Институт Города Самара»), который начал наблюдать за средой, для того чтобы получить достоверный опорный план территории. В начале эксперты фиксировали следы взаимодействия элементов – изменения среды, не учтенные ни в официальных, ни в «народных» картах. Постепенно «элементы» (жители) стали входить в контакт с экспертами и делиться своими переживаниями о среде. Затем «Институт Города» сформировали вопросы к жителям в виде анкет, для того чтобы понять, какой на самом деле продукт хотят создать жители. Отвечая на вопросы анкеты и давая интервью, жители узнавали о том, что их соседи сделали запрос на благоустройство. Задавая вопросы жителям об их видении будущего благоустройства, эксперты хотели узнать, согласны ли они предпринять дополнительные шаги (пожертвовать чем-то своим ради других, ради потребностей соседей) в отношении реализации продукта,

который захотели создать их соседи. Поскольку создать благоустройство рациональнее всего на собственном земельном участке и нести ответственность за него, следить за ним, учитывая, что в настоящее время пользоваться землей (иметь право использовать землю для личных целей) в нашей стране по закону, могут только собственники земли, а неразграниченная земля считается бесхозной, и за ней никто не хочет ухаживать, у эксплуатирующей компании нет прав благоустраивать эту землю, а у муниципалитета также нет четкого плана и сил на заботу о территории, то жителям было предложено сначала создать проект планировки и межевания [11].

В Стратегии пространственного развития исторической части г. Самары, также разработанного «Институтом Города Самара» в рамках «Стратегии_2025» и презентованной на конференции московского урбанистического форума 4 июня 2015 г. в Самаре, в разделе «Гибкие системы управления» предлагается стратегия саморазвития. Одна из ключевых точек этой стратегии – поиск скрытых ресурсов территории, в том числе максимальное вовлечение жителей в разнообразную деятельность по преобразованию территорий. «Предполагаемая программа развития подсистемы основывается на сборе информации о жителях и их инициативах с целью последующей координации проектов саморазвития по принципу (bottom-up – концепция встречного проектирования). При развитии проекта «Киоск Архитектора» (общественный и консультативный центр квартала) внутри квартала образуется центр притяжения для создания «квартального сообщества», инициирующего, в свою очередь, проекты развития в рамках государственно-частного партнерства» [12].

Поэтому, согласно заявленной гипотезе, для того чтобы создать подлинность и достоверность, необходимо наблюдать за средой, опираясь на принцип ее создания – «спонтанность», динамику. Такое наблюдение лучше всего может сделать человек, который пожил в ней, если не родиться. Чтобы уметь так создавать пространство, нужно проникнуться «атмосферой» жизни двора, общаться с жителями, наблюдать за образом жизни этих людей в среде. Они – главный элемент спонтанности, они – архитекторы среды, поэтому человека, который там давно живет, нельзя убирать из этой среды, без него не будет этой спонтанности и этой архитектуры. Возможно, что для того чтобы создать ценностную картину реальности, необходимо привлечь в арсенал «ментальные кар-

ты», память, воспоминания из детства (от родственников) и иные вытесненные современной проектной культурой инструменты [13].

Идея «Киоска Архитектора» как универсального коммуникационного центра местного сообщества, в котором, в том числе, может осуществляться сбор данных о территории, много обсуждалась в городском сообществе, в прессе, на разнообразных конференциях и мастер-классах и воркшопах в России и за рубежом и неизменно вызывала поддержку. Таким образом, гипотетический инструмент для создания достоверной «карты» местности существует. Осталось запустить его в дело и проверить состоятельность гипотезы [12].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уилсон Роберт Антон. Квантовая психология / пер. с англ. М.: ООО Издательский дом «София», 2005. 208 с.
2. Репина Е.А. Спонтанность в творческом методе современной архитектуры : Автореф. дис. ... кандидата наук. Н. Новгород, 2009. 24 с.
3. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
4. Репина Е.А. Признаки города. Апология пустоты // Исследования в области архитектуры, строительства, и охраны окружающей среды: тезисы докладов 68-й научно-практической конференции / СГАСУ. Самара, 2011. С. 455-457.
5. Репина Е.А., Горбунов Д.С. Визуальная аналитика градостроительной ситуации // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре [Электронный ресурс] : материалы 71-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР под ред. М.И. Бальзанникова, Н.Г. Чумаченко / СГАСУ. Самара, 2014. С. 510-512.
6. Репина Е.А., Захарченко М.А. Актуальная роль процесса соучастия в развитии городских территорий // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре [Электронный ресурс]: материалы 72-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР / под ред. М.И. Бальзанникова, Н.Г. Чумаченко / СГАСУ. Самара, 2016. С. 157-159.
7. Малахов С.А., Репина Е.А. Историческая Самара дает уроки «настоящего города». Единство, уникальность, устойчивость как следствие эволюционного типа развития в масштабе человека // Электронный сборник материалов конференции «Мозаика городских пространств». М.: МГУ, 2016. С. 241-247.
8. Бредникова О., Запорожец О. Микроурбанизм. Город в деталях : сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 352 с.
9. Репина Е.А. Катастрофа прогресса и природа инноваций // Инновационные методы и технологии в высшем архитектурном образовании: (материалы Международной научной конференции. XVII международный смотр-конкурс) / СГАСУ. Самара, 2008. С. 218-229.

10. *Репина Е.А., Малахов С.А., Никонов К. Е.* Альтернативный взгляд на состояние современного российского города и перспективы градостроительного прогноза (на примере г. Самара) // *Инновационные технологии в сфере сервиса и дизайна: материалы I международной научно-технической конференции / СГАСУ. Самара, 2014. С. 50-54.*

11. *Репина Е.А.* Красные Дома. Архитекторы придумали как спасти от деградации Безымянку // *Интернет-журнал «Другой Город», Самара, 2014. http://drugoigorod.ru/red_houses_projekt/*

12. *Малахов С.А., Репина Е.А., Гниломедов А.С., Стадни-ков В.Э Захарченко М.А., Сомов Д.О., Беляк Н.Ю., Марти-росян Э., Павлов К.* Атмосфера доверия. Институт города о гибких системах управления // *Другой Город, Самара, 2015. http://drugoigorod.ru/spr_management/*

13. *Репина Е.А., Камышева Д.С.* «Включающее» видение как стратегия поиска новой эстетики // *Традиции и ин-новации в строительстве и архитектуре: материалы 70-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР / СГАСУ. Самара, 2013. С. 431-432*

Для ссылок: *Репина Е.А., Чубукина О.В.* Модель не равна реальности. Карта не равна местности // *Innovative Project. 2016. T.1, №2. С.109-112. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.18*

For references: *Repina E., Chubukina O.* The model is not equal to reality. The map is not equal to the area. *Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 109-112. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.18*

7

113-118

KOPOTKO
BRIEFLY

Соколова Н. С.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Sokolova Natalia

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА THEORETICAL ASPECTS OF THE URBAN SPATIAL STRUCTURE

Приведены некоторые теоретические основания синтаксической модели пространства и обозначены основные направления и теоретические результаты её применения на практике.

This paper reviews several theoretical foundations of a space syntax model. Theoretical outcomes derived from its application on practice are described.

Ключевые слова: карта осей, синтаксическая модель пространства, взаимосвязанность пространства, читаемость пространства.

Keywords: axial map, space syntax, integration, intelligibility.

Основным посылом применения аналитических и прогностических разработок на основе теории о синтаксической структуре пространства является стремление улучшить экономическую эффективность и повысить социальную значимость городской среды. Город существует для взаимодействия: социального, экономического, культурного. Есть несколько градостроительных проектов, в которых были воплощены градостроительные решения, принятые с помощью работы с синтаксической моделью городской ткани. От 60 до 80 % потоков движения людей по улицам города, как пешеходного, так и автомобильного, направляются структурой пространственной сети города. Показатель пространственной доступности на карте осей показывает, какие изменения нужно внести в структуру пространства, для того чтобы направить потоки движения в желаемом направлении, создавая этим условия для более насыщенного социального взаимодействия. Наиболее доступные для движения улицы в пространственной структуре города притягивают потоки движения к себе. Способность пространственной структуры притягивать движение рассчитывается при помощи анализа сети пешеходных маршрутов и зависит от степени, в которой сегменты индивидуального маршрута используются людьми, проходящими через эту область пространственной структуры. Прогноз распределения пешеходного движения в пространственной структуре города складывается из трёх составляющих: способности фрагмента городской ткани и её пространственной структуры привлекать потоки движения способность функции в распределении землепользования привлекать потоки движения, и степенью взаимодействия общественного транспорта с предстоящими по проекту преобразованиями пространственной структуры.

Билл Хиллиер в статье «Создавая жизнь» (1987) обсуждает свойства пространственной структуры, выделяя две основные части вопроса: определяет ли пространственная структура образец функционального

распределения земли и потоки движения; имеют ли социальное отображение выявляемые образцы отображенной в пространственной структуре жизни? В статье показано применение синтаксического подхода к анализу основных свойств больших фрагментов градостроительной ткани и опробование гипотезы, полученной из этого анализа путём изучения отношений между пространственной структурой и образцами движения на примере реальных исследований городской ткани и жилой застройки. Результаты этого исследования показали, что пространственная структура сама производит возможности для вероятностного пересечения людей при помощи структурных характеристик, которые изменяются в зависимости от синтаксической модели пространства. Это поле вероятностных встреч является значимым социальным и психологическим фактором.

Билл Хиллиер начинает рассуждение с определения архитектурного детерминизма. Архитектурный детерминизм может быть определён как представление о том, что среда архитектуры влияет на поведение людей и в некоторой степени так и есть. Распределение жилого пространства отражает культурные коды, в которых образцы деятельности, стилей и декора и пространственная организация — всё взаимосвязано. Но эти взаимосвязи не определяются пространственной структурой. В исследовании показано, что в основе значительного многообразия формы городов существуют определённые устойчивые синтаксические образцы и типы ковариаций (отношений между величинами в вероятностном пространстве см. ковариационный момент), в частности, ковариаций двух величин «взаимосвязанности» и «читаемости» как ключевых свойств пространственной структуры городов. Образец пешеходного движения в городе определяется в первую очередь образцом «взаимосвязанности», а общая плотность пешеходного движения определяется общей взаимосвязанностью области пространственной

структуры. Это означает, что плотности движения в городских пространствах определяются в основном отношением пространств к пространственной структуре как к единому целому и только во вторую очередь частными характеристиками пространства, расположения функций или «магнитов». Существует противоречие между плотностями движения и предполагаемыми из пространственной структуры образцами движения во многих примерах жилой застройки. Сокращение общей плотности движения сильно связано с потерей «взаимосвязанности», а сокращение в предсказуемости образца движения из пространственной структуры связано с потерей «читаемости». Другими словами, пространственная структура создаёт или исключает «жизнь», в том смысле, что она определяет поле потенциальных встреч и сосуществования, разрозненных или плотных, предсказуемых и непредсказуемых в зависимости от образцов взаимосвязанности и степени читаемости пространственной структуры. Эти отношения носят системный характер и являются следствием архитектурного проекта.

В результате проведённого анализа на материале 75 городов была разработана модель, которая показывает основные значения в осевом представлении формы города. Эта модель может быть описана следующим образом. Теоретически, система города лежит в двух плоскостях: жёсткой системы пространств в определённой взаимосвязи (конфигурации); и набора подвижных «личностей», наложенных на эту конфигурацию. Таким образом, городская система обладает одновременно и свойствами статичности, и свойствами подвижности — это составляет первую плоскость теоретического описания. В другой плоскости — различие между пространственными характеристиками «местного» (локального) и «всеобщего» (глобального). Каждое пространство, входящее в систему города, находится в определённых отношениях с ближайшим окружением, а также занимает положение во всей глобальной структуре города. Отношение между свойствами «локального» и «глобального» — это вторая плоскость представления о модели измерения, отображённой в картах осей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жоголева А.В. Социальный адрес проектирования группы жилой, смешанной жилой застройки с учетом потребностей соседского общества // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2011. № 1. С. 10-15.
2. Ахмедова Е.А., Яковлев И.Н. Современные проблемы агломерационной стадии развития российских городов // Жилищное строительство. 2009. №3. С.27-31.
3. Ахмедова Е.А. Современный генеральный план города и возможности его реализации в условиях рынка // Промышленное и гражданское строительство. 2010. №8ю С.6-10.
4. Ахмедова Е.А. Особенности градостроительных трансформаций в Самаро-Тольяттинской агломерации с учетом ее приграничного положения // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2011. №2. С.5-9.
5. Ахмедова Е.А., Яковлев И.Н. Планировочные аспекты перспективного преобразования агломераций // Academia. Архитектура и строительство. 2009. №1. С.40-45.
6. Ахмедова Е.А. Сравнительный анализ методических подходов к проектам планировки территории // Приволжский научный журнал. 2011. №3(31). С.100-106.
7. Хиллиер. Б. Теория о городе как об объекте, или как пространственные законы управляют социальным устройством городского пространства. [Электронный ресурс] URL http://www.ucl.ac.uk/bartlett/3sss/papers_pdf/02_hillier_city.pdf (дата обращения 14.12.2015)
8. Хиллиер. Б., Вон Л. «Город как единое целое» URL <http://discovery.ucl.ac.uk/3272/1/3272.pdf> (дата обращения 14.12.2015)
9. Хиллиер Б., Лиман А., Стансалл П., Бедфорд М. «Синтаксическая структура пространства» URL http://discovery.ucl.ac.uk/1062/1/hillier-et-al-1976_Space_Syntax.pdf (дата обращения 14.12.2015)
10. Хиллиер Б., Хансен Дж. Социальная логика пространства. Cambridge University Press, 2005. 294с.

Для ссылок: Соколова Н.С. Теоретические аспекты элементов пространства города // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С.114-115. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.19

For references: Sokolova N. Theoretical aspects of the urban spatial structure. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 114-115. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.19

Полянцева Е. Р.

Уральский государственный архитектурно-художественный университет

Polyantseva Ekaterina

Ural State University of Architecture and Art

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ DECriminalIZATION OF ARCHITECTURAL ENVIRONMENT

Безопасность и нужды архитектурной среды должны учитываться на самых ранних этапах проектирования, поскольку защита является базовой человеческой потребностью и основной отличительной чертой сооружений, используемых людьми. Социальный успех современной архитектуры достижим только при учете требований по созданию безопасной среды и устранению существующих проблем с безопасностью

It is always necessary to consider the safety of architectural environment at the first stage of design work as safety is the basic human need and the main distinctive feature of the structures used by people. It is possible for contemporary architecture to achieve social success only if the safe environment is created and the existing problems with safety are eliminated.

Ключевые слова: архитектурная среда, безопасная среда, окружающая среда.

Keywords: architectural environment, safe environment, environment.

Создание комфортной и безопасной окружающей среды входит в число первоочередных задач, стоящих перед проектировщиками. В первую очередь, для создания безопасной среды важен физический контроль над пространством. Понятия «барьер» и «выключатель», «фильтр», «коннектор», впервые введенные в книге норвежского теоретика архитектуры Кр. Норберга-Шульца «Намерения в архитектуре», помогают разложить объемно-планировочную структуру здания на составные части, каждая из которых играет свою роль. Например, глухая стена служит фильтром тепла и холода и является барьером для света, двери и окна имеют характер выключателей. В основном мы определяем «коннектор» как средство установления прямой физической связи, «фильтр» как средство сделать связь управляемой, «выключатель» как регулируемый коннектор, и «барьер» как отделяющий элемент. Все возможные состояния физического контроля, входящие в проблему строительства, могут быть анализированы средствами этих «фильтрационных» понятий. В результате мы приходим к чистому определению необходимости соединения и отделения элементов. «Структурные возможности» измерения «физического контроля», таким образом, описаны в терминах элементов и связей. Окружающее пространство влияет на потенциального преступника и его образ действий, что составляет сферу изучения *средовой криминологии*. Возвращаясь к архитектуре, провокация или обратный посыл, говорящий о том, что данное пространство защищено, зависят от архитектурного оформления окружающего пространства. *Предотвращение преступлений с помощью дизайна среды* – теория в средовой криминологии, базирующаяся на предположении о том, что соответствующее архитектурное окружение и дизайн среды могут улучшить качество жизни, уменьшая количество преступлений у людей.

Процесс использования и приспособления теории к различным условиям и ситуациям указывает на важность междисциплинарного подхода при создании городской среды, защищенной от преступных посягательств. Сравнительный анализ указал общие черты всех направлений, так или иначе развиваемых внутри них принципы первоначальной теории – поддержку, иерархию пространств, территориальность, наблюдение, контроль доступа, а также отличия и проблемы, возникавшие при применении данных концепций в проектировании.

Безопасность и её нужды должны учитываться на самых ранних этапах проектирования, поскольку защита является базовой человеческой потребностью и основной отличительной чертой сооружений, используемых людьми. Социальный успех современной архитектуры достижим только при учете требований по созданию безопасной среды и устранению существующих проблем с безопасностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боков А.В. Многофункциональные комплексы и сооружения / М. : НИИТИ, 1973. 62 с. : ил.
2. Демина А.В. Структура общественного здания. Здания с большепролетными покрытиями : учеб. пособие / Тамбов : Тамб. гос. техн. ун-та, 2003. 88 с. :ил.
3. Дуранина И.С., Квятковский И.А., Тарановская М.З. Спортивные и зрелищные здания. Л. : Стройиздат, 1974. 144 с. : ил.
4. Иконников, А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве М.: Комкнига, 2006. 352 с. : ил.
5. Мастера советской архитектуры об архитектуре: избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: в 2 т. / под общ. ред. М.Г. Бархина [и др.]. М. : Искусство, 1975. Т. 2. 584 с.

6. Полянцева Е.Р., Янковская Ю.С. Безопасность и комфорт архитектурной среды пригородных районов. Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2015. Т. 2. С. 194-201.

7. Полянцева Е.Р., Янковская Ю.С. Сравнительный анализ концепций проектирования безопасной архи-

тектурной среды // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 3 (50), С 65-78.

8. Явейн О.И. Проблема пространственных границ в архитектуре: дис. ... канд. архитектуры / - М., 1987.

Для ссылок: Полянцева Е.Р. Декриминализация архитектурной среды // Innovative Project. 2016. Т.1, №2. С.116-117. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.20

For references: Polyantseva E. Decriminalization of architectural environment. Innovative Project. 2016. Vol.1. No.2. P. 116-117. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.20

Малахов С. А., Репина Е. А.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Malakhov Sergey, Repina Eugeniya

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

НЕОБХОДИМОЕ УТОЧНЕНИЕ NECESSARY CLARIFICATION

Уважаемые читатели!

В ранее опубликованной статье «История как феномен постпроекта» (Малахов С.А., Репина Е.А., Вейерс О., Innovative Project, №1, 2016 г.) на с. 74 [1] допущена неточность, по поводу которой авторы приносят свои извинения. Отрывок текста – «Непосредственным прецедентом явился проект “The Roof”, посвященный» ... необходимо заменить: «Правильно считать, что непосредственным прецедентом программы «Постпроект» стало путешествие авторов на автомобиле в 2000 г. из Нижнего Новгорода в Самару, во время которого были сделаны фотографии для первых концептуальных проработок по этой теме, в том числе – для постпроекта под названием – «Дом Фли Баркета». Фотографии и эскизы по постпроектам «Дома Актера Борисова» и «Дома Массимо Иори» были выполнены в период с 2000 по 2001гг. Постпроект The Roof появился позже».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Малахов С.А., Репина Е.А., Вейерс О. История как феномен постпроекта // Innovative Project. 2016. Т.1, №1. С. 74-81

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

	Страницы
<i>Адамова Екатерина Александровна – аспирант кафедры инновационного проектирования СГАСУ (Самара, Россия)</i>	82-84
<i>Ахмедова Елена Александровна – зав. кафедрой градостроительства СГАСУ, профессор, доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН (Самара, Россия)</i>	72-76
<i>Басс Саймон Кристофер – Avanti Architects (London, United Kingdom), аспирант кафедры архитектуры СГАСУ (Самара, Россия)</i>	17-22
<i>Брюн Александр – доцент Université Paul Valéry Montpellier (Montpellier, France)</i>	46-53
<i>Бурлина Елена Яковлевна – зав. кафедрой философии и культурологии СамГМУ, профессор, доктор философских наук, кандидат искусствоведения (Самара, Россия)</i>	58-63
<i>Гайдина Василиса Сергеевна – магистрант кафедры инновационного проектирования СГАСУ (Самара, Россия)</i>	92-94
<i>Гниломедов Александр Сергеевич – начальник отдела генерального плана Департамента градостроительства городского округа Самара (Самара, Россия)</i>	24-45
<i>Грязнова Анна Валентиновна – студент факультета архитектуры УрГАХУ (Екатеринбург, Россия)</i>	54-56
<i>Грязнова Галина Геннадьевна – доцент кафедры архитектурного проектирования УрГАХУ (Екатеринбург, Россия)</i>	54-56
<i>Захарченко Марина Анатольевна – инженер, аспирант кафедры инновационного проектирования СГАСУ (Самара, Россия)</i>	24-45
<i>Лащенко Снежана Владимировна – аспирант кафедры инновационного проектирования СГАСУ (Самара, Россия)</i>	24-45
<i>Леду Николя – директор Algoé Consultants (Paris, France)</i>	100-103
<i>Лопатина Лидия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры инновационного проектирования СГАСУ (Самара, Россия)</i>	24-45, 104-108
<i>Малахов Сергей Алексеевич – зав. кафедрой инновационного проектирования СГАСУ, профессор, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	24-45, 78-81, 82-84, 114
<i>Малефан Левела – аспирант Université Paul Valéry Montpellier (Montpellier, France)</i>	46-53
<i>Мальшиева Светлана Геннадиевна – декан факультета дизайна СГАСУ, доцент кафедры градостроительства СГАСУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	8-11, 24-45
<i>Михайлова Екатерина Алексеевна – ассистент, аспирант кафедры архитектуры СГАСУ (Самара, Россия)</i>	86-91
<i>Полянцова Екатерина Романовна – старший преподаватель кафедры архитектуры УрГАХУ, кандидат архитектуры (Екатеринбург, Россия)</i>	116-117
<i>Репина Евгения Александровна – профессор кафедры инновационного проектирования СГАСУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	24-45, 70-71, 92-94, 95-98, 104-108, 109-112, 114
<i>Романова Дарья Николаевна – ассистент, аспирант кафедры инновационного проектирования СГАСУ (Самара, Россия)</i>	24-45, 95-98
<i>Рыбакова Дарья Сергеевна – ассистент, аспирант кафедры архитектуры СГАСУ (Самара, Россия)</i>	64-69
<i>Рыбакова Диана Игоревна – магистрант кафедры инновационного проектирования СГАСУ (Самара, Россия)</i>	70-71
<i>Соколова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры градостроительства СГАСУ (Самара, Россия)</i>	114-115
<i>Храмов Дмитрий Юрьевич – директор Архитектурного бюро Храмова (Самара, Россия)</i>	12-16
<i>Храмова Мария Юрьевна – архитектор Архитектурного бюро Храмова, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	12-16
<i>Чубукина Ольга Владимировна – магистрант кафедры инновационного проектирования СГАСУ (Самара, Россия)</i>	109-112

JOURNAL AUTHORS

	<i>Pages</i>
<i>Adamova Ekaterina - post-graduate student of the Department of Innovative Design, SGASU (Samara, Russia)</i>	82-84
<i>Akhmedova Elena - Head of the Department of Urban Development, SGASU, Professor, Doctor of Architecture, RAASN corresponding member (Samara, Russia)</i>	72-76
<i>Buss Simon - Avanti Architects (London, United Kingdom), post-graduate student, Department of Architecture SGASU (Samara, Russia)</i>	17-22
<i>Brun Alexandre - Associate Professor, Université Paul Valéry Montpellier (Montpellier, France)</i>	46-53
<i>Burlina Elena - Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University, Professor, Doctor of Philosophy, PhD of Art Sciences (Samara, Russia)</i>	58-63
<i>Gaydina Vasilisa – post-graduate student, Department of Innovative Design, SGASU (Samara, Russia)</i>	92-94
<i>Gnilomedov Alexander - Head, Division of the city master plan of Samara Urban Development Department (Samara, Russia)</i>	24-45
<i>Gryaznova Anna - student of the Faculty of Architecture, UrGAHU (Ekaterinburg, Russia)</i>	54-56
<i>Gryaznova Galina. - Associate Professor, Department of Architectural Design, UrGAHU (Ekaterinburg, Russia)</i>	54-56
<i>Zakharchenko Marina - engineer, post-graduate student, Department of Innovative Design, SGASU (Samara, Russia)</i>	24-45
<i>Lashchenko Snezhana - post-graduate student, Department of Innovative Design, SGASU (Samara, Russia)</i>	24-45
<i>Ledoux Nicolas - Director Algoé Consultants (Paris, France)</i>	100-103
<i>Lopatina Lydia - senior lecturer, Department of Innovative Design, SGASU (Samara, Russia)</i>	24-45, 104-108
<i>Malakhov Sergey - Head of the Department of Innovative Design, SGASU, professor, PhD of Architecture (Samara, Russia)</i>	24-45, 78-81, 82-84, 114
<i>Malefan Levela – post-graduate student, Université Paul Valéry Montpellier (Montpellier, France)</i>	46-53
<i>Malysheva Svetlana - Dean of the Design Faculty, SGASU, Associate Professor of the Department of Urban Development, SGASU, PhD of Architecture (Samara, Russia)</i>	8-11, 24-45
<i>Mikhailova Ekaterina- assistant, post-graduate student, Department of Architecture, SGASU (Samara, Russia)</i>	86-91
<i>Polyantseva Ekaterina - senior lecturer, Department of Architecture, UrGAHU, PhD of Architecture (Ekaterinburg, Russia)</i>	116-117
<i>Repina Evgenia – Professor, Department of Innovative Design, SGASU, PhD of Architecture (Samara, Russia)</i>	24-45, 70-71, 92-94, 95-98, 104-108, 109-112, 114
<i>Romanova Daria – assistant, post-graduate student, Department of Innovative Design, SGASU (Samara, Russia)</i>	24-45, 95-98
<i>Rybakova Daria - assistant, post-graduate student, Department of Architecture, SGASU (Samara, Russia)</i>	64-69
<i>Rybakova Diana – post-graduate student, Department of Innovative Design, SGASU (Samara, Russia)</i>	70-71
<i>Sokolova Natalia. – post-graduate student, Department of Urban Development, SGASU (Samara, Russia)</i>	114-115
<i>Khramov Dmitry - director of the Khramov Architectural Bureau (Samara, Russia)</i>	12-16
<i>Khramova Maria - architect of Hramov Architectural Bureau, PhD of Architecture (Samara, Russia)</i>	12-16
<i>Chubukina Olga – post-graduate student, Department of Innovative Design, SGASU (Samara, Russia)</i>	109-112